

ISSN: 2790-7570

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№2 (26) - 2026г.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№2 (26) - 2026г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционного совета:	Имомова Нилуфар Махмайсусовна - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, проректор по воспитательной работе, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Белых Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Кузнецова Ольга Анатольевна - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Муртазозода Джампед Сайдали - Республика Таджикистан, депутат Маджлиси намоёндагои Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Гаюров Шукрулло Караматуллоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Сотиводиев Рустам Шарофович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Ипешков Константин Анатольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Азимзода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Таджикский международный университет, зав. кафедрой международных отношений и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Дьядкин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Рустемова Гаухар Рустембековна - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сулайманова Назгуль Назарбековна - Республика Киргизия, Кыргызско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сафарзода Анвар Ислои - Республика Таджикистан, Исполнительный аппарат Президента Республики Таджикистан, руководитель Управления образования, культуры и информации, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс Махмудов Изатулло Тешаевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Муродзода Ардашер Алишер - Республика Таджикистан, судья района Шохмансур г. Душанбе, кандидат юридических наук, 12.00.09 – Уголовный процесс

Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Титова Татьяна Александровна - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, доцент кафедры международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Идизода Файзали Фузайлло - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Председатель Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению Маджлиси намоияндагон, кандидат юридических наук, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Носиров Хуршед Толибович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Султонова Тахмина Истамовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Мороз Светлана Павловна - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Абдуллин Аделъ Ильясович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Мансуров Умед Абдуфаттохович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Международный Комитет Красного Креста, юридический советник Миссин, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Раджабзода Махмадёр Носир - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рафтском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Консалтинговая компания «Russell Bedford ААА», старший юрист, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Назаров Аваз Кувватович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Алимов Суробшо Юсуфпоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Кондрашев Андрей Александрович - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, заместитель начальника по науке, доктор юридических наук, доцент, 12.00.09 –Уголовный процесс

Хамроев Шухратджон Садирович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 –Уголовный процесс

Михайлов Виктор Александрович - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 –Уголовный процесс

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
 тел.: (+992 237) 227-67-40; www.rtsu.tj
 e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
 Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
 Лицензия №147/ЖР-97 от 27 марта 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	9
----------------------------	---

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Улугов У.А. Некоторые вопросы реализации концепции «экологического конституционализма» в Республике Таджикистан.....	10
--	----

12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Абдуҷаалилов А., Раҳимзода М.З. Правовые проблемы искусственного интеллекта.....	15
Абдурахманова Т.Дж. Международно-правовое регулирование прав женщин в условиях вооруженных конфликтов: эволюция подходов.....	21
Аминова Ф.М. Правовое регулирование социального предпринимательства в Республике Таджикистан.....	25
Имомзода Н.М., Сангинзода Д.Ш. Юридическая дипломатия как инструмент обеспечения международной стабильности и правового выхода из вооруженных конфликтов: международно-правовой анализ.....	30
Кодиров Ш.К. Преддоговорные отношения и незаключённость договора: вопросы теории и правоприменения.....	37
Носиров Х.Т., Хамроев Ш.С., Кодиров Ш.К. Институт нотариата Республики Таджикистан в условиях цифровой трансформации: правовой статус, функции и роль в обеспечении стабильности договорных отношений.....	43
Рахматзода Д.Т. Проблемы правовой защиты смежных прав в цифровом пространстве.....	52
Рахмонзода Ф.Ю. Критерии разграничения непоименованных и смешанных договоров в гражданском праве.....	57
Султонова Т.И. Правовое регулирование договорных отношений в сфере энергосбережения и энергоэффективности Республики Таджикистан.....	64

12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Абдухамитов В.А. Взаимодействие Республики Таджикистан со странами ближнего и дальнего зарубежья в противодействии преступности, связанной с торговлей людьми.....	69
Хусейнзода Х.С., Абдуллаев Н.С. Вопросы понятия субъекта преступления в законодательстве Республики Таджикистан.....	75

12.00.09 - УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Желтова В.А. Особенности производства по уголовным делам о хищениях, совершенных с использованием электронных средств платежа.....	85
---	----

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Джураев М.Т. Влияние цифровой экономики на транснациональную преступность: вызовы для национальных и международных институтов.....	94
Золотухин А.В. Роль экономического суда СНГ в формировании единого правового пространства содружества.....	103
Рахмонзода Д.А. Международное гуманитарное право и вызовы новых технологий.....	107
 Правила для авторов и порядок рецензирования.....	114

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

Главный редактор
доктор юридических наук, доцент,
А.В. Золотухин

УДК 342.7 (575.3)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА» В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Улугов Умиджон Амонович

Директор Государственного учреждения «Национальный центр по выполнению Стокгольмской Конвенции о стойких органических загрязнителях» Комитета по охране окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, С. Абдуллоев, 77

Тел.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

Статья представляет взгляд на некоторые проблемные вопросы внедрения принципа «экологического конституционализма» в Республике Таджикистан и подчеркивает прямую взаимосвязь аспектов конституционного определения права собственности на природные ресурсы с возникающими экологическими проблемами. В контексте Таджикистана это нашло выражение в отказе от частной собственности на природные ресурсы и провозглашении их государственной исключительной собственности как общего блага. Обоснования включают незаменимость, ограниченность и высокую социальную значимость ресурсов; акцент делается на рациональном использовании, ответственности перед будущими поколениями и усилении общественного контроля, в том числе через международные механизмы, такие как Орхусская конвенция.

Ключевые слова: *экологический конституционализм, природные ресурсы, зеленая экономика, устойчивое развитие.*

XXI век охарактеризован значительным научным прогрессом и достижениями, которые требуют мобилизации значительных природных ресурсов. Даже локальные решения в обеспечении благополучия населения перестали быть ограниченными территориально, а перерастают

в глобальные вызовы, которые должны решаться с помощью диалога, применения различных методов, включая учет интересов окружающей среды. На фоне деградации природных ресурсов в мировом значении важным становится разработка новой зеленой повестки, которая предложит рациональную стратегию не только выживания на планете, но и развития, где будут акцентированы внимание на экологическую безопасность, социальную справедливость и экономическое развитие, сопряженное с рациональным использованием природных ресурсов и обеспечение доступа к ним. Как справедливо отмечает Гулак Н.В. в такую стратегию уместно было бы также включить «экологическую культуру, экологическое образование и экологическое воспитание»¹. Мы же полагаем, что все

аспекты, связанные с обеспечением устойчивого развития и выживания в обществе можно обозначить единым термином, который характеризуется как «справедливое экологическое общество» в данной статье сделаем попытку привязки данного термина с «экологическим конституционализмом», отраженным в национальном законодательстве Таджикистана.

Справедливое экологическое общество является относительно новым термином в юридической науке, однако его интеллектуальные корни уходят значительно глубже, чем может показаться. Ещё в XIX веке Эрнст Геккель, вводя понятие «экология», согласно мнению ученых², фактически заложил фундамент для научного обоснования и понимания взаимосвязи человека с природной средой и обществом,

© Улугов У.А., 2026

¹ Гулак Наталья Валентиновна. "Концепция устойчивого развития как фактор сохранения нашей планеты для будущих поколений: экологические и экономические аспекты" Известия Оренбургского государственного аграрного университета, no. 5 (43), 2013, pp. 244-246.

² Никольский А. А., Степанов Д. А. Эрнст Геккель - основоположник науки экологии // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2011. № 1. С. 9–10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ernst-gekkel-osnovopolozhnik-nauki-ekologii> (дата обращения: 12.01.2026 г.).

в целом. Выраженные в его трудах идеи о нахождении организмов в сложной взаимосвязи с друг другом, необходимость бережного отношения к так называемым хрупким природным системам (на современном языке мы это называем «экосистема»), необходимость изучения взаимосвязи (современная концепция «устойчивого развития»), стала научным прорывом и основой для развития мысли справедливости в распределении благ окружающей среды и, самое главное, предотвращения экологического неравенства.

Не можем не отметить мысли справедливого обращения к природным ресурсам, получивших дальнейшее развитие в трудах Владимира Ивановича Вернадского, который рассматривал биосферу как единое целое, а человечество как силу, которая может менять планетарные процессы. Концептуальное учение о ноосфере подчёркивало, что планета Земля может быть устойчива лишь благодаря гармонии, которую создает человек во взаимоотношении с природой, а деятельность человека направлена на созидание без значительного ущерба интересам окружающего мира. Такая концепция содержит в себе идеи равного доступа к природным ресурсам, но также закладывает основы для их восстановления и рационального использования, что ставит ряд вопросов правовой ответственности перед будущими поколениями. Своими трудами Вернадский заложил основу для современных воззрений экологической справедливости. Мы полагаем, уникальное сочетание экономических и экологических интересов ныне формируют повестку «зеленой» экономики, что

также отражено в трудах великого ученого.

Опираясь на научные концепции, Республика Таджикистан в своем экологическом конституционализме отказалась признать право частной собственности на природные ресурсы, но сделала их общим достоянием с гарантией эффективного их использования в интересах народа. Статья 13 провозглашает природные ресурсы исключительной собственностью государства. Мы задаемся вопросом: почему отказ от частной собственности на природные ресурсы является научно-обоснованным в условиях маленькой горной страны? Таджикистан, равно как большинство стран Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока распространяют право государственной собственности на природные ресурсы с оговоркой рационального их использования, равно как распределения среди населения. Природные ресурсы декларируются как общее благо, а институт частной собственности не может быть применен из-за нескольких факторов, характерных для элементов окружающей среды: 1) незаменимость, 2) ограниченность, 3) высокая социальная значимость.

Незаменимость природных ресурсов продиктовано своей значимостью для жизни, развития любой страны. Таджикистан воспринимает их как экономический и экологический актив, который может приносить значительные блага для народа страны за счет их использования. К примеру, уникальные горные экосистемы страны привлекают внимание сотни тысяч туристов ежегодно и с этой позиции этот актив не только незаменим, но

также уникален. Уникальны также эндемические представители флоры и фауны страны, вызывающие особый интерес науки, творчества, искусства, охоты и других видов природопользования. Мы можем отметить, что для Таджикистана природные ресурсы являются фундаментом, на котором сегодня держится все общество.

Ограниченность природных ресурсов, как справедливо отмечается в научных кругах,¹ проявляется не только в их конечном объеме, но и в способности к восстановлению. Для маленькой горной страны, как Таджикистан, этот фактор имеет важное значение. Значительный объем природных ресурсов формируются в течении длительных геологических и биологических циклов, с чем связано лимитированное их использование. Водные ресурсы страны напрямую зависят от водности, осадков, а также состояния ледников, леса от уровня деградации горных массивов, а подземные богатства невозможно будет восстановить в течение жизненного цикла человечества.

Республика Таджикистан рассматривает эту ограниченность как стратегическую, так как страна формирует значительный объем пресной воды в регионе, обладает потенциалом для выработки гидроэлектроэнергии, способность выращивать экологически безопасные продукты благодаря плодородию почв. Поэтому нужно согласиться с мнением ряда отечественных ученых², что рациональное использование природных ресурсов является актуальным вопросом национальной безопасности и устойчивого развития.

¹ Авдеев А. В. Ограниченность природных ресурсов // Вестник научных конференций. 2017. № 4–4(20). С. 8–9. EDN YRVRDH.

² Кудратов Р.Р., Эмомов М.Н., Икромов Ф.Н. Концептуальные подходы к устойчивому развитию центрального региона Республики Таджикистан // Вестник

Высокая социальная значимость природных ресурсов заключается в их роли определять качество жизни населения страны, экономическое развитие и, в целом, социальную стабильность. Как отмечают ряд ученых¹, это требует от экологической функции государства минимизировать вред, наносимый природным ресурсам, до социально и экономически приемлемого уровня. В нашей стране природные ресурсы также играют роль ежедневного удовлетворения в естественных потребностях, что не может рассматриваться как один из аспектов безопасности. Усиливается фактор также тем, что значительная часть населения страны проживает в сельской местности (хотя за последние годы темпы урбанизации довольно быстры), в связи с чем такие направления как лесопользование, водопользование, землепользование, пастбищепользование возведены в ранг нормативного регулирования. Это также сфера для регулирования конфликтных ситуаций, в связи с чем социальная ценность природных ресурсов еще больше усиливается.

Отметим, что возможное обсуждение вопросов внедрения в законодательство Республики Таджикистан аспектов частной собственности на природные ресурсы² может натолкнуться на ряд специфических проблем, включая мгновенную монополизацию, усиление деградации природных ресурсов и конфликтам интересов.

Современная концепция экологического конституционализма должна предусмотреть помимо прочего также и коллективную ответственность, равно как общедоступность контроля прав на владение и использование природных ресурсов. Конституция Республики Таджикистан в статье 44 закрепляет обязанность охранять природу, что, на наш взгляд, может быть подтверждением нашего суждения о всеобщей принадлежности природных ресурсов, ответственности перед будущими поколениями и всеобщий контроль над ними. Как молодое государство, Таджикистан выбирает для себя путь укрепления «ресурсного суверенитета», стремясь таким образом укрепить свою государственность, избежать всяческих

проявлений образования олигархий, а также централизовать управление природными ресурсами. Это в идеале! И тут мы можем натолкнуться на довольно интересные научные, политические дискуссии, которые представляют интерес для других научных исследований, но тут будут упомянуты лишь для необходимости принятия мер по усилению конституционного регулирования. На практике такая модель уже сдерживается ввиду коррупции в органах управления, а также иными факторами, влияющие на обеспечение конкурентоспособности в органах государственной власти. Как мы полагаем, одним из основных нейтрализаторов вышеуказанных негативных факторов может быть усиление роли общественности в процессе принятия решений, контроля за выполнением государственных задач. Среди наиболее важных международных³ механизмов отмечаем Орхусскую Конвенцию. В странах с высоким уровнем экологического конституционализма правовые нормы закрепляют право общественного контроля, доступности и прозрачности

Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. № 2/5(207). С. 9–14. EDN XFVUYL.

¹ Затонский А.В., Сиротина Н.А. Значение и роль природно-ресурсного потенциала в обеспечении устойчивого развития региона // Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1. С. 2-3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-rol-prirodno-resursnogo-potentsiala-v-obespechenii-ustoychivogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 13.01.2026 г.).

² Речь не идёт о том, чтобы представить частную собственность на природные ресурсы как универсальное решение социально-экономических или экологических проблем. Такая модель сама по себе не гарантирует ни устойчивого развития, ни справедливого распределения выгод, ни сохранения природного капитала. Для Таджикистана принципиально важным остаётся сохранение ведущей роли государства в регулировании и контроле использования природных ресурсов. Государство выступает гарантом того, что природные богатства будут использоваться рационально,

с учётом их естественных циклов восстановления и экологической ёмкости территорий. Именно государственный контроль позволяет выстраивать долгосрочную стратегию, ориентированную не на краткосрочную выгоду, а на межпоколенческую ответственность. В тех случаях, когда природные ресурсы не обладают способностью к быстрому или полному восстановлению, государство обязано применять механизмы ограничения их использования, регулировать объёмы добычи, вводить моратории или иные меры охраны. Одновременно государство должно искать и развивать альтернативы: внедрять ресурсосберегающие технологии, стимулировать переход к возобновляемым источникам энергии, поддерживать инновации в сфере экологически безопасного производства. Такой подход позволяет снизить давление на природные системы и обеспечить устойчивость экономики в долгосрочной перспективе.

³ Орхусская конвенция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aarhus.tj/aarhus_convention/ (дата обращения: 20.02.2026 г.).

принимаемых решений, а также доступ к экологической инфор-

мации и обеспечение механизмов участия и доступа к правосудию.

Библиографический список

1. Авдеев А.В. Ограниченность природных ресурсов // Вестник научных конференций. – 2017. – № 4–4(20). – С. 8–9. – EDN YRVRDH.
2. Затонский А.В., Сиротина Н.А. Значение и роль природно-ресурсного потенциала в обеспечении устойчивого развития региона // Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 1. – С. 2–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-rol-prirodno-resursnogo-potentsiala-v-obespechenii-ustoychivogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 13.01.2026 г.).
3. Гулак Наталья Валентиновна. "Концепция устойчивого развития как фактор сохранения нашей планеты для будущих поколений: экологические и экономические аспекты" Известия Оренбургского государственного аграрного университета, no. 5 (43), 2013, pp. 244-246.
4. Кудратов Р.Р., Эмомов М.Н., Икромов Ф.Н. Концептуальные подходы к устойчивому развитию центрального региона Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2016. – № 2/5(207). – С. 9–14. – EDN XFFVUYL.
5. Никольский А.А., Степанов Д.А. Эрнст Геккель — основоположник науки экологии // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2011. – № 1. – С. 9–10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ernst-gekkel-osnovopolozhnik-nauki-ekologii> (дата обращения: 12.01.2026 г.).
6. Орхусская конвенция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aarhus.tj/aarhus_convention/ (дата обращения: 20.02.2026 г.).

SOME ISSUES OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF “ENVIRONMENTAL CONSTITUTIONALISM” IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Ulugov Umidjon Amonovich

Director, State Institution “National Center for the Implementation of the Stockholm Convention on Persistent Organic Pollutants”

Committee for Environmental Protection under the Government of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 77 S. Abdulloev St.
Tel.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

The article presents a perspective on certain problematic issues related to the introduction of the principle of “environmental constitutionalism” in the Republic of Tajikistan and emphasizes the direct relationship between the constitutional determination of property rights to natural resources and emerging environmental problems. In the context of Tajikistan, this has been expressed in the rejection of private ownership of natural resources and the proclamation of their exclusive state ownership as a public good. The rationale includes the irreplaceability, limited nature, and high social significance of resources; emphasis is placed on rational use, responsibility to future generations, and the strengthening of public oversight, including through international mechanisms such as the Aarhus Convention.

Keywords: environmental constitutionalism, natural resources, green economy, sustainable development.

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҶОИ ТАТБИҚИ КОНСЕПСИЯИ «КОНСТИТУТСИОНАЛИЗМИ ЭКОЛОҶИ» ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Улугов Умидҷон Амоновӣ

Директори муассисаи давлатии «Маркази миллии иҷрои Конвенсияи Стокҳолм оид ба ифлоскунандаҳои органикии устувор» назди Кумитаи ҳифзи муҳити зисти назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯч. С. Абдуллоев, 77
Тел.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

Мақола нуқтаи назари муаллифро оид ба баъзе масъалаҳои проблемавии ҷорӣ намудани принсипи «конститутсионализми экологӣ» дар Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод намуда, робитаи мустақими ҷанбаҳои

муайянкунии конституционии ҳуқуқи моликият ба захираҳои табиӣ бо мушкилоти экологии ба миёномада таъкид мекунад. Дар шароити Тоҷикистон ин дар рад кардани моликияти хусусӣ ба захираҳои табиӣ ва эълон намудани онҳо ҳамчун моликияти истисноии давлатӣ, ҳамчун неъматҳои умумӣ, ифода ёфтааст. Далелҳои ивазнашаванда будан, маҳдудият ва аҳамияти баланди иҷтимоии захирахоро дар бар мегиранд; таваҷҷуҳ ба истифодаи оқилона, масъулият дар назди наслҳои оянда ва тақвияти назорати ҷамъиятӣ, аз ҷумла тавассути механизмҳои байналмилалӣ, ба мисли Конвенсияи Орхус, равона шудааст.

Калидвожаҳо: конституционализми экологӣ, захираҳои табиӣ, иқтисоди «сабз», рушди устувор.

УДК 341

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Абдуджалилов Абдужабар

доктор юридических наук, заведующий отделом частного права
Института государства и права Национальной академии наук Таджикистана,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 19
тел.: 918 42 11 04, e-mail: debtresolution@mail.ru

Рахимзода Махмад Забир

член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института государства и права Национальной академии наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 19
тел.: 918 86 88 77, e-mail: zabir54@mail.ru

В предлагаемой статье авторы рассматривают феномен искусственного интеллекта с точки зрения позитивного права, проблемы и объем правового регулирования, правосубъектности компьютерных технологий, создающих юридические факты и проблемы ответственности искусственного интеллекта. Авторы придерживаются классической правовой интерпретации понятия «субъект права». Возможность признания искусственного интеллекта субъектом права авторами отрицается, поскольку субъектом права в полном смысле могут быть только физические и юридические лица. Авторы последовательно придерживаются **классической правовой методологии**: разграничение технического и юридического подходов; приоритет правовой квалификации над функциональным описанием; опора на принципы субъектного и объектного права. Особо выделен тезис о том, что правовая квалификация объекта исследования требует самостоятельной аргументации, не сводимой к описанию его функциональности.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, субъект, объект, классическая методология, правовая квалификация, правосубъектность.*

Абдуджалилов А.

Программная установка Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, озвученная им в Послании

от 16 декабря 2025 года Парламенту Таджикистана «Об основных направлениях внутренней и внешней политики страны» о том, что «Парламенту страны необходимо принять меры для обеспечения правовой основы перехода на цифровую экономику и использования искусственного интеллекта»¹ стала катализатором многочисленных публикаций представителей отечественной науки по проблемам цифровой экономики и искусственного интеллекта.

Поставленная Президентом страны задача – обеспечение правовой основы перехода на цифровую экономику и использования искусственного интеллекта понимается как разработка нормативных актов,

Рахимзода М.З.

направленных на регулирование общественных отношений в области цифровой экономики и искусственного интеллекта. В свою очередь,

© Абдуджалилов А., Рахимзода М.З., 2026

¹ Послание Президента Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона Парламенту Таджикистана

16.12.2025 г. Электронный ресурс:
<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20251217/> дата обращения 06.03.2026

для разработки таких нормативных актов нужны достаточно глубокие теоретические исследования в указанных областях, формулирование понятийного аппарата, дефиниций и методологии нормативного регулирования, которые являются задачей науки, поскольку в самом общем виде под понятием «наука» мы должны понимать деятельность, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности, в данном случае – о природе искусственного интеллекта.

Анализ многочисленных публикаций по проблемам искусственного интеллекта, появившихся в последнее время, дает возможность обратить внимание на их определенные недостатки: 1) попытки анализа искусственного интеллекта осуществляется при помощи понятийного аппарата точных наук (в основном – компьютерных технологий); 2) работы, как правило, имеют чисто описательный характер, в которых дается общее представление об искусственном интеллекте без источниковедческой базы и ссылок на крупные монографические исследования по теме; 3) публикации в основном представляют собой набор цитат из англоязычной экономической и технической литературы и документы международных организаций, носящих рекомендательный характер; 4) зачастую четкая теоретическая позиция по проблеме не обозначена.

Все эти нарративы вносят в научный дискурс по проблеме искусственного интеллекта известную неопределенность, тогда, когда юрист при анализе соответствующего объекта гражданского оборота обязан обращать внимание не на подробную

естественную или искусственную сущность объекта, а на его юридическую характеристику, его правовой режим.¹ И в отсутствие единого доктринального подхода, стержневой парадигмы на процессы, связанные с научной проблематикой искусственного интеллекта, они демонстрируют отход от классических канонов отечественного гражданского права, поскольку в публикациях не наблюдается опора на принципы права и юридическую точность в разграничении искусственного и человеческого интеллекта.

Анализ правовой природы искусственного интеллекта, как и любой другой проблемы в научном ракурсе начинается, как правило, из сравнительного сопоставления имеющихся в правовой литературе (особо подчеркнем – имеющихся в опубликованных монографических работах и статьях в академических научных журналах, а не на интернет-сайтах) определений и краткого обзора полемики по поводу таких определений. При этом, исходные данные для анализа должны содержать первооснову проблемы, то есть понятия искусственного интеллекта именно с точки зрения права. Например, Д.В.Бахтеев дает следующее определение искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект – междисциплинарная область знаний о группе смежных технологий и создаваемое с её помощью программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное ограниченно понимать причинность и выполнять задачи интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения корректировки и уточнения за счет опыта

принимаемых решений»².

По мнению В.А.Вайпан, «Искусственный интеллект – способность интеллектуальной системы (технической или программной) корректно обрабатывать и анализировать данные аналогично человеку, обучаться в процессе восприятия информации и самостоятельно использовать полученные знания для решения задач».³ Определение искусственного интеллекта, данное В.А.Вайпаном, описывает, скорее его техническую, чем правовую сторону.

Нормативное определение искусственного интеллекта дано в подпункте 2 п. 1 ст. 2 Закона № 123-ФЗ Российской Федерации от 24.04.2020 г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации». «Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе те, в которых используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и

¹ Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография / отв. ред. Л.Ю.Василевская. – Москва: Проспект, 2022. – С. 37.

² Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва, Проспект, 2023. – С. 21, 27.

³ Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе / Право и экономика, № 1, 2024. – С. 10.

поиску решений».

Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК определяет искусственный интеллект как «функциональную способность к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Как видим, все четыре дефиниции искусственного интеллекта, в том числе и две нормативных, тяготеют к его техническим характеристикам, которые недостаточны для юридических выводов, поскольку правовая квалификация объекта исследования требует самостоятельной аргументации, не сводимой к описанию функциональности. Даже определение Л.Ю.Василевской о том, что «искусственный интеллект — условное понятие. Речь должна идти о результате творческого труда, об интеллектуальном результате деятельности человека, о нематериальном по своей природе инновационном продукте, материальном носителе которого является компьютер»¹ не раскрывает сущностных правовых характеристик искусственного интеллекта. На наш взгляд, при определении юридических характеристик и правового режима искусственного интеллекта на первый план должен быть поставлен вопрос не о том, каковы технические характеристики и возможности искусственного интеллекта, а о том, кем или чем он является — субъектом права, либо объектом? Все

остальные вопросы решаются достаточно просто, если мы правильно определим место искусственного интеллекта в общей системе гражданского и предпринимательского права.

Вот несколько теоретических подходов к проблеме определения правового статуса искусственного интеллекта, высказанные в правовой литературе последнего времени.

Первый. Искусственный интеллект признается новым современным субъектом права, поскольку носителем искусственного интеллекта выступает «электронное лицо». Такой позиции придерживаются Ф.В.Ужов, который признает искусственный интеллект новым современным субъектом права, поскольку носителем искусственного интеллекта выступает «электронное лицо» [11, 357],² или Архипов С.И., который считает искусственный интеллект как «метاپравовой субъект», формально не участвующий в правовых отношениях, но признаваемый субъектом права.³ В качестве примера сторонники этой позиции приводят примеры того, как искусственные личности наделились отдельными правами человека. Робот София с октября 2017 года является поданной Королевства Саудовская Аравия, а чат-бот (компьютерная программа, не имеющая физического воплощения) Shibuya Mirai была признана гражданином Токио. Эти примеры носят скорее рекламный характер, поскольку фактически нарушают законы соответствующих государств о гражданстве,⁴

но тем не менее, прецедент о субъекте права неживыми существами создан.

Второй. Искусственный интеллект при наличии соответствующих норм законодательства в будущем может быть признан субъектом гражданского права. И.Н.Тарасов и И.Н.Спицын полагают, что «искусственный интеллект при наличии соответствующих норм законодательства в будущем может быть признан субъектом гражданского права».⁵ Аналогичная позиция высказана и С.Ф.Афанасьевым, который утверждает, что «в недалеком будущем сильный искусственный интеллект потенциально может быть признан субъектом материальных и процессуальных правоотношений, поскольку со временем будет обладать всей совокупностью когнитивных характеристик и навыков человека» [4, 12].⁶

Третий. С теоретических позиций допустимо говорить о «квазисубъекте», или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект — особый объект гражданских прав, для которых положен специальный правовой режим. Такая точка зрения высказана А.А.Волос. По его мнению, с теоретических позиций допустимо говорить о «квазисубъекте», или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект — особый объект гражданских прав, для которых положен специальный правовой режим и,

¹ Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография / отв. ред. Л.Ю.Василевская. — Москва: Проспект, 2022. — С. 51.

² Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Пробелы в российском законодательстве. 2017. - № 3. — С. 357.

³ Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). — автореферат дисс. д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2005. — С. 12-13.

⁴ Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. — Москва, Проспект, 2023. — С. 123.

⁵ Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / М., Статут, 2021.

⁶ Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. — С. 12.

возможно, какие-либо исключения из норм о субъекте [8, 33-34].¹

Четвертый подход полностью основан на классической правовой интерпретации понятия «субъект права». Возможность признания искусственного интеллекта субъектом права отрицается, поскольку субъектом права в полном смысле могут быть только физические и юридические лица. С точки зрения теории права – это классический подход, и сторонники такого подхода – Л.Ю.Василевская,² Е.Б.Подузова,³ М.З.Рахимзода,⁴ А.Абдуджалилов⁵ исходят из того, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью противоречит классическим категориям права. Их аргументация включает следующие положения: а) искусственный интеллект не обладает сознанием, волей и способностью осознавать значение своих действий; б) искусственный интеллект не может нести ответственность, поскольку у него отсутствует такая правовая категория, как деликтоспособность; и в) искусственный интеллект – это всегда чье-то имущество, то есть он принадлежит кому-то на праве пользования или собственности, он имеет определенную потребительскую стоимость, то есть он является объектом гражданского оборота.

Какой подход можно назвать верным с точки зрения классического гражданского права? Такая постановка вопроса не случайна, поскольку главное в юридической науке – это её прикладная направленность, и в этом смысле

любой отход от классических установок гражданского права при анализе новых общественных отношений ведет к кризису права. Однако обзор теоретических новинок особенно в области научного исследования проблем, связанных как с цифровыми технологиями, так и её производным – искусственным интеллектом показывает, что авторы таких новинок пытаются сменить классические позиции гражданского права на новые правовые элементы, явно противоречащие этой классике. Начнем с первых двух подходов, указанных нами выше. Это стремление придать искусственному интеллекту статуса субъекта права. Сторонники этой точки зрения апеллируют на способность искусственного интеллекта проводить операции, сравнимые с деятельностью человеческого мозга. Как эти нарративы соотносятся с классическими понятиями о субъекте права?

Начнем с того, что поскольку в данном случае речь идет не о способности искусственного интеллекта к определенным действиям, схожим с действиями разумного человека, а о его правовой составляющей, то есть о его месте в общей системе права, нужно четко и однозначно принять во внимание следующую правовую константу: понятие «искусственный интеллект» – это собирательное понятие, состоящее из двух автономных частей: а) компьютер (материальный носитель) как индивидуально определенная вещь (объект вещных

прав), который однозначно принадлежит субъекту (физическому или юридическому лицу) в собственности, и б) программное обеспечение, которое является объектом интеллектуальных прав его автора. И эти режимы нельзя смешивать, то есть нельзя представлять понятие «искусственный интеллект» как нечто единое целое, как самостоятельное правовое образование. Именно это обстоятельство в современной правовой литературе игнорируется. Из сказанного можно сделать однозначный вывод: независимо от достигнутого уровня развития искусственного интеллекта, начиная от «умного» пылесоса и роботов вплоть до межпланетных космических систем, эти системы – чье-то имущество, то есть они принадлежат кому-то на праве пользования или собственности – физической или интеллектуальной – неважно. Важно, что любая материальная система искусственного интеллекта (компьютер как объект вещных прав) и программное обеспечение как объект интеллектуальных прав имеют определенную потребительскую стоимость, и при желании их можно купить, как например, тот же пылесос, известную «Алису» или программное обеспечение. То есть составляющие искусственного интеллекта есть объекты гражданского оборота, как и любые другие объекты. И это обстоятельство ломает все нарративы об искусственном интеллекте как о субъекте, квазисубъекте, особом субъекте права. Эта концепция позволяет верифицировать выводы и встраивать

¹ Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография. – Москва, Проспект, 2024. – С. 33-34.

² Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография / отв. ред. Л.Ю.Василевская. – Москва: Проспект, 2022.

³ Подузова Е.Б. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта в договорном праве: цивилистическая концепция. – Москва, Проспект, 2024.

⁴ Рахимзода М.З. Эволюция объектов гражданского права в условиях развития цифровой экономики и предпринимательства / Искусственный интеллект и его использование в гражданско-правовых отношениях: состояние и перспективы. – Материалы научно-теоретической конференции. – Душанбе, 2026. – С. 24.

⁵ Абдуджалилов А. Искусственный интеллект: теория правосубъектности. / Право и экономика. Сборник статей по итогам VII Новосибирского международного юридического форума 14-24.05.2025. – С. 67-75.

их в систему существующего правового знания.

В целом, искусственный интеллект определяется как функциональная способность компьютерных программ-алгоритмов к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Но превзойти интеллект человека ни одной компьютерной программе не удастся. То, что сейчас называют «искусственным интеллектом» – это имитаторы человеческого интеллекта, так как они обучаются на наборах данных, отобранных и классифицированных людьми. Задачи ставят люди, результаты продвижения в решении этих задач оцениваются людьми, и тут речи нет ни о какой-либо самостоятельности. Раз имитатор не самостоятелен, то этот имитатор как любой инструмент может быть использован во благо или во вред в зависимости от намерений тех, кто его использует.

Несмотря на стремительное развитие инструментов, создающих искусственный интеллект и способных генерировать код, роль разработчиков остается ключевой. Программисты обеспечивают контроль качества, выявляют ошибки и принимают решения, которые требуют глубокого понимания систем. Из этого можно заключить, что искусственный интеллект может ускорять процессы, но не способен заменить стратегическое мышление и нести ответственность за конечный результат. Не углубляясь в специфические терминологические понятия из области компьютерных технологий, отметим, что основой любой компьютерной программы является компьютерный код – исполняемый код, полученный путем переработки исходного кода программы, написанной программистом на том или ином языке программирования и реализующий алгоритмы для решения поставленных задач. Если в коде содержится ошибка, - опечатка или неправильное толкование данных, допущенных программистом, то

программа даст сбой или неверный результат. Предполагать, что программист в своей работе идеален и ошибки в программировании исключены, было бы крайне неверно и не учитывало бы природу человека. Человеческий разум принципиально отличается от искусственного интеллекта: человек может найти ошибку в своих действиях и исправить его. Искусственный интеллект, действующий в рамках заданных программ, на это не способен. По этим основаниям, с точки зрения гражданского права нет оснований для обособления отдельных субъектов правоотношений, возникших в результате цифровизации общества, поскольку при анализе сущности электронного субъекта мы неизбежно приходим к сопоставлению двух противоположностей – свободно мыслящего субъекта (человека), наделенного способностью выбора, и собранный воедино комплекс компьютерных программ, созданный для решения определенных задач без способности целеполагания этих задач.

Библиографический список

1. Послание Президента Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона Парламенту Таджикистана 16.12.2025 г. Электронный ресурс: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20251217/> дата обращения 06.03.2026
2. Абдуджалилов А. Искусственный интеллект: теория правосубъектности. / Право и экономика. Сборник статей по итогам VII Новосибирского международного юридического форума 14-24.05.2025. – С. 67-75.
3. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / М., Статут, 2021.
4. Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. – С. 12.
5. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). – автореферат дисс.д-ра юрид.наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 12-13.
6. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва, Проспект, 2023. – С. 21, 27, 123.
7. Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе / Право и экономика, № 1, 2024. – С. 10.
8. Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография. – Москва, Проспект, 2024. – С. 33-34.
9. Подузова Е.Б. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта в договорном праве: цивилистическая концепция. – Москва, Проспект, 2024.
10. Рахимзода М.З. Эволюция объектов гражданского права в условиях развития цифровой экономики и предпринимательства / Искусственный интеллект и его использование в гражданско-правовых отношениях: состояние и перспективы. – Материалы научно-теоретической конференции. – Душанбе, 2026. – С. 24.

11. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Пробелы в российском законодательстве. 2017. - № 3. - С. 357.
12. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография / отв. ред. А.Ю.Василевская. - Москва: Проспект, 2022. - С. 37.

LEGAL ISSUES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abdujalilov Abdujabar

Doctor of Law, Head of the Department of Private Law Institute of State and Law
of the National Academy of Sciences of Tajikistan,
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 19
tel.: 918 42 11 04, e-mail: debtresolution@mail.ru

Rahimzoda Mahmud Zabir

Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Tajikistan,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of State and Law
of the National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 19
tel.: 918 86 88 77, e-mail: zabir54@mail.ru

In the proposed article, the authors consider the phenomenon of artificial intelligence from the point of view of positive law, the problems and scope of legal regulation, the legal personality of computer technologies that create legal facts and the problems of responsibility of artificial intelligence. The authors adhere to the classical legal interpretation of the concept of "legal entity". The authors deny the possibility of recognizing artificial intelligence as a subject of law, since only individuals and legal entities can be a subject of law in the full sense. The authors consistently adhere to the classical legal methodology: differentiation of technical and legal approaches; priority of legal qualification over functional description; reliance on the principles of subject and object law. The thesis that the legal qualification of the research object requires independent argumentation, which cannot be reduced to a description of its functionality, is highlighted.

Keywords: *artificial intelligence, subject, object, classical methodology, legal qualification, legal personality.*

МАСЪАЛАҲОИ ҲУҚУҚИИ ЗЕҲНИ СУНӢ

Абдуҷалилов Абдуҷабар

доктор илмҳои ҳуқуқшиносӣ, мудири бахши ҳуқуқи хусусӣ
Институти давлат ва ҳуқуқи академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Душанбе, хиебони Рӯдакӣ, 19
тел.: 918 42 11 04, почтаи электронӣ: debtresolution@mail.ru

Раҳимзода Маҳмад Забир

узви муҳбири академияи Миллии илмҳои Тоҷикистон,
доктор илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, корманди асосии илмӣ
Институти давлат ва ҳуқуқи академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Душанбе, хиебони Рӯдакӣ, 19
тел.: 918 86 88 77, почтаи электронӣ: zabir54@mail.ru

Дар мақолаи пешниҳодшуда муаллифон падидаи зеҳни сунӣро аз нуқтаи назари ҳуқуқи позитивӣ, муш-килот ва ҳаҷми танзими ҳуқуқӣ, субъекти ҳуқуқи технологияҳои компютерӣ, ки далелҳои ҳуқуқӣ ва муш-килоти масъулияти зеҳни сунӣро эҷод мекунад, баррасӣ мекунад. Муаллифон тафсири классикӣ ҳуқуқи мафҳуми "субъекти ҳуқуқ" - ро риоя мекунад. Имконияти эътирофи зеҳни сунӣ чун субъекти ҳуқуқ аз ҷониби муаллифон рад карда мешавад, зеро субъекти ҳуқуқ метавонанд танҳо шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ бошанд. Муаллифон пайвасти методологияи ҳуқуқи классикӣ ро риоя мекунад: ҷудо кардани ра-вишҳои техникӣ ва ҳуқуқӣ; афзалияти таҳассуси ҳуқуқӣ аз тавсифи функционалӣ; таъя ба принципҳои ҳуқуқи субъектӣ ва объектӣ. Ин тезис махсус қайд карда шудааст, ки таҳассуси ҳуқуқи объектӣ тадқиқот далелҳои мустақилро талаб мекунад, ки ба тавсифи функцияҳои он оварда намерасонанд.

Калидвожаҳо: *зеҳни сунӣ, субъект, объект, методологияи классикӣ, таҳассуси ҳуқуқӣ, субъекти ҳуқуқӣ.*

УДК 341.3:341.231.14

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ

Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992)909-09-02-90, e-mail: tabdurahmanova88@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы международно-правового регулирования защиты прав женщин в условиях вооружённых конфликтов. Анализируется эволюция международно-правовых подходов к обеспечению прав женщин в период вооружённых конфликтов, начиная с норм международного гуманитарного права и заканчивая современными механизмами защиты, сформированными в рамках деятельности Организации Объединённых Наций. Особое внимание уделяется международным договорам, резолюциям Совета Безопасности ООН, а также проблемам реализации международных стандартов в современных условиях. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования международно-правовых механизмов защиты женщин в условиях вооружённых конфликтов.

Ключевые слова: права женщин, вооружённый конфликт, международное гуманитарное право, международное право прав человека, Совет Безопасности ООН, гендерное насилие, международная защита.

Современные вооружённые конфликты сопровождаются многочисленными нарушениями прав человека, при этом женщины относятся к одной из наиболее уязвимых категорий гражданского населения. Военные действия оказывают существенное влияние на реализацию женщинами основных прав и свобод, включая право на жизнь,

безопасность, достоинство, медицинскую помощь и защиту от дискриминации. Особую опасность представляют случаи сексуального насилия, торговли людьми, принудительного перемещения населения и иных форм гендерно обусловленного насилия, широко распространённых в условиях вооружённых конфликтов. В связи с этим международное сообщество постепенно выработало систему международно-правовых норм и механизмов, направленных на обеспечение защиты прав женщин во время вооружённых конфликтов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эволюции международно-правовых подходов к защите женщин в условиях вооружённых конфликтов, а также выявления современных проблем реализации международных стандартов в данной сфере.

Вопросы международно-правовой защиты женщин в условиях вооружённых конфликтов

получили широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Российский учёный-международник И.И. Лукашук отмечал, что современное международное гуманитарное право постепенно трансформировалось от исключительно военного регулирования к системе комплексной защиты личности в условиях вооружённых конфликтов. По его мнению, особая защита женщин обусловлена необходимостью обеспечения принципа гуманности и предотвращения наиболее тяжких форм нарушения прав человека в период военных действий¹.

Значительный вклад в развитие научных представлений о международно-правовой защите женщин внёс Антонио Кассесе². Учёный подчёркивал, что международное уголовное право стало важнейшим инструментом борьбы с гендерным насилием в условиях вооружённых конфликтов. По его мнению, признание сексуального насилия военным

© Абдурахманова Т.Дж., 2026

¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 312.

² Cassese A. International Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 126.

преступлением и преступлением против человечности является одним из наиболее значимых достижений современной системы международного правосудия.

Британский исследователь Кристин Чинкин рассматривает принятие Резолюции Совета Безопасности ООН 1325 «Женщины, мир и безопасность» как переломный этап в развитии международно-правовых подходов к защите женщин. По её мнению, международное сообщество впервые официально признало женщин не только жертвами вооружённых конфликтов, но и активными участниками процессов миростроительства, предупреждения конфликтов и поддержания международной безопасности¹.

Исследователи государств Центральной Азии также уделяют внимание вопросам обеспечения прав женщин в условиях современных угроз безопасности. В частности, Шарифзода Зариф отмечает необходимость укрепления международного сотрудничества в сфере защиты женщин и детей от последствий вооружённых конфликтов, экстремизма и международного терроризма, что особенно актуально для государств региона².

Истоки международно-правовой защиты женщин в условиях вооружённых конфликтов связаны с развитием международного гуманитарного права. Существенную роль в формировании системы защиты гражданского населения сыграли Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года.

Особое значение имеет IV Женевская конвенция о защите

гражданского населения во время войны, закрепившая обязанность сторон конфликта обеспечивать уважение личности, чести и семейных прав женщин. Конвенция предусматривает защиту женщин от насилия, принуждения и унижающего достоинство обращения.

Дополнительные протоколы 1977 года значительно расширили международно-правовые гарантии защиты женщин. В частности, было установлено запрещение посягательств на честь женщин, включая изнасилование, принуждение к проституции и любые формы непристойного посягательства³.

На первоначальном этапе международное право рассматривало женщин преимущественно как категорию лиц, нуждающихся в особой защите. Однако со временем подходы международного сообщества стали изменяться в сторону признания женщин самостоятельными субъектами международного права, обладающими равными правами и возможностями участия в процессах миростроительства и обеспечения безопасности.

Важным этапом развития международно-правового регулирования стало принятие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года. Несмотря на то, что Конвенция напрямую не регулирует вопросы вооружённых конфликтов, её положения заложили основу для формирования универсальных стандартов гендерного равенства и недопустимости дискриминации.

Существенное влияние на развитие международных механизмов защиты прав женщин

оказала деятельность Организации Объединённых Наций. Особое значение имеет Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 «Женщины, мир и безопасность», принятая в 2000 году. Данная резолюция впервые закрепила необходимость активного участия женщин в предупреждении конфликтов, миротворческой деятельности и процессах постконфликтного восстановления. Кроме того, резолюция признала необходимость защиты женщин и девочек от гендерного насилия в условиях вооружённых конфликтов.

В последующем Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, дополняющих и развивающих положения Резолюции 1325, включая Резолюции 1820, 1888, 1889 и 1960. Эти документы сформировали международную концепцию «Женщины, мир и безопасность», ставшую важнейшим элементом современной международной политики в сфере защиты прав женщин.

Одним из наиболее значимых достижений современного международного права стало признание сексуального насилия международным преступлением. Практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде сыграла важную роль в формировании международных стандартов уголовной ответственности за преступления сексуального характера, совершённые во время вооружённых конфликтов.

Международные судебные органы признали изнасилование, сексуальное рабство и иные

¹ Chinkin C. Women, Peace and Security and International Law // International and Comparative Law Quarterly. — 2003. — Vol. 52. — № 4. — P. 1138.

² Шарифзода З. Международное сотрудничество Республики Таджикистан в сфере обеспечения безопасности и защиты прав человека. — Душанбе: Ирфон, 2021. — С. 97.

³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I), принят 8 июня 1977 г. // Международное гуманитарное право в документах. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. — С. 245

формы сексуального насилия военными преступлениями, преступлениями против человечности, а в отдельных случаях — актами геноцида. Особое значение имеет Римский статут Международного уголовного суда 1998 года, закрепивший международную уголовную ответственность за сексуальное насилие в условиях вооружённых конфликтов¹. Таким образом, современное международное право рассматривает защиту женщин не только как гуманитарную проблему, но и как вопрос международной уголовной ответственности.

Несмотря на развитие международных стандартов, проблема обеспечения эффективной защиты прав женщин в условиях вооружённых конфликтов остаётся крайне актуальной. Во многих современных конфликтах женщины продолжают подвергаться сексуальному насилию, эксплуатации, принудительному переселению и другим формам нарушения прав человека. Суще-

ственными проблемами остаются недостаточная эффективность международных механизмов контроля, политизация международных процессов и ограниченные возможности привлечения виновных лиц к ответственности.

Дополнительные сложности возникают в связи с ростом числа немеждународных вооружённых конфликтов, участием негосударственных вооружённых формирований и распространением террористических организаций. Современные международно-правовые механизмы требуют дальнейшего совершенствования, включая укрепление международного сотрудничества, расширение участия женщин в миротворческих процессах и повышение эффективности международного уголовного правосудия.

Таким образом, эволюция международно-правовых подходов к защите прав женщин в условиях вооружённых конфликтов свидетельствует о постепен-

ном переходе от концепции пассивной защиты женщин к признанию их активной роли в обеспечении международного мира и безопасности. Современное международное право сформировало значительную нормативную базу, включающую нормы международного гуманитарного права, международного права прав человека и международного уголовного права. Особую роль в развитии международных стандартов сыграли деятельность Организации Объединённых Наций, международных судебных органов и научные исследования ведущих специалистов в области международного права. Вместе с тем сохраняющиеся вооружённые конфликты и многочисленные случаи нарушения прав женщин свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования международных механизмов защиты, усиления международного контроля и обеспечения неотвратимости ответственности за международные преступления.

Библиографический список

1. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter-full-text> (дата обращения: 04.06.2026).
2. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 04.06.2026).
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-i.htm> (дата обращения: 04.06.2026).
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 04.06.2026).
5. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 04.06.2026).
6. Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 (2000) «Женщины, мир и безопасность» от 31 октября 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1325\(2000\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1325(2000)) (дата обращения: 04.06.2026).
7. Cassese A. International Criminal Law. — 3rd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 472 p.
8. Chinkin C. Women, Peace and Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — 356 p.
9. Cassese A. International Criminal Law. — 3rd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 428 p.

¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

[https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 04.06.2026).

10. Кристин Чинкин Women, Peace and Security and International Law // International and Comparative Law Quarterly. — 2003. — Vol. 52. — № 4. — P. 1131–1151.
11. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 544 с.
12. Саидов А.Х. Международное право прав человека. — М.: Норма, 2018. — 432 с.
13. Шарифзода З. Международное сотрудничество Республики Таджикистан в сфере обеспечения безопасности и защиты прав человека. — Душанбе : Ирфон, 2021. — 248 с.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF WOMEN'S RIGHTS IN ARMED CONFLICTS: EVOLUTION OF APPROACHES

Abdurahmanova Takhmina Jamoliddinovna

Ph.D., Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Phone: (+992)909-09-02-90, e-mail: t.abdurahmanova88@bk.ru

The article examines issues of international legal regulation concerning the protection of women's rights in situations of armed conflict. It analyzes the evolution of international legal approaches to ensuring women's rights during armed conflicts, beginning with the development of international humanitarian law and extending to contemporary protection mechanisms established within the framework of the United Nations. Particular attention is paid to international treaties, United Nations Security Council resolutions, and challenges related to the implementation of international standards under current conditions. The article concludes that there is a need for further improvement of international legal mechanisms aimed at protecting women in armed conflicts, strengthening international cooperation, and ensuring accountability for international crimes.

Keywords: *women's rights, armed conflict, international humanitarian law, international human rights law, United Nations Security Council, gender-based violence, international protection.*

ТАНЗИМИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ҲУҚУҚИИ ҲУҚУҚҲОИ ЗАНОН ДАР ШАРОИТИ МУНОҚИШАҲОИ МУСАЛЛАҲОНА: ТАКОМУЛИ РАВИШҲО

Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, досенти кафедраи
ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Душанбе, к.Мирзо Турсунзода, 30
тел.: (+992)909-09-02-90, e-mail: t.abdurahmanova88@bk.ru

Дар мақола масъалаҳои танзими байналмилалӣ ҳуқуқи хифзи ҳуқуқҳои занон дар шароити муноқишаҳои мусаллаҳона баррасӣ мешаванд. Тақомули равишҳои байналмилалӣ ҳуқуқи оид ба таъмини ҳуқуқҳои занон дар давраи муноқишаҳои мусаллаҳона аз замони ташаккули меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ башардӯстона то механизмҳои муосири ҳифз, ки дар доираи фаъолияти Созмони Милалӣ Муттаҳид таҳия гардидаанд, таҳлил карда мешавад. Таваҷҷуҳи махсус ба санадҳои байналмилалӣ, қатъномаҳои Шурои Амнияи СММ ва мушкilotи татбиқи меъёрҳои байналмилалӣ дар шароити муосир равона шудааст. Хулоса карда мешавад, ки тақмили минбаъдаи механизмҳои байналмилалӣ ҳуқуқи хифзи занон дар шароити муноқишаҳои мусаллаҳона, таққими ҳамкориҳои байналмилалӣ ва таъмини ҷавобгарӣ барои ҷиноятҳои байналмилалӣ зарур мебошад.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқҳои занон, муноқишаи мусаллаҳона, ҳуқуқи байналмилалӣ башардӯстона, ҳуқуқи байналмилалӣ ҳуқуқи инсон, Шурои Амнияи Созмони Милалӣ Муттаҳид, зӯровариҳои гендерӣ, хифзи байналмилалӣ.*

УДК 346.26:364(575.3)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН¹

Аминова Фарида Махмадаминовна

Доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет.
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

В статье исследуются современное состояние и особенности правового регулирования социального предпринимательства в Республике Таджикистан. Особое внимание уделяется формированию национальной нормативно-правовой базы, анализу Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве», принятого в 2024 году и вступившего в силу 2 января 2025 года. Рассматриваются понятие социального предпринимательства, его цели, принципы, критерии признания субъектов социального предпринимательства, формы государственной поддержки, а также перспективы дальнейшего совершенствования законодательства. Отмечается, что принятие специального закона стало важным этапом развития предпринимательского законодательства Республики Таджикистан и создало правовые предпосылки для более эффективного решения социальных проблем посредством предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, предпринимательская деятельность, социальное предприятие, государственная поддержка, законодательство Республики Таджикистан, социальная политика, устойчивое развитие.

Современное развитие государства невозможно без эффективного взаимодействия публичного сектора, бизнеса и институтов гражданского общества. Одним из наиболее перспективных механизмов такого взаимодействия выступает социальное предпринимательство, представляющее собой особую форму предпринимательской деятельности, сочетающую извлечение

прибыли с достижением общественно значимых социальных целей.

В мировой практике социальное предпринимательство рассматривается как важнейший инструмент решения широкого круга социальных проблем, включая обеспечение занятости населения, поддержку лиц с инвалидностью, развитие образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты населения, экологической безопасности, повышение качества жизни граждан и сокращение уровня бедности. Именно поэтому в последние годы многие государства уделяют особое внимание созданию благоприятных правовых условий для развития данного института.

Для Республики Таджикистан развитие социального предпринимательства имеет особое значение. Государственная социальная политика ориентирована на обеспечение достойного уровня жизни населения, сокращение бедности, создание новых

рабочих мест, развитие человеческого капитала и поддержку социально уязвимых категорий граждан. Реализация этих задач невозможна исключительно за счёт государственного финансирования, поэтому всё большее значение приобретают предпринимательские инициативы, направленные на решение общественно значимых задач.

Длительное время законодательство Республики Таджикистан не содержало самостоятельного правового регулирования социального предпринимательства. Несмотря на существование отдельных механизмов государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, деятельность организаций, реализующих социальные проекты посредством предпринимательской деятельности, не имела специального нормативного закрепления. Отсутствие законодательного определения социального предпринимательства, критериев признания субъ-

ектов социального предпринимательства и специальных мер государственной поддержки существенно ограничивало возможности развития данного института.

Качественно новый этап развития законодательства связан с принятием Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве» № 2119 от 20 июня 2024 года, вступившего в силу 2 января 2025 года. Принятие данного закона стало важным событием в развитии предпринимательского законодательства страны, поскольку впервые на законодательном уровне были определены понятие социального предпринимательства, его цели, задачи, принципы осуществления, критерии отнесения субъектов предпринимательства к социальным предприятиям, полномочия государственных органов и основные направления государственной поддержки.

Следует отметить, что принятие специального закона соответствует современным мировым тенденциям развития социально ориентированной экономики. В настоящее время многие государства переходят от традиционной системы государственной социальной помощи к модели, основанной на партнёрстве государства и бизнеса в решении социальных проблем. Социальное предпринимательство позволяет эффективно сочетать рыночные механизмы хозяйствования с реализацией социальных функций, обеспечивая устойчивость социальных проектов и рациональное использование финансовых ресурсов.

Вместе с тем формирование национальной модели социального предпринимательства находится лишь на начальном этапе. Практика применения нового законодательства только складывается, отсутствует достаточное количество научных исследований, посвящённых анализу правового

статуса социальных предприятий, порядка получения соответствующего статуса, механизмов государственной поддержки и особенностей реализации положений нового закона.

В этой связи особую актуальность приобретает комплексное исследование правового регулирования социального предпринимательства в Республике Таджикистан, выявление преимуществ принятого законодательства, существующих проблем его реализации и определение перспектив дальнейшего совершенствования правового регулирования с учётом международного опыта и национальных особенностей развития предпринимательской деятельности.

1. Понятие социального предпринимательства и становление его правового регулирования в Республике Таджикистан

Социальное предпринимательство представляет собой относительно новый правовой институт, получивший широкое распространение в мировой практике в конце XX – начале XXI века. Его возникновение обусловлено необходимостью поиска новых механизмов решения социальных проблем посредством использования предпринимательских инструментов. В отличие от традиционной коммерческой деятельности, основной целью которой является получение прибыли, социальное предпринимательство ориентировано прежде всего на достижение общественно полезного результата. При этом получение дохода не исключается, однако рассматривается как средство обеспечения устойчивости социального проекта, а не как самостоятельная конечная цель.

В современной юридической литературе отсутствует единый подход к определению социального предпринимательства. Это объясняется тем, что данный институт находится на стыке пред-

принимательского, гражданского, трудового и социального права, а также социальной политики государства. Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что социальное предпринимательство представляет собой самостоятельную форму предпринимательской деятельности, направленную на систематическое решение общественно значимых проблем посредством использования рыночных механизмов.

Формирование правовых основ социального предпринимательства в Республике Таджикистан проходило поэтапно. До принятия специального закона деятельность субъектов, реализующих социально ориентированные проекты, регулировалась нормами гражданского законодательства, законодательства о предпринимательской деятельности, налогового законодательства, а также отдельными нормативными правовыми актами, посвящёнными вопросам социальной защиты населения, занятости, образования, здравоохранения и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Однако такой подход не позволял сформировать целостную систему правового регулирования, поскольку отсутствовали единые критерии отнесения субъектов хозяйствования к социальным предприятиям, специальные меры государственной поддержки и механизм их реализации.

Важнейшим этапом развития национального законодательства стало принятие Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве» № 2119 от 20 июня 2024 года, который вступил в силу 2 января 2025 года. Закон впервые закрепил правовые, организационные и экономические основы осуществления социального предпринимательства, определил компетенцию государственных

органов, установил правовой статус субъектов социального предпринимательства, а также предусмотрел систему государственной поддержки данной сферы.

Особое значение Закона заключается в том, что он закрепил самостоятельное место социального предпринимательства в системе предпринимательского законодательства Республики Таджикистан. Если ранее социальная деятельность предпринимателей рассматривалась преимущественно как проявление корпоративной социальной ответственности либо благотворительности, то после вступления закона в силу социальное предпринимательство получило самостоятельное нормативное оформление как особый вид предпринимательской деятельности.

Согласно статье 1 Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве» социальное предпринимательство представляет собой предпринимательскую деятельность, направленную на решение социальных проблем общества посредством производства товаров, выполнения работ или оказания услуг, в том числе с привлечением к трудовой деятельности представителей социально уязвимых групп населения¹. Такое законодательное определение отражает двойственную природу данного института, сочетающего предпринимательские механизмы с достижением общественно полезных целей.

Следует отметить, что законодатель Республики Таджикистан не противопоставляет получение прибыли социальной направленности деятельности. Напротив, предпринимательская составляющая рассматривается как необходимое условие устой-

чивого функционирования социальных предприятий. Именно способность самостоятельно обеспечивать финансовую устойчивость отличает социальное предпринимательство от благотворительной деятельности, полностью зависящей от пожертвований, грантов и иных источников внешнего финансирования.

Закон также определяет основные цели правового регулирования данной сферы. К ним относятся создание благоприятных условий для развития социального предпринимательства, повышение уровня занятости населения, особенно представителей социально уязвимых групп, расширение участия предпринимательского сообщества в решении социальных задач, совершенствование механизмов государственной поддержки, а также повышение качества социальных услуг, предоставляемых населению.

Особого внимания заслуживают принципы социального предпринимательства, закреплённые в статье 5 Закона. Законодатель относит к ним принцип законности, социальной справедливости, приоритетности общественных интересов, прозрачности деятельности субъектов социального предпринимательства, добровольности участия в данной сфере и равноправия субъектов социального предпринимательства. Совокупность указанных принципов определяет особенности правового режима данной категории субъектов предпринимательской деятельности и подчёркивает социальную направленность их функционирования.

Закрепление принципа социальной справедливости свидетельствует о том, что государство

рассматривает социальное предпринимательство не только как экономический, но и как социальный институт. В свою очередь, принцип приоритетности общественных интересов означает, что деятельность социального предприятия должна быть ориентирована прежде всего на достижение общественно полезного эффекта. Именно наличие измеримого социального результата отличает социальное предприятие от обычного коммерческого субъекта хозяйствования.

Немаловажное значение имеет и закрепление в законе гарантий осуществления социального предпринимательства. Государство гарантирует субъектам социального предпринимательства защиту их прав и законных интересов, создание условий для свободного осуществления предпринимательской деятельности, а также возможность получения мер государственной поддержки в случаях и порядке, предусмотренных законодательством.

В научном плане принятие Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве» следует рассматривать как закономерный этап развития национального предпринимательского законодательства. Закон сформировал самостоятельный правовой институт, объединивший нормы гражданского, предпринимательского и социального законодательства в единую систему регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении социально ориентированной предпринимательской деятельности.

Редкоус В.М. отмечает «несмотря на отсутствие должной системности правового регулирования социального предпринимательства в законодательных актах государств — участников

¹ Закон республики Таджикистан о социальном предпринимательстве от 2 января 2025 года №2119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа

<https://ncz.tj/content/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD>. дата обращения 20.04.2026

СНГ, мы все-таки находим единство понимания законодателями того обстоятельства, что для эффективной реализации задач социального предпринимательства необходимо четко разработать правовую основу его осуществления, в которую обязательно включить меры государственного регулирования и государственной поддержки социального предпринимательства»¹.

Если государственное регулирование вносит упорядоченность в деятельность субъектов социального предпринимательства, то государственная под-

держка позволяет компенсировать, сглаживать возможные издержки от осуществления социального предпринимательства, которые неизбежно возникают в условиях рыночного функционирования субъектов экономической деятельности².

Вместе с тем анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что институт социального предпринимательства находится лишь на начальном этапе своего развития. В ближайшие годы основное значение будет иметь формирование единой правоприменитель-

ной практики, разработка подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок признания субъектов социального предпринимательства, а также совершенствование механизмов государственной поддержки. Именно эффективность практической реализации положений нового закона станет определяющим фактором успешного развития социального предпринимательства в Республике Таджикистан и его вклада в решение социально значимых задач государства.

Библиографический список

1. Закон республики Таджикистан о социальном предпринимательстве от 2 января 2025 года №2119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ncz.tj/content/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD>. (дата обращения: 20.04.2026).
2. Редкоус В.М. Государственное регулирование и государственная поддержка социального предпринимательства (опыт государств — участников СНГ) // Закон и право. – 2025. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-i-gosudarstvennaya-podderzhka-sotsialnogo-predprinimatelstva-opyt-gosudarstv-uchastnikov-sng> (дата обращения: 20.04.2026).

LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Aminova Farida Mahmadaminovna

Doctor of Law, Associate Professor,
head Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University.
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30.
Tel.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

The article examines the current state and specific features of the legal regulation of social entrepreneurship in the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the formation of the national legal and regulatory framework, as well as to the analysis of the Law of the Republic of Tajikistan “On Social Entrepreneurship,” adopted in 2024 and entered into force on January 2, 2025. The article considers the concept of social entrepreneurship, its goals, principles, criteria for recognizing social entrepreneurship entities, forms of state support, and prospects for further improvement of legislation. It is noted that the adoption of a special law marked an important stage in the development of entrepreneurial legislation in the Republic of Tajikistan and created legal prerequisites for more effective solutions to social problems through entrepreneurial activity.

Keywords: *social entrepreneurship, entrepreneurial activity, social enterprise, state support, legislation of the Republic of Tajikistan, social policy, sustainable development.*

¹ Редкоус В.М. Государственное регулирование и государственная поддержка социального предпринимательства (опыт государств — участников СНГ) // Закон и право. – 2025. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-i-gosudarstvennaya-podderzhka-sotsialnogo-predprinimatelstva-opyt-gosudarstv-uchastnikov-sng> (дата обращения: 20.04.2026).

² Там же

**ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ СОҲИБКОРИИ ИҶТИМОӢ
ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Аминова Фарида Махмадаминовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
сар Кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянӣ Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Дар мақола вазъи кунунӣ ва хусусиятҳои танзими ҳуқуқи соҳибкории иҷтимоӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Диққати махсус ба ташаккули заминаи миллӣ ва меъёрии ҳуқуқӣ, инчунин таҳлили Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи соҳибкории иҷтимоӣ», ки соли 2024 қабул гардида, аз 2 январи соли 2025 мавриди амал қарор гирифтааст, равона шудааст. Дар мақола мафҳуми соҳибкории иҷтимоӣ, ҳадафҳо, принципҳо, меъёрҳои эътирофи субъектҳои соҳибкории иҷтимоӣ, шаклҳои дастгирии давлатӣ ва инчунин дурнамои такмили минбаъдаи қонунгузорӣ баррасӣ гардидаанд. Қайд мегардад, ки қабули қонуни махсус марҳилаи муҳими рушди қонунгузории соҳибкории Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, барои ҳалли самараноки масъалаҳои иҷтимоӣ тавассути фаъолияти соҳибкорӣ заминаҳои ҳуқуқиро фароҳам овардааст.

Калидвожаҳо: соҳибкории иҷтимоӣ, фаъолияти соҳибкорӣ, корхонаи иҷтимоӣ, дастгирии давлатӣ, қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон, сиёсати иҷтимоӣ, рушди устувор.

УДК 341.1/8

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРАВОВОГО ВЫХОДА ИЗ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Имомзода Нилуфар Муҳаммадҷусуф

доктор юридических наук, профессор кафедры международного
права юридического факультета

Таджикский национальный университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17

тел.: (+992) 904-20-04-00; e-mail: nilufar-2010@mail.ru

Сангинзода Дониёр Шомахмад

доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского
коммерческого права юридического факультета

Таджикский национальный университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17

тел.: (+992) 980-85-07-07; e-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Предметом настоящего исследования выступает юридическая дипломатия в системе средств мирного урегулирования международных споров. Цель работы – выявить международно-правовые основания и пределы использования правовых инструментов при завершении вооруженных конфликтов. Авторы последовательно анализируют эволюцию мирных средств разрешения споров от Вестфальской системы до современности, исследуют проблемное поле соотношения права на применение силы (*jus ad bellum*), международного гуманитарного права (*jus in bello*) и формирующейся концепции постконфликтного правосудия (*jus post bellum*). Особое внимание уделено коллизии между императивной нормой о ничтожности договоров, заключенных под принуждением (статья 52 Венской конвенции 1969 года), и практической необходимостью достижения мирных соглашений. Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В результате исследования авторы приходят к выводу, что юридическая дипломатия сегодня выступает не столько вспомогательным инструментом дипломатического корпуса, сколько самостоятельным механизмом легитимации постконфликтного мироустройства, позволяющим сочетать политический прагматизм с незыблемостью фундаментальных принципов международного права.

Ключевые слова: *юридическая дипломатия, мирное урегулирование споров, jus post bellum, статья 52 Венской конвенции, принуждение в международном праве, принцип непризнания, территориальная целостность, цифровая дипломатия.*

Имомова Н.М.

В научном сообществе сегодня все громче звучат голоса скептиков, утверждающих, что международное право если не умерло, то переживает глубокую клиническую смерть. Аргументация, надо признать, выглядит убедительной: если фундаментальные принципы, закрепленные в Уставе ООН, нарушаются систематически и безнаказанно, значит, система дала сбой. Особенно остро эта проблема проявляется в моменты завершения вооруженных конфликтов, когда

Сангинзода Д.Ш.

перед сторонами встает мучительный выбор: настаивать на полном восстановлении справедливости (что часто нереалистично) либо соглашаться на компромисс, чреватый закреплением результатов агрессии.

В этой дилемме, на наш взгляд, и кроется основная миссия юридической дипломатии. В современных исследованиях отмечается, что юридическая дипломатия сегодня представляет собой не просто совокупность технико-юридических приемов, а фундаментальный подход к урегулированию конфликтов, основанный на верховенстве права¹. Но что мы понимаем под этим термином? В самом общем виде – это деятельность по использованию правовых инструментов и механизмов для предотвращения, урегулирования и постконфликтного разрешения споров, как обосновывается в специальной литературе².

По нашему убеждению, юридическая дипломатия представляет собой качественно иное явление – особый режим взаимодействия государств, при котором правовые механизмы не просто обслуживают политические решения, а задают саму логику этих решений.

Исторические корни явления уходят вглубь веков. Уже Вестфальский мир 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю войну, может рассматриваться как первый масштабный акт юридической дипломатии. Впервые суверенные государства не просто договорились о прекраще-

нии огня, но закрепили принципы, которые на столетия определили архитектуру Европы. И хотя до современного понимания правовых гарантий было еще далеко, сам прецедент оказался чрезвычайно важен, о чем свидетельствуют классические труды по истории международного права³.

Следующий качественный скачок произошел на рубеже XIX–XX веков. Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов впервые кодифицировали правила мирного разрешения споров, создав институциональную основу для того, что мы сегодня называем юридической дипломатией. Появились процедуры добрых услуг, посредничества, международные следственные комиссии. Это была уже не просто дипломатия, а дипломатия, обставленная процессуальными гарантиями.

В исследованиях, посвященных трансформации дипломатических методов, обосновывается принципиальное различие между традиционной и современной дипломатией. Если традиционная дипломатия XIX века строилась преимущественно на балансе сил и тайных соглашениях, то современная юридическая дипломатия требует публичности, обоснованности и опоры на универсальные правовые стандарты⁴.

Окончательное оформление система получила после 1945 года с созданием ООН и специализированных судебных органов. Профессор Д.Б. Левин в этой связи справедливо отмечал, что Устав ООН перевел принцип

мирного разрешения споров из плоскости политических деклараций в плоскость юридически обязательных предписаний⁵.

Вопрос о соотношении указанных категорий имеет не только теоретическое, но и глубоко практическое значение. Представим себе ситуацию: вооруженный конфликт завершен, стороны садятся за стол переговоров. Каким правом они должны руководствоваться?

Ответ на первый взгляд очевиден: действуют принципы *jus ad bellum*, то есть нормы о правомерности применения силы. Однако здесь возникает сложность. Если конфликт начался с акта агрессии, то любые договоренности, достигнутые под давлением победителя, рискуют оказаться ничтожными в силу статьи 52 Венской конвенции 1969 года. Это классическая коллизия, которую блестяще проанализировал Г. Кельзен еще в середине прошлого века⁶.

Статья 33 Устава ООН предлагает сторонам богатый арсенал средств. Однако опыт показывает, что эффективность каждого из них сильно варьируется в зависимости от конкретных обстоятельств.

Переговоры. Казалось бы, самый простой и естественный путь. Но парадокс в том, что именно переговоры часто оказываются наименее результативными, когда речь идет о затяжных конфликтах. Стороны, уставшие от войны, с одной стороны, стремятся к миру, с другой – боятся показать слабость. Здесь важней-

¹ См.: Сангинзодз Д.Ш. Юридическая дипломатия в многополярном мире: правовые основы глобального управления и вызовы XXI века // *Osiyoavturo*. 2025. 23 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavturo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

² См.: Сангинзодз Д.Ш. Ключевые аспекты юридической дипломатии // *Osiyoavturo*. 2025. 28 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavturo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

³ См.: Фердросс А. Международное право / пер. с нем. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С.89.

⁴ См.: Сангинзодз Д.Ш. Традиционная и современная дипломатия: правовой аспект // *Osiyoavturo*. 2025. 10 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavturo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

⁵ См.: Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров. М.: Наука, 1977. С.32.

⁶ См.: Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Company, Inc., 1952. P. 215.

шую роль играет профессионализм юридических советников, способных перевести политические требования на язык конкретных договорных формул.

Добрые услуги и посредничество. Тонкая грань между ними известна специалистам: при добрых услугах третья сторона лишь сводит конфликтующие стороны, при посредничестве – активно участвует в выработке решения. Классическим примером успешного посредничества можно считать деятельность ОБСЕ в ходе урегулирования конфликта в Приднестровье, хотя, справедливости ради, окончательного решения там не достигнуто до сих пор.

Обследование (установление фактов). Мы позволим себе утверждать, что значение этого средства недооценивается. Спор часто возникает не потому, что стороны не хотят договариваться, а потому, что они по-разному видят факты. Миссии по установлению фактов, создаваемые Советом ООН по правам человека, не раз помогали отделить реальность от пропагандистских клише.

Когда дипломатия заходит в тупик, стороны иногда обращаются к суду. Но оправдан ли такой оптимизм?

Международный Суд ООН остается главным судебным органом, однако его юрисдикция факкультативна. Государства, особенно великие державы, не торопятся передавать чувствительные споры на рассмотрение судей в Гааге. Показательно дело Никарагуа против США 1986 года: Суд признал действия Вашингтона незаконными и обязал выплатить

компенсацию. США проигнорировали решение, и механизмов принуждения, по сути, не нашлось¹.

Арбитраж, напротив, демонстрирует более высокую эффективность. Почему? Потому что стороны сами выбирают судей, сами определяют процедуру, сами договариваются о признании решения обязательным. Арбитражное соглашение по делу о морской границе между Россией и Норвегией 2010 года – блестящий пример того, как юридическая дипломатия позволяет разрешить спор, казавшийся неразрешимым десятилетиями.

Анализируя ключевые аспекты юридической дипломатии, в специальной литературе подчеркивается, что успех судебного разбирательства напрямую зависит от качества подготовительной работы и способности сторон сформулировать свои требования на языке права, а не политических деклараций².

Пожалуй, ни одна другая норма не вызывает столько споров среди международников, как статья 52 Венской конвенции о праве международных договоров. Напомним ее суть: договор ничтожен, если он заключен под угрозой силой или в результате ее применения в нарушение Устава ООН.

Формулировка, на первый взгляд, безупречная. Нельзя на войне отнять территорию, а потом заставить побежденного "добровольно" подписать акт о капитуляции и называть это мирным договором. Но давайте посмотрим на проблему глазами практика. Любой мирный договор, завершающий войну, так

или иначе заключается под давлением. Победитель диктует условия, побежденный вынужден их принимать. Значит ли это, что все мирные договоры в истории ничтожны?

Комиссия международного права ООН, готовившая проект конвенции, сознавала эту опасность. В комментариях к статье 52 подчеркивается, что речь идет именно о противоправном применении силы, то есть об агрессии³. Если государство оборонялось или действовало с санкции Совета Безопасности ООН, то принуждение побежденного к миру не делает договор ничтожным.

Более того, в современной доктрине активно обсуждается вопрос о так называемых «миротворческих принудительных соглашениях» (peace-enforcement agreements), санкционированных международным сообществом. Как справедливо отмечает К. Расмуссен, если Совет Безопасности одобряет параметры мирного урегулирования, это снимает вопрос о недействительности, поскольку сообщество действует от имени всего международного сообщества, а не в интересах агрессора⁴.

В работах, посвященных проблемам многополярного мира, обращается внимание на то, что в современных условиях проблема легитимности международных соглашений приобретает особую остроту. Отсутствие единого центра силы означает, что механизмы принуждения к миру должны опираться не на волю одного гегемона, а на широкий международный консенсус и

¹ См.: Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В. Международный суд ООН: организация, цели, практика. М.: Международные отношения, 1971. С.112.

² См.: Сангинзода Д.Ш. Ключевые аспекты юридической дипломатии // Osiyoavrupo. 2025. 28 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

³ См.: Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. Documents of the second part of the seventeenth session and of the eighteenth session including the reports of the Commission to the General Assembly. New York: United Nations, 1967. P. 246–247.

⁴ См.: Rasmussen K. Lawful Ends to Unlawful Wars: Coercion and Voidness in Peacemaking // The Yale Law Journal. 2025. Vol. 135. No. 2. P. 478.

незыблемые правовые принципы¹.

Второй блок проблем связан с юридической судьбой территориальных изменений, произошедших в результате агрессии. Здесь действует жесткое правило: из правонарушения право не возникает (*ex injuria jus non oritur*).

Практическое воплощение этот принцип нашел в так называемой "доктрине Стимсона" 1932 года, когда США отказались признавать японские захваты в Маньчжурии. Сегодня этот подход стал общепризнанным.

Цифровизация дипломатической деятельности порождает ряд правовых вопросов, требующих безотлагательного решения. Среди них:

- юридическая сила документов, подписанных с использованием электронных подписей в межгосударственном общении;
- ответственность государств за кибератаки на дипломатические миссии;
- правовой режим виртуальных посольств и представительств;
- защита конфиденциальной информации в условиях цифрового обмена.

Эти вопросы, как указывается в современной литературе, еще не получили должного освещения ни в доктрине, ни в позитивном международном праве, что создает серьезные риски для стабильности международных отношений.

Развитие цифровых технологий ставит перед юридической дипломатией задачу выработки универсальных правил поведения в киберпространстве. Анализируя роль международного права в этих процессах, в специальных исследованиях подчерки-

вается, что существующие принципы – суверенитет, невмешательство, мирное разрешение споров – в полной мере применимы и к цифровой сфере, однако нуждаются в адаптации к новым реалиям².

Особую сложность представляет проблема атрибуции кибератак и привлечения государств к ответственности за действия негосударственных акторов в цифровом пространстве. Традиционные механизмы юридической дипломатии, отработанные десятилетиями, здесь дают сбой, требуя выработки новых подходов и, возможно, заключения универсальной конвенции о кибербезопасности.

Концепция справедливой войны (*just war*) традиционно ограничивалась двумя измерениями. Но жизнь показала, что без третьего – того, что происходит после войны, – картина неполна.

Jus post bellum включает несколько ключевых элементов, и каждый из них требует своего подхода в рамках юридической дипломатии.

Правосудие переходного периода. Одно из самых сложных направлений. Как совместить требование справедливости (наказать виновных) с необходимостью примирения (жить дальше вместе)? Опыт ЮАР с Комиссией правды и примирения показал, что возможны нетривиальные решения. Но универсального рецепта нет.

Репарации и реституция. Возвращение похищенного имущества, компенсация ущерба – эти вопросы регулируются как общим международным правом, так и специальными соглашениями. Показателен опыт Кувейтской компенсационной комиссии, созданной после войны в

Персидском заливе 1990–1991 годов.

Политическая реконструкция. Создание новых органов власти, проведение выборов, принятие конституции – все это требует тонкой правовой настройки. Миссии ООН в Косово и Восточном Тиморе накопили здесь уникальный, хотя и небесспорный опыт.

Любой договор ценен ровно настолько, насколько обеспечена его реализация. В международном праве нет судебного пристава, но есть иные механизмы.

Контрмеры. Потерпевшее государство вправе принять ответные меры в отношении нарушителя. Важно, чтобы они были соразмерны и не превращались в новую агрессию.

Санкции Совета Безопасности ООН. Если нарушение мирного договора создает угрозу международному миру, Совет Безопасности может применить принудительные меры по главе VII Устава.

Возобновление права на самооборону. В случае существенного нарушения перемирия сторона, добросовестно его соблюдавшая, возвращается в исходное положение и может применять силу для защиты.

Подводя итог, позволим себе несколько обобщающих суждений, которые сложились у нас в ходе работы над темой.

Первое. Юридическая дипломатия сегодня – это не просто модный термин, а реально работающий механизм. Да, он далек от совершенства, да, политическая воля часто перевешивает правовые аргументы. Но альтернативы ему нет. Можно договариваться "по понятиям", но такие договоренности живут, пока жив

¹ См.: Сангинзода Д.Ш. Юридическая дипломатия в многополярном мире: правовые основы глобального управления и вызовы XXI века // *Osiyoavrupo*. 2025. 23 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

² См.: Сангинзода Д.Ш. Роль международного права в юридической дипломатии // *Osiyoavrupo*. — 2025. — 30 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

сильный. Право же создает предсказуемость. Как обосновывается в ряде современных исследований, юридическая дипломатия становится тем фундаментом, на котором только и может строиться устойчивый миропорядок в многополярную эпоху.

Второе. Проблема действительности мирных договоров, заключенных под принуждением, – не схоластика, а болевая точка современного миропорядка. Решение видится не в отказе от статьи 52 Венской конвенции, а в ее разумном толковании и в усилении роли Совета Безопасности

ООН как легитимирующей инстанции.

Третье. Наиболее перспективное направление развития юридической дипломатии связано с *jus post bellum*. Мирное соглашение – это не финиш, а старт сложнейшей работы по восстановлению разрушенного общества. И здесь без тонкой правовой инженерии не обойтись.

Четвертое. Цифровая трансформация международных отношений ставит перед юридической дипломатией новые вызовы, требующие безотлагательной

выработки адекватных правовых ответов. Игнорирование этих вызовов может привести к эрозии всей системы международно-правового регулирования.

В завершение процитируем недавнее выступление Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, который, на наш взгляд, точно сформулировал главное: "Верховенство права – это не роскошь, а необходимый инструмент выживания человечества". Юридическая дипломатия призвана сделать этот инструмент работающим.

Библиографический список

1. Кожевников Ф.И., Шармазанашвили, Г.В. Международный суд ООН: организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – 248 с.
2. Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров. – М.: Наука, 1977. – 112 с.
3. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
4. Сангинзода Д.Ш. Цифровая дипломатия: правовые аспекты // Osiyoavrupo. – 2025. – 11 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).
5. Сангинзода Д.Ш. Ключевые аспекты юридической дипломатии // Osiyoavrupo. – 2025. – 28 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Сангинзода Д.Ш. Роль международного права в юридической дипломатии // Osiyoavrupo. – 2025. – 30 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Сангинзода Д.Ш. Традиционная и современная дипломатия: правовой аспект // Osiyoavrupo. – 2025. – 10 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).
8. Сангинзода Д.Ш. Юридическая дипломатия в многополярном мире: правовые основы глобального управления и вызовы XXI века // Osiyoavrupo. – 2025. – 23 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).
9. Фердросс А. Международное право / пер. с нем. А. Фердросс. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 652 с.
10. Johari B. International Law's Adaptive Resilience: Navigating Contemporary Global Conflicts // E-International Relations. – 2025. – 30 July [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.e-ir.info/2025/07/30/international-laws-adaptive-resilience/> (дата обращения: 19.03.2026).
11. Kelsen H. Principles of International Law. – New York: Rinehart & Company, Inc., 1952. – 461 p.
12. Logan A. Ukraine Symposium – War Termination: Legal Implications for International Security // Lieber Institute West Point. – 2025. – 20 July [Electronic resource]. – Access mode: <https://lieber.westpoint.edu/war-termination-legal-implications/> (дата обращения: 19.03.2026).
13. May L. After War Ends: A Philosophical Perspective // Journal of Social Philosophy. – 2005. – Vol. 36. – No. 1. – P. 76–95.
14. Rasmussen K. Lawful Ends to Unlawful Wars: Coercion and Voidness in Peacemaking // The Yale Law Journal. – 2025. – Vol. 135. – No. 2. – P. 450–512.
15. Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. Documents of the second part of the seventeenth session and of the eighteenth session including the reports of the Commission to the General Assembly // – New York: United Nations, 1967. – P. 246–247.

LEGAL DIPLOMACY AS A TOOL FOR ENSURING INTERNATIONAL STABILITY AND LEGAL RESOLUTION OF ARMED CONFLICTS: INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS

Imomzoda Nilufar Muhammadyusuf,

doctor of law, professor of the department of international law faculty of law

Tajik National University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki avenue, 17

tel.: (+992) 904-20-04-00; e-mail: nilufar-2010@mail.ru

Sanginzoda Doniyor Shomakhmad,

doctor of law, professor of the department of entrepreneurial and commercial law, faculty of law

Tajik National University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 17

tel.: (+992) 980-85-07-07; e-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

The subject of this research is legal diplomacy within the system of means for peaceful settlement of international disputes. The purpose of the work is to identify the international legal foundations and limits of using legal instruments in the completion of armed conflicts. The authors consistently analyze the evolution of peaceful means of dispute resolution from the Westphalian system to the present, examine the problematic field of the correlation between the right to use force (jus ad bellum), international humanitarian law (jus in bello), and the emerging concept of post-conflict justice (jus post bellum). Special attention is paid to the collision between the peremptory norm on the invalidity of treaties concluded under coercion (Article 52 of the Vienna Convention of 1969) and the practical necessity of reaching peace agreements. The methodological basis comprises historical-legal, comparative-legal, and formal-legal methods. As a result of the study, the authors conclude that legal diplomacy today acts not so much as an auxiliary tool of the diplomatic corps, but as an independent mechanism for the legitimization of post-conflict peacebuilding, allowing for the combination of political pragmatism with the inviolability of fundamental principles of international law.

Keywords: legal diplomacy, peaceful settlement of disputes, jus post bellum, Article 52 of the Vienna Convention, coercion in international law, principle of non-recognition, territorial integrity, digital diplomacy.

ДИПЛОМАТИЯ И ХУҚУҚИ ҲАМЧУН ВОСИТАИ ТАЪМИНИ СУБОТИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА ХУРУҶИ
ХУҚУҚӢ АЗ НИЗОӢИ МУСАЛЛАӢОНА: ТАҲЛИЛИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ-ХУҚУҚӢ

Имомзода Нилуфар Муҳаммадюсуф

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи

ҳуқуқи байналмилалӣ факултети ҳуқуқшиносӣ

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17

тел.: (+992) 904-20-04-00; e-mail: nilufar-2010@mail.ru

Сангинзода Дониёр Шомахмад

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи

ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷоратӣ факултети ҳуқуқшиносӣ

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17

тел.: (+992) 980-85-07-07; e-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Мавзуи таҳқиқоти мазкур дипломатияи ҳуқуқӣ дар низоми воситаҳои ҳалли озоиштаи баҳсҳои байналмилалӣ мебошад. Ҳадафи мақола муайян намудани асосҳои байналмилалӣ-ҳуқуқӣ ва ҳудуди истифодаи воситаҳои ҳуқуқӣ ҳангоми ба охир расонидани низоҷҳои мусаллаҳона мебошад. Муаллифон пай дар пай таҳаввулотҳои воситаҳои озоиштаи ҳалли баҳсҳо аз низоми Вестфалӣ то имрӯз таҳлил намуда, соҳаи мушкулоти таносуби ҳуқуқи истифодаи қувва (jus ad bellum), ҳуқуқи байналмилалӣи гуманитарӣ (jus in bello) ва концепсияи ташаккулёбандаи адлияи пас аз низоҷ (jus post bellum)-ро тадқиқ мекунанд. Таваҷҷуҳи махсус ба муҳолифати байни меъёри императивӣ дар бораи безъятибор будани шартномаҳо, ки таҳти фишор баста шудаанд (моддаи 52 Конвенсияи Вена оид ба ҳуқуқи шартномаҳои байналмилалӣи соли 1969), ва зарурати амалии ноил шудан ба созишҳои сулҳ дода мешавад. Асоси методологиро усулҳои таърихӣ-ҳуқуқӣ, муқоисавӣ-ҳуқуқӣ ва расмӣ-ҳуқуқӣ ташкил медиҳанд. Дар натиҷаи таҳқиқот муаллифон ба хулосае меоянд, ки

*дипломатияи ҳуқуқӣ имрӯз на он қадар воситаи ёрирасони корпуси дипломатӣ, балки механизми му-
стақили легитиматсияи низоми баъд аз низоъи ҷаҳонӣ мебошад, ки имкон медиҳад прагматизми сиёсӣ бо
дахлнопазирии принципҳои бунёдии ҳуқуқи байналмилалӣ пайваст карда шавад.*

Калидвожаҳо: дипломатияи ҳуқуқӣ, ҳалли ошоштаи баҳсҳо, Ҳуқуқи баъд аз ҷанг, моддаи 52 Конвенсияи
Вена, фишор дар ҳуқуқи байналмилалӣ, принсипи эътироф накардан, ягонагии ҳудудӣ, дипломатияи
рақамӣ.

УДК - 347.441
ББК- 67.404.2

ПРЕДДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НЕЗАКЛЮЧЁННОСТЬ ДОГОВОРА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Кодиров Шодмон Кодирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан, ул. М.Турсунзаде, 30.
E-mail: shodmon9090@bk.ru, тел. 2276740

В представленной научной статье осуществляется комплексное исследование теоретико-правовых и практических аспектов преддоговорных отношений в гражданском праве Республики Таджикистан, а также детально анализируется их непосредственное влияние на правовую квалификацию договора в качестве заключенного или незаключенного. В ходе исследования автор опирается на фундаментальные нормы Гражданского кодекса Республики Таджикистан, изучает актуальную судебную практику и анализирует научные труды ведущих таджикских и российских цивилистов. Проведённый сравнительный анализ правового регулирования преддоговорных этапов в правовых системах Республики Казахстан и Российской Федерации позволяет выявить существующие пробелы в национальном законодательстве и предложить аргументированные пути их устранения. Особое внимание в работе уделено выработке четких критериев согласования существенных условий договора, изучению правовых последствий недобросовестного уклонения от заключения сделки и адаптации классической доктрины *culpa in contrahendo* к современным правовым реалиям Таджикистана. Автор обосновывает значимость законодательного закрепления принципа добросовестности на преддоговорном этапе для обеспечения стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: *преддоговорные отношения; переговорный процесс; незаключённость договора; добросовестность сторон; свобода договора; организационные правоотношения; преддоговорная ответственность; гражданское право Республики Таджикистан.*

Проблема правового регулирования преддоговорных отношений в современной цивилистике Республики Таджикистан

приобретает особое значение ввиду фундаментального реформирования гражданского законодательства и необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота. Организационные правоотношения составляют своего рода «первую» стадию на которой возникает и находит развитие взаимодействие субъектов¹.

В условиях рыночной экономики стадия, предшествующая заключению договора, перестает быть лишь фактическим процессом обмена информацией и трансформируется в сложное правовое явление, порождающее специфические обязанности сторон. Фундаментальный вопрос о

том, в какой момент преддоговорный контакт перерастает в полноценное обязательство или, напротив, констатирует отсутствие такового через институт незаключенности, требует глубокого переосмысления через призму обновленного Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее — ГК РТ) от 23 ноября 2022 года².

Исторически доктрина преддоговорной ответственности, известная как - *culpa in contrahendo* - небрежность при заключении договора была заложена еще в XIX веке немецким ученым Ру-

© Кодиров Ш.К., 2026

¹ См.: Кодиров Ш.К. О значении организационных договоров в гражданском праве / Ш.К. Кодиров. // Научно - информационный журнал «Правовая жизнь». - 2024, - № 1 (45). - С. 100.

² Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 23 ноября 2022 г. под № 915. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адалия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.10.2025 г.).

дольфом фон Иерингом, который в своей работе¹ обосновал необходимость защиты стороны, доверившейся недобросовестному контрагенту. Представляется обоснованным рассматривать учение Р. Фон Иеринга в качестве методологической и теоретической основы, с которой фактически начинается научная разработка проблемы преддоговорной ответственности. Именно данная концепция во многом предопределила последующий интерес отечественной цивилистической доктрины к анализу ответственности сторон на стадии заключения договора, в том числе в контексте института незаключённости договора как особого правового явления.

В соответствии с подходом Р. Фон Иеринга, возможность возложения преддоговорной ответственности связывается с наличием договора либо, по крайней мере, с существованием его внешнего подобия. Иными словами, основанием ответственности выступает ситуация, при которой создаётся видимость договорного правоотношения, позволяющая говорить о наличии вины, выражающейся именно в факте вступления в договорную связь. При таком понимании вина не соотносится с предшествующим поведением сторон как таковым, а локализуется непосредственно в акте заключения договора, который впоследствии оказывается дефектным.

Неосторожность, как форма вины в концепции Р. фон Иеринга, трактуется весьма специфично: она усматривается не в

недобросовестном ведении переговоров, не в нарушении обязанности по проверке юридических или фактических предпосылок сделки и не в игнорировании возможных рисков, а исключительно в самом решении о заключении договора². Тем самым сопутствующие обстоятельства, включая отсутствие должной осмотрительности, нарушение стандартов делового поведения или игнорирование обязанностей по раскрытию информации, не приобретают самостоятельного юридического значения для квалификации ответственности.

Однако подобный подход, на наш взгляд, в недостаточной мере отражает специфику современного гражданского оборота. В условиях усложнения экономических связей заключение договора всё чаще представляет собой многоступенчатый и продолжительный процесс, включающий переговоры, согласование существенных условий, обмен информацией, а также проведение комплексных процедур правовой, финансовой и иной проверки (*due diligence*). В таких ситуациях юридически значимое поведение сторон формируется задолго до формального момента заключения договора, а потенциальный вред может быть причинён именно на преддоговорной стадии, независимо от того, был ли договор в итоге заключён или признан незаключённым.

Разработанная Р. фон Иерингом теория оказала существенное влияние на формирование доктринальных дискуссий о

правовой природе преддоговорной ответственности. В частности, именно она стала отправной точкой для возникновения альтернативных концепций, по-разному квалифицирующих данную ответственность — как разновидность договорной либо как особый вид внедоговорной (деликтной) ответственности. Данный теоретический спор приобретает особую практическую значимость при разрешении споров, связанных с признанием договоров незаключёнными, поскольку от квалификации ответственности напрямую зависят основания её возникновения, объём подлежащих возмещению убытков и распределение бремени доказывания³.

При осмыслении сущности данного института важно исходить из того, что юридическая ответственность неизменно сопряжена с лишением субъекта определенных личных или имущественных благ либо с их существенным ограничением. Как подчеркивает Б.А. Абдуганизова, данные правоограничения выступают в качестве закономерной реакции общества и государства на вред, причиненный правонарушителем интересам других лиц. В контексте преддоговорных отношений такая реакция становится необходимым инструментом защиты стороны, чьи имущественные интересы были ущемлены недобросовестным поведением контрагента еще до момента формального возникновения договорного обязательства⁴.

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 800 с.

² См.: Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 800 с. Указ. соч. - С. 4.

³ Жужжалов М. Б. Учение Р. Фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность

и возможности по применению в будущем (комментарий к русско-му переводу работы «*Culpa in contrahendo*, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») / М. Б. Жужжалов. // Вестник гражданского права. - 2013. - №3. - С. 269.

⁴ См.: Абдуганизова Б.А. Гражданско-правовая ответственность сторон договора грузоперевозки автомобильным транспортом / Б.А. Абдуганизова // Научно-политический журнал «Государственное управление». - 2025, - №1 (72) - С. 252.

В таджикской правовой системе долгое время отсутствовало прямое регулирование переговоров, что приводило к правовой неопределенности в тех случаях, когда стороны не достигали соглашения по существенным условиям, но уже несли значительные финансовые и организационные издержки. Введение статьи 501 в новый ГК РТ стало качественным шагом вперед, легализовав категорию «переговоры о заключении договора» и установив обязанность сторон действовать добросовестно. Это положение корреспондирует с общей нормой статьи 8 ГК РТ, провозглашающей принцип добросовестности в качестве одного из начал гражданского законодательства.

Анализируя правовую природу преддоговорных отношений в контексте признания договора незаключенным, следует прежде всего разграничить стадии формирования воли и волеизъявления. Как справедливо отмечает Сулейменов М.К. в своем исследовании¹, преддоговорный этап представляет собой последовательность юридически значимых действий, направленных на достижение консенсуса. Переговоры как правовое явление как полагает указанный автор охватывают весь этап до заключения договора.

Это могут быть:

- 1) непосредственные переговоры будущих сторон договора;
- 2) переговоры с участием посредника;
- 3) переговоры с участием юридических фирм на каждой

стороне, что характерно для крупных сделок².

В таджикской доктрине, вслед за российской школой цивилистики³, признается, что договор считается заключенным лишь при наличии совокупности признаков: достижение соглашения по всем существенным условиям, соблюдение требуемой законом формы и, в необходимых случаях, передача имущества. Отсутствие любого из этих элементов влечет за собой квалификацию договора как незаключенного⁴. Однако ключевая теоретическая проблема заключается в том, порождает ли стадия переговоров самостоятельное организационное обязательство. Современная наука склоняется к тому, что вступление в деловой контакт создает охранительное правоотношение, в рамках которого стороны обязаны учитывать интересы друг друга. Это находит отражение в части 2 статьи 501 ГК РТ, где прямо запрещается ведение переговоров при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения.

Особое внимание заслуживает сравнительный анализ с порядком Российской Федерации, где статья 434.1 ГК РФ⁵ содержит более детализированный перечень недобросовестных действий. Таджикский законодатель пошел по пути лаконичности, что, с одной стороны, расширяет судебное усмотрение, а с другой — требует разработки четких критериев в судебной практике.

Следующим важным вопросом в контексте рассматриваемой

проблематики является соотношение институтов незаключенности и недействительности договора. По данному вопросу авторами отмечается, что институт незаключенности договора не является тождественным институту его недействительности. Если недействительность предполагает порок в уже существующем договоре, то незаключенность констатирует «юридическое ничто», отсутствие самого факта совершения сделки. Тем не менее, признание договора незаключенным не должно освобождать недобросовестную сторону от ответственности за вред, причиненный на стадии переговоров. В этом проявляется защитная функция доктрины *culpa in contrahendo*. В контексте статьи 501 ГК РТ убытки, подлежащие возмещению в случае недобросовестного ведения переговоров, включают в себя так называемый «негативный интерес». Это означает, что пострадавшая сторона должна быть поставлена в то положение, в котором она находилась бы, если бы не вступала в переговоры вовсе. Сюда относятся расходы на экспертизу, юридическое сопровождение, командировки и, что особенно важно, потеря возможности заключить аналогичный договор с третьим лицом. Последнее часто игнорируется судами Республики Таджикистан ввиду сложности доказывания упущенной выгоды, однако полагаем необходимым компенсировать такие потери для обеспечения справедливости оборота.

¹ См.: Сулейменов М.К. Преддоговорные отношения / М.К. Сулейменов. // Вестник Института законодательства РК. — 2018. - №4 (53). - С. 53.

² Там же. С. 55.

³ См.: Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. — 800 с.

⁴ См.: Кодиров Ш.К. К вопросу о некоторых правовых проблемах заключения гражданско-правовых договоров посредством сети Интернет / Ш.К. Кодиров. // Юридический вестник (научный журнал). — Душанбе: РТСУ, 2020. — №2 (2). — С. 56.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ [https://](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/) (дата обращения 15.12.2025г.).

Развивая вопрос о существенных условиях, необходимо отметить, что их несогласованность является наиболее частым основанием для признания договора незаключенным в практике экономических судов РТ. Статья 498 ГК РТ устанавливает, что существенными являются условия о предмете, условия, названные в законе как существенные, а также те, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. В этом аспекте преддоговорные переговоры выступают механизмом «кристаллизации» этих условий. Если сторона в процессе переговоров выдвигает условие как принципиальное, но оно не находит отражения в итоговом документе, возникает риск оспаривания договора как незаключенного. Здесь возникает коллизия между принципом свободы договора и принципом добросовестности. С одной стороны, субъекты свободны в выходе из переговоров (ч. 1 ст. 501 ГК РТ), с другой — внезапный обрыв связи без объяснения причин на финальной стадии подписания признается недобросовестным. Исследователи в странах Центральной Азии, в частности в Казахстане и Узбекистане, также сталкиваются с подобной дилеммой. Например, в ГК Республики Узбекистан вопросы преддоговорной ответственности в настоящее время проходят стадию глубокого реформирования¹, ориентируясь на опыт Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА.

Влияние преддоговорных отношений на квалификацию до-

говора как заключенного усиливается через институт заверений об обстоятельствах. Несмотря на то что ГК РТ не содержит отдельной статьи, полностью идентичной ст. 431.2 ГК РФ, общие нормы о возмещении убытков (ст. 14, ст. 501 ГК РТ) и недопустимости обмана позволяют применять аналогичные подходы. Если на стадии переговоров сторона предоставила недостоверную информацию, которая повлияла на волю контрагента, это может привести не только к признанию договора незаключенным из-за отсутствия согласия по истинным условиям, но и к обязанности компенсировать вред. Логическая последовательность здесь такова: недобросовестность в переговорах ведет к пороку согласования условий, что влечет незаключенность договора, которая, в свою очередь, активизирует механизм преддоговорной ответственности. Таким образом, эти институты не исключают, а дополняют друг друга.

Ещё одним важным аспектом является документальное оформление переговоров. Как указывает Сулейменов М.К.², использование таких документов, как «Протоколы о намерениях» (Memorandum of Understanding) или «Соглашения о порядке ведения переговоров», позволяет сторонам заранее распределить риски. В таджикской практике такие документы часто ошибочно воспринимаются либо как ничего не значащие бумаги, либо как полноценный предварительный договор (ст. 493 ГК РТ). Однако их правовая природа иная — они фиксируют промежуточные

итоги и устанавливают стандарты поведения³. При признании основного договора незаключенным именно эти документы становятся главным доказательством недобросовестности одной из сторон. Научный анализ показывает, что для Республики Таджикистан назрела необходимость внедрения четкой классификации преддоговорных убытков на законодательном уровне или через разъяснения Пленума Верховного Суда РТ.

Таким образом можно сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, преддоговорные отношения следует квалифицировать как самостоятельный вид организационных правоотношений, возникающих из факта вступления в деловой контакт. Во-вторых, необходимо закрепить презумпцию недобросовестности для стороны, внезапно и немотивированно прекратившей переговоры на стадии, когда условия договора были практически согласованы. Это заставит участников оборота более ответственно подходить к процессу заключения сделок. В-третьих, в контексте признания договора незаключенным, судам следует более гибко подходить к распределению бремени доказывания, защищая «слабую сторону», которая полагалась на заверения контрагента.

Рекомендуется дополнить статью 501 ГК РТ положением, уточняющим, что возмещение убытков в случае недобросовестного ведения переговоров производится независимо от того, был ли договор впоследствии при-

¹ Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть 1) № 163-І от 21 декабря 1995 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111181> (дата обращения 10.12.2025г.).

² См.: Сулейменов М.К. Преддоговорные отношения / М.К. Сулейменов. // Вестник Института законодательства РК. — 2018. - №4 (53). - С. 52.

³ См.: Кодиров Ш.К., Имомова, Н.М. Правовая природа рамочного договора: сравнительный анализ законодательства Таджикистана и зарубежных стран / Ш.К. Кодиров, Н.М. Имомова. // Вестник Таджикского национального университета. — 2025, - №1. - С. 205.

знан незаключенным или недействительным. Это исключит возможность для недобросовестных субъектов избегать ответственности, ссылаясь на отсутствие договорной связи. Также целесообразно внедрить в таджикское право доктрину «эстоппель» (*venire contra factum proprium*),

согласно которой сторона лишается права ссылаться на незаключенность договора, если ее предшествующее поведение давало контрагенту основания полагаться на силу сделки и она приняла исполнение. Это укрепит стабильность гражданского оборота и приведет его в соответ-

ствие с международными стандартами. Таким образом, преддоговорные отношения являются не просто прелюдией к сделке, а фундаментом правовой ответственности, обеспечивающим надлежащую реализацию принципа добросовестности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 23 ноября 2022 г. под № 915. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Аджия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.10.2025 г.).
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть 1) № 163-I от 21 декабря 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111181> (дата обращения 10.12.2025г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:// (дата обращения 15.12.2025г.).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:// (дата обращения 15.12.2025г.).
5. Абдуганизода Б.А. Гражданско-правовая ответственность сторон договора грузоперевозки автомобильным перевозкой / Б.А. Абдуганизода // Научно-политический журнал «Государственное управление». – 2025, - №1 (72) – С. 252-260.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право / М.И. Брагинский В.В. Витрянский. — М.: Статут, 2020. – 847 с.
7. Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. – 800 с.
8. Жужжалов М. Б. Учение Р. Фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность и возможности по применению в будущем (комментарий к русско-му переводу работы «*Culpa in contrahendo*, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») / М. Б. Жужжалов. // Вестник гражданского права. – 2013. - №3. – С. 267-311.
9. Зейналова Р.А. Преддоговорные отношения в контексте признания договора незаключенным / Р.А. Зейналова. // Сибирский юридический вестник. 2015. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preddogovornye-otnosheni-nezaklyuchennym> (дата обращения: 11.11.2025).
10. Иеринг Р. *culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров / Р. Иеринг. // Вестник гражданского права. - 2013. - № 3. – С. 190-266.
11. Кодиров Ш.К. К вопросу о некоторых правовых проблемах заключения гражданско-правовых договоров посредством сети Интернет / Ш.К. Кодиров. // Юридический вестник (научный журнал). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №2 (2). – С.55-59.
12. Кодиров Ш.К. О значении организационных договоров в гражданском праве / Ш.К. Кодиров. // Научно – информационный журнал «Правовая жизнь». - 2024, - № 1 (45). – С. 99-104.
13. Кодиров Ш.К., Имомова, Н.М. Правовая природа рамочного договора: сравнительный анализ законодательства Таджикистана и зарубежных стран / Ш.К. Кодиров, Н.М. Имомова. // Вестник Таджикского национального университета. – 2025, - №1. - С. 203-210.
14. Сулейменов М.К. Преддоговорные отношения / М.К. Сулейменов. // Вестник Института законодательства РК. – 2018. - №4 (53). - С 50-64.

PRE-CONTRACTUAL RELATIONS AND THE NON-CONCLUSION OF A CONTRACT: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Kodirov Shodmon Kodirovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 30 M. Tursunzade Street.
E-mail: shodmon9090@bk.ru, tel. 2276740

This scientific article provides a comprehensive study of the theoretical, legal, and practical aspects of pre-contractual relations within the civil law framework of the Republic of Tajikistan. It offers a detailed analysis of their direct influence on the legal qualification of a contract as either concluded or non-concluded. The study is grounded in the fundamental provisions of the Civil Code of the Republic of Tajikistan, examines current judicial practice, and analyzes the scientific works of prominent Tajik and Russian legal scholars. A comparative analysis of the legal regulation of pre-contractual stages in the jurisdictions of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation identifies existing gaps in national legislation and proposes substantiated ways to address them. Particular attention is paid to developing clear criteria for agreeing on essential contract terms, examining the legal consequences of bad faith evasion from contract conclusion, and adapting the classical doctrine of culpa in contrahendo to the modern legal realities of Tajikistan. The author justifies the importance of the legislative consolidation of the principle of good faith at the pre-contractual stage as a vital necessity for ensuring the stability of civil turnover. The findings and recommendations formulated in the paper hold high practical value for the judiciary, legal practitioners, and legislative bodies in the further reform of civil law.

Keywords: *pre-contractual relations; negotiation process; non-conclusion of a contract; good faith of the parties; freedom of contract; organizational legal relations; pre-contractual liability; civil law of the Republic of Tajikistan.*

МУНОСИБАТҲОИ ПЕШАЗШАРТНОМАВӢ ВА ЭЪТИРОФИ ШАРТНОМА ҲАМЧУН БА-
СТАНАШУДА: МАСЪАЛАҲОИ НАЗАРИЯВӢ ВА ҲУҚУҚТАТБИҚКУНӢ

Қодиров Шодмон Қодирович,

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи маданӣ, факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Русияву Тоҷикистон, 734025, шаҳри Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯчаи
М.Турсунзода, 30. E-mail: shodmon9090@bk.ru, тел. 2276740

Дар мақолаи илмӣ пешниҳодшуда таҳқиқи маҷмӯии ҷанбаҳои назариявӣ ҳуқуқӣ ва амалии муносибатҳои пешазшартномавӣ дар ҳуқуқи маданӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон анҷом дода шуда, таъсири бевоситаи онҳо ба таснифи ҳуқуқи шартнома ҳамчун басташуда ё бастанашуда муфассал таҳлил мегардад. Дар рафти таҳқиқот муаллиф ба меъёрҳои бунёди Кодекси маданӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон таъна намуда, таҷрибаи судии муосир ва осори илмӣ сивилистони варзидаи тоҷику русро мавриди омӯзиш қарор додааст. Таҳлили муқоисавии танзими ҳуқуқи марҳилаҳои пешазшартномавӣ дар низомҳои ҳуқуқи Ҷумҳурии Қазоқистон ва Федератсияи Русия имкон медиҳад, ки холигоҳҳои мавҷуда дар қонунгузори миллӣ ошкор ва роҳҳои асоснокӣ бартараф кардани онҳо пешниҳод карда шаванд. Дар мақола ба таҳияи меъёрҳои дақиқи мувофиқасозии шартҳои муҳими шартнома, омӯзиши оқибатҳои ҳуқуқи саркашии бевҷодона аз бастани аҳд ва мутобиқгардонии доктринаи классикӣ *culpa in contrahendo* ба воқеияти ҳуқуқи муосири Тоҷикистон таваҷҷуҳи хосса зоҳир шудааст. Муаллиф аҳамияти дар сатҳи қонунгузорӣ мустаҳкам намудани принсипи бовҷдониро дар марҳилаи пешазшартномавӣ барои таъмини устувории муомилоти граждани асоснок менамояд.

Калидвожаҳо: *муносибатҳои пешазшартномавӣ; раванди музокирот; номукаммал будани шартнома; бовҷдонии тарафҳо; озодии шартнома; муносибатҳои ташкили-ҳуқуқӣ; ҷавобгарии пешазшартномавӣ; ҳуқуқи маданӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон.*

УДК 347.961

**ИНСТИТУТ НОТАРИАТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТА-
БИЛЬНОСТИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹**

Насиров Хуршед Толибович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического фа-
культета Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30,
Тел.: (+992) 2276740, e-mail: netlawyer@list.ru

Хамроев Шухрат Садирович

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Российско-Таджикский (Славян-
ский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30,
Тел.: (+992) 225337, e-mail: shuxrat-hamro62@mail.ru

Кодиров Шодмон Кодирович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российско-Таджикский (Славянский)
университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 2276740, e-mail: shodmon9090@bk.ru

Статья посвящена исследованию правовой сущности института нотариата и правового статуса нотариуса в Республике Таджикистан на этапе становления цифровой трансформации общества, а также роли нота-
риата Республики Таджикистан в обеспечении стабильности договорных отношений в условиях цифро-
визации. Авторами анализируется возможность создания в Таджикистане института частного нотариата.
Также рассмотрены вопросы правового регулирования цифровизации нотариальной деятельности в Та-
джикистане. В статье отмечается, что ключевым условием цифровизации нотариальной практики является
наличие правового регулирования электронных документов и электронной подписи.

Ключевые слова: *нотариус, нотариат, нотариальные услуги, договор, правовая система, законодательство, права и
законные интересы, материальная ответственность, цифровое право, электронная подпись.*

Насиров Х.Т.

Хамроев Ш.С.

Кодиров Ш.К.

¹ Насиров Х.Т., Хамроев Ш.С., Кодиров Ш.К., 2026

Построение современного и демократического общества является в Республике Таджикистан необходимой целью Правительства страны. В статье 6 Конституции Республики Таджикистан закреплён основной принцип народовластия, согласно которому в Таджикистане народ является носителем суверенитета и источником государственной власти, осуществляемой непосредственно либо через своих представителей.

Все уполномоченные государственные органы и должностные лица этих органов и их структуры в качестве приоритетного направления своей деятельности обязаны рассматривать все вопросы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые признаны высшей ценностью современного общества, придавать серьёзное и всестороннее значение их приёму, всестороннему и объективному рассмотрению представленных ими обращений и жалоб.

В настоящее время в Республике Таджикистан, переживающей глубокие процессы цифровой трансформации и неконтролируемые последствия осуществления рыночных реформ, наблюдается устойчивое формирование общественных отношений в области защиты прав и законных интересов граждан страны. Одной из наиболее значительных проблем в этом направлении является недостаточный уровень защиты законных прав и интересов отдельными уполномоченными государственными органами.

Действующее таджикское законодательство гарантирует правовую защиту любому лицу, которая обеспечивается уполномо-

ченными государственными органами, и каждому гражданину гарантируется конституционная защита и право требовать, чтобы его дело рассмотрел компетентный и беспристрастный государственный орган. На сегодняшний день в Республике Таджикистан в системе государственных органов юстиции создана единая структура нотариата по защите прав и интересов граждан.

Таким образом, на основании норм ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О государственном нотариате»¹ (далее Закон РТ о нотариате) в Таджикистане государственный нотариат учреждается в форме Государственной нотариальной конторы, которая является одной из структур государственных органов юстиции, и не является юридическим лицом². Основной задачей Государственной нотариальной конторы становится обеспечение государственной защиты правам и законным интересам участникам гражданских правоотношений посредством реализации своих полномочий. В законе нотариат определяется одним из основных правоохранительных органов в Республике Таджикистан.

Указанная функция нотариального органа своей сущностью отражает его место в правовой системе, обеспечивающей законность и правомерность юридических действий субъектов права, которые снижают уровень совершения различных противоправных поступков. Таджикское законодательство предусматривает существование исключительно государственного нотариата и исключает деятельность частного нотариата. При этом, согласно статье 1 Закона РТ о нотариате, нотариус в Таджикистане считается должностным лицом,

уполномоченным на основании настоящего Закона совершать нотариальные действия от имени Республики Таджикистан. Такая специфика построения нотариальных органов в Таджикистане, по мнению законодателя, призвана обеспечить защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, посредством организации государством эффективного контроля за деятельностью нотариусов, совершающих нотариальные действия от имени государства. Означает ли, что и материальную ответственность за вред, причиненный государственным нотариусом, как должностным лицом, будет нести государство? В таком случае, согласно статьям 1194 и 1195 Гражданского кодекса Республики Таджикистан ущерб, причиненный действиями государственного нотариуса, должен быть возмещен за счет государственной казны. Насколько такая ответственность государственного нотариуса станет гарантом защиты интересов клиентов в случае возможных ошибок или нарушений при совершении нотариальных действий. Приемлемо ли обязательство государства возместить ущерб, причиненный государственным нотариусом в ходе его профессиональной деятельности? Не повлияет материальная ответственность государства за деятельность государственного нотариуса на его профессиональную независимость и самостоятельность?

На наш взгляд, независимость нотариуса станет возможной, во-первых, когда его материальная ответственность будет включать возмещение всех причиненных убытков, и будет осуществлена им самостоятельно и

¹ Закон Республики Таджикистан «О государственном нотариате» от 9 февраля 2012 года, №702 // электронный ресурс, режим доступа : <https://www.andoz.tj/docs/zakoni/pdf> – (дата обращения 02.12.2025).

² Закон Республики Таджикистан «Об органах юстиции Республики Таджикистан» от 20 апреля 2021 года № 1773 // https://ncz.tj/system/files/Legislation/1.ru__18.pdf – (дата обращения 02.12.2025).

за свой счет. Во-вторых, независимое и самостоятельное оказание нотариусом своих профессиональных услуг возможно, когда его деятельность будет осуществляться в системе независимой самофинансируемой профессиональной организации. В этом плане есть ли необходимость создания в Таджикистане института частного нотариата с его особенно правовой природой?

Именно поэтому, в современной науке права нет единого мнения по поводу правовой природы нотариата, а также о месте нотариата в механизме реализации защиты прав и свобод граждан, его правовом регулировании¹.

Так, в Казахстане в соответствии с Законом Республики Казахстан «О Нотариате»² (далее Закон РК о нотариате) с целью оказания квалифицированной юридической помощи, обеспечивающий защиту прав и законных интересов физических, юридических лиц путем совершения нотариальных действий, уже предусматривается деятельность не только государственных, но и частных нотариусов.

В Казахстане государственные нотариусы осуществляют свою деятельность в рамках системы государственной нотариальной конторы, которая, как и в Таджикистане, является структурным подразделением территориального органа юстиции, без образования юридического лица. Представляется, государственная нотариальная контора, также является важной структурой в системе правоохранительных органов Казахстана. Соответственно, как и в Таджикистане, казахские нотариусы, осуществляющие

свою профессиональную деятельность в рамках государственной нотариальной конторы, считаются должными лицами, совершающие свои нотариальные действия от имени Республики Казахстана. Соответственно материальный ущерб, возникший в результате профессиональной деятельности государственного нотариуса, должен быть возмещен государством за счет государственной казны.

Частные нотариусы в Казахстане, являясь членом нотариальной палаты, осуществляют нотариальную деятельность без образования юридического лица на основании полученной лицензии. Согласно статье 26 Закона РК О нотариате, нотариальная палата создается в форме некоммерческой профессиональной самофинансируемой организации, создаваемой для выражения и защиты прав и законных интересов нотариусов, занимающихся частной практикой, а также для обеспечения соблюдения частными нотариусами профессиональных и этических норм в соответствии с законодательством Республики Казахстан о нотариате. В этой связи трудно рассматривать нотариальную контору в Республике Казахстан в качестве правоохранительного органа, но это никак не принижает его сущность и значимость в правовой системе Казахстана.

Прежде всего, в отличие от государственного, частный нотариус, занимающийся частной практикой, в случае нарушения своих профессиональных обязанностей и норм этики привлекается к материальной ответственности нотариальной пала-

той в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Если частный нотариус причинил ущерб в ходе своей профессиональной деятельности, он и обязан возместить этот ущерб самостоятельно и за свой счет. Например, если разглашение условий сделки привело к изменению рыночной стоимости имущества или недвижимости, потерпевшая сторона может требовать компенсации ущерба от нотариуса в полном размере. Это подчеркивает важность нотариуса в качестве профессионала, обязующегося не только соблюдать закон, но и обеспечить надежность и конфиденциальность всех документов, с которыми он работает. Материальная ответственность нотариуса, согласно казахскому законодательству, также включает возможные выплаты штрафов или компенсаций, а также восстановление всех убытков, понесенных клиентами из-за утечки конфиденциальной информации.

Также в большинстве стран институт нотариата и нотариусы, несмотря на то что осуществляют функции публичной власти, не включены в систему органов государственной власти и являются частными. Так, в России при наличии в соответствии со статьей 7 "Основ законодательства Российской Федерации о нотариате"³ (далее Основы), государственных нотариусов, осуществляющих свою деятельность в рамках системы как государственных нотариальных контор, являющимся структурным подразделением органа исполнительной власти, абсолютное большинство составляют част-

¹ См.: Румянцева В.Г. Институт нотариальной деятельности: понятие, сущность, содержание // История государства и права. 2012. №8. С. 25.

² Закон Республики Казахстан «О Нотариате» от 14 июля 1997 года № 155-І // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008028&doc_id2=1008028#activate_doc=2&pos=30;

105.19999694824219&pos2=524;-73.19999694824219 - (дата обращения 02.12.2025).

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 N 4462-1// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ - (дата обращения 02.12.2025).

ные нотариусы. Частные нотариусы осуществляют частную профессиональную практику, на основе членства в нотариальной палате, созданной форме некоммерческой организации.

При этом согласно статье 24 Основ сама деятельность нотариальной конторы в Российской Федерации признается предпринимательской, так как нотариальная контора при предоставлении услуг не преследует целей по извлечению прибыли¹. В рамках гражданского законодательства России нотариат признается самостоятельным субъектом гражданских правоотношений с целевой правосубъектностью. Среди основных целей правосубъектности нотариальных контор можно выделить:

- общее руководство и координация деятельности частных нотариусов;
- представление и защита прав и законных интересов частных нотариусов в государственных органах, негосударственных организациях, а также оказание помощи в развитии нотариального дела;
- обеспечение соблюдения частными нотариусами законодательства о нотариате, профессиональных и этических норм;
- организация страхования гражданско-правовой ответственности по обязательствам, возникшим вследствие причинения вреда в результате совершения нотариальных действий;
- рассматривает обращения физических и юридических лиц по вопросам нотариальной деятельности;
- организация курсов повышения профессиональной квалификации нотариусов;

В Российской Федерации для частного нотариуса также важной формой ответственности становится его материальная ответственность, согласно которой нотариус возмещит ущерб, возникший при осуществлении им профессиональных обязанностей, самостоятельно и за свой счет.

Аналогичный правовой статус нотариальных контор установлен почти что во всех странах ближнего и дальнего зарубежья.

На наш взгляд, в Таджикистане это не мешает попыткам дистанцирования системы нотариальных органов от государственных, которые всегда ориентируются на повседневную правовую политику к частным нотариальным конторам. Указанная позиция не приводит к полному отрицанию связи с государством, наделяющим нотариат функциями правоприменительного органа, обладающего властными и даже превентивными функциями. С учетом всех национальных особенностей в Таджикистане, государство помимо становления нотариата как публичной правоохранительной функции, наряду с государственными чиновниками, вправе допустить к нотариальной деятельности и частных нотариусов, которые будут содержать себя самостоятельно за счет доходов от оказываемых услуг.

Исходя из этого, современный этап развития государственного строительства в РТ открывает новые перспективы для научного анализа возможности формирования принципиально востребованных концепций сотрудничества правоприменителей и правоохранителей, в том числе нотариусов, учитывающих

и во многом базирующихся на факторе глобализации.

На наш взгляд, появляется необходимость в дальнейших преобразованиях и осуществлении нововведений в управление и деятельность нотариальных органов страны не только для более существенного обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, но и для их своевременной реализации.

Представляется необходимым в целях обеспечения высокого уровня оказания нотариальных услуг, защиты прав и законных интересов граждан уделить пристальное внимание внедрению цифровых и информационных технологий в систему нотариата. Использование цифровых технологий стало устойчивым элементом современного социально-экономического развития, что неизбежно отражается и на функционировании правовых институтов. В данном контексте особое значение приобретает цифровизация нотариальной деятельности в Республике Таджикистан, включая трансформацию её нормативного регулирования и практики совершения нотариальных действий.

Для Республики Таджикистан внедрение цифровых технологий в нотариальную сферу органично вписывается в концепцию электронного правительства и одновременно выступает важным элементом модернизации инфраструктуры гражданского права.² Исторически данная нормативная база была ориентирована преимущественно на бумажную модель нотариата, основанную на личной явке участников и оформлении нотариальных актов на материальном носителе. Вместе с тем изменения, внесён-

¹ В тоже самое время Закон Российской Федерации о нотариате, предоставляет нотариальным конторам возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, необходимую для выполнения их уставных задач.

² См.: Насиров Х.Т. Электронные деньги и их правовая природа по законодательству Таджикистана// ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК - №1 (13) – 2023. С.53.

ные в законодательство в последние годы, свидетельствуют о постепенном признании необходимости адаптации нотариальной деятельности к условиям цифровой среды.

Ключевым условием цифровизации нотариальной практики является наличие правового регулирования электронных документов и электронной подписи. Законодательство Республики Таджикистан признаёт юридическую силу электронного документа при условии его подписания электронной подписью и устанавливает требования к надёжным и защищённым видам электронной подписи. Эти нормы формируют базовую правовую основу для использования электронных документов в нотариальной деятельности. Однако специфика нотариата - повышенные требования к идентификации личности, проверке дееспособности, добровольности волеизъявления и защите информации - обуславливает необходимость специального нормативного регулирования применения цифровых технологий именно в нотариальной сфере.

Дополнительным фактором цифровой трансформации нотариата является развитие инфраструктуры электронного правительства и функционирование Единого государственного электронного портала. Его правовое регулирование осуществляется на основании Закона Республики Таджикистан «О государственных услугах»¹, Концепции формирования электронного правительства², а также подзаконных

актов, регламентирующих ведение реестра государственных услуг и порядок их автоматизации. Указанные документы формируют институционально-технологическую платформу для предоставления электронных услуг и межведомственного цифрового взаимодействия.

Центральным элементом электронного нотариата является электронная подпись как средство юридической верификации нотариальных актов, обеспечивающее их подлинность, целостность и доказательственную силу³. Для нотариальной практики приоритетное значение имеет использование усиленных и криптографически защищённых видов электронной подписи, позволяющих достоверно идентифицировать участников нотариального действия и нотариуса. В условиях развития трансграничных правоотношений особую актуальность приобретает сопоставимость национальных стандартов электронной подписи с зарубежными моделями, прежде всего с квалифицированной электронной подписью, применяемой в Европейском союзе.

Анализ национальной практики позволяет выделить ряд факторов, препятствующих цифровизации нотариальной деятельности в Республике Таджикистан. К их числу относится отсутствие комплексного нормативного регулирования электронных нотариальных процедур, включая правила дистанционной идентификации, форматы электронных нотариальных

актов, порядок их хранения и ведения электронных реестров. Существенное значение имеют и технологические ограничения, связанные с недостаточным развитием цифровой инфраструктуры, удостоверяющих центров и национальных механизмов цифровой идентификации. Дополнительные сложности обусловлены кадровыми и организационными аспектами, включая необходимость формирования у нотариусов новых профессиональных компетенций и отсутствия унифицированных методических стандартов электронного нотариального делопроизводства.

С учётом выявленных проблем целесообразным представляется поэтапный и системный подход к внедрению электронного нотариата в Республике Таджикистан. Приоритетными направлениями должны стать нормативное закрепление специального режима электронных нотариальных действий, разработка национальных стандартов электронных нотариальных документов и реестров, запуск пилотных проектов и реализация программ повышения квалификации нотариусов. При этом представляется обоснованным учитывать европейский опыт и принципы, заложенные в регламенте eIDAS.

В заключение следует отметить, что цифровизация нотариальной деятельности в Республике Таджикистан является объективно необходимым этапом развития нотариата в условиях цифровой экономики. При

¹ Закон Республики Таджикистан «О государственных услугах» От 15 января 2020 года, №1575 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.07.2025 г.).

² «Концепция формирования электронного правительства в Республике Таджикистан» Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2011 года, № 643 / [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 22.08.2025 г.).

³ Закон РТ «Об электронном документе и электронной подписи» от 15 февраля 2023 года, №973 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.07.2025 г.).

наличии комплексного правового регулирования, надёжной технической инфраструктуры и поэтапного внедрения электронный нотариат способен повысить доступность нотариальных услуг, одновременно сохранив и укрепив превентивную функцию нотариата и уровень правовой защищённости участников гражданского оборота.

Ещё одним актуальным вопросам в рассматриваемой области является роль нотариата в обеспечении стабильности договорных отношений, который является одним из фундаментальных условий устойчивого развития гражданского оборота и эффективного функционирования правовой системы. В данном контексте особую значимость приобретает нотариат Республики Таджикистан, который выступает институциональным механизмом обеспечения законности, юридической определённости и баланса интересов участников договорных связей. Посредством нотариального удостоверения достигается не только формальное подтверждение сделки, но и её предварительная правовая оценка, направленная на предотвращение потенциальных споров и злоупотреблений. Нотариальное удостоверение сделки может иметь место в случаях, предусмотренных соглашением сторон. В законодательстве предписания о необходимости совершения сделки в нотариальной форме встречаются не часто, и как правило, относятся к сделкам, касающимся наиболее значимого имущества¹.

Как было уже отмечено нотариат традиционно выполняет превентивную функцию, обеспечивая проверку правоспособности и дееспособности сторон, соответствии содержания договора требованиям законодательства, а также действительности и свободы волеизъявления. В условиях усложнения договорных конструкций и расширения сферы гражданского оборота значение нотариального участия возрастает, поскольку именно нотариус обеспечивает профессиональный контроль за юридическим качеством договорных обязательств. В этом смысле: «Нотариальное удостоверение сделки облегчает заинтересованной стороне доказывание своего права, поскольку содержание сделки, время и место ее совершения, намерения субъектов сделки и другие обстоятельства, официально зафиксированные нотариусом, презюмируются как очевидные и достоверные»². Тем самым нотариат способствует формированию устойчивых и предсказуемых договорных отношений, что имеет принципиальное значение для правовой стабильности.

Современные процессы цифровой трансформации экономики и права объективно влияют на традиционную модель нотариальной деятельности. Использование электронных документов, дистанционных форм взаимодействия и цифровых реестров трансформирует способы заключения и исполнения договоров, что неизбежно отражается на роли нотариата в договорных отношениях. В этих условиях

научный интерес представляет анализ влияния цифровых технологий на способность нотариата обеспечивать стабильность гражданско-правовых обязательств.

Внедрение цифровых технологий в нотариальную деятельность обладает значительным потенциалом повышения эффективности договорного оборота. Электронные нотариальные процедуры позволяют сократить временные и организационные издержки, расширить доступ к нотариальным услугам и повысить оперативность совершения юридически значимых действий. Для участников договоров это означает упрощение процедур и повышение удобства правового взаимодействия, что в целом может способствовать укреплению договорной дисциплины³.

Вместе с тем цифровизация нотариата сопровождается рядом правовых и институциональных проблем. Отсутствие детализированного нормативного регулирования электронных нотариальных действий, включая требования к электронной форме договора, процедурам дистанционной идентификации и использованию электронной подписи, создаёт правовую неопределённость. В условиях недостаточной регламентации цифровые нотариальные инструменты могут утратить превентивный характер и не обеспечивать должного уровня защиты прав сторон договора, что негативно сказывается на стабильности договорных отношений⁴.

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 4т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2023. — С. 442.

² Там же. — С. 443.

³ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2018. — 1264 с. — Режим доступа:

<https://m-lawbooks.ru/product/sdelki-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-postateyniy-kommentariy-k-st-153-208-gk-rf-pod-red-a-g-karapetova/> (дата обращения 25.10.2025).

⁴ См.: Кодиров Ш.К. К вопросу об идентификации участников сделки, заключаемой в сети Интернет. Вестник Таджикского национального университета. Серия социального -экономических и общественных наук. — Душанбе: Сино, 2018. — №3. — С.219.

Особое значение приобретает проблема подтверждения подлинности волеизъявления сторон при совершении нотариальных действий в электронной форме. В традиционной модели нотариата данная задача решается посредством личного общения нотариуса с участниками сделки. При переходе к дистанционным форматам возникает необходимость создания правовых механизмов, которые по уровню надёжности были бы сопоставимы с очным нотариальным удостоверением. Без решения данного вопроса электронный нотариат не может в полной мере выполнять функцию гарантии устойчивости договорных обязательств.

С учётом изложенного представляется обоснованным поэтапный подход к цифровизации нотариальной деятельности в Республике Таджикистан. На первоначальном этапе целесообразно развитие электронных реестров, цифровых архивов и вспомогательных информационных сервисов, не затрагивающих

сущность нотариального удостоверения договора. По мере формирования нормативной и технической базы возможно расширение перечня договорных отношений, допускающих совершение нотариальных действий в электронной форме, при условии обеспечения усиленных гарантий идентификации и информационно-безопасности.

Отдельного внимания требует трансформация профессиональной роли нотариуса. В условиях цифровизации нотариус выступает не только удостоверяющим субъектом, но и ключевым элементом правового контроля в цифровой среде. Это предполагает необходимость развития системы профессиональной подготовки нотариусов, внедрения специализированных программ повышения квалификации и формирования стандартов электронного нотариального делопроизводства. Без решения кадровых и организационных вопросов цифровизация нотариата не сможет обеспечить устойчивый положительный эффект для договорных отношений¹.

В заключение следует отметить, что нотариат Республики Таджикистан сохраняет системообразующее значение для обеспечения стабильности договорных отношений. Цифровые технологии способны усилить данную функцию лишь при условии их нормативно выверенного и институционально обеспеченного внедрения. Научно обоснованная модель цифрового нотариата должна исходить из приоритета правовой защищённости договорных обязательств, а не из формального упрощения процедур. Такой подход позволит обеспечить устойчивость гражданского оборота и сохранить доверие к нотариату как ключевому институту гражданского права.

Процесс трансформации общественных отношений в области правовой деятельности органов нотариата должен подвергаться научным исследованиям упрощенно, что обеспечит нормальное функционирование деятельности нотариусов.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 4т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2023. — 606 с.
2. Закон Республики Таджикистан «О государственном нотариате» от 9 февраля 2012 года, №702 // электронный ресурс, режим доступа: <https://www.andoz.tj/docs/zakoni/pdf> – (дата обращения 02.12.2025).
3. Закон Республики Таджикистан «Об органах юстиции Республики Таджикистан» от 20 апреля 2021 года № 1773 // https://ncz.tj/system/files/Legislation/1.ru__18.pdf - (дата обращения 02.12.2025).
4. Закон Республики Таджикистан «О государственных услугах» От 15 января 2020 года, №1575 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.07.2025 г.).
5. Закон Республики Казахстан «О Нотариате» от 14 июля 1997 года № 155-І // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008028&doc_id2=1008028#activate_doc=2&xpos=30;-105.19999694824219&xpos2=524;-73.19999694824219 - (дата обращения 02.12.2025).
6. Закон РТ «Об электронном документе и электронной подписи» от 15 февраля 2023 года, №973 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.07.2025 г.).

¹ См.: Кодиров Ш.К. Проблемы определения момента заключения договора, заключаемого посредством сети Интернет / Журнал «Законодательство» / Национальный центр законодательства при Президенте

Республики Таджикистан. – Душанбе, 2019. – №1 (33). – С.49

7. Кодиров Ш.К. К вопросу об идентификации участников сделки, заключаемой в сети Интернет. Вестник Таджикского национального университета. Серия социального -экономических и общественных наук. – Душанбе: Сино, 2018. – №3. – С.218-221.
8. Кодиров Ш.К. Проблемы определения момента заключения договора, заключаемого посредством сети Интернет / Журнал «Законодательство» / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2019. – №1 (33). – С.48-52
9. «Концепция формирования электронного правительства в Республике Таджикистан» Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2011 года, № 643 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 22.08.2025 г.).
10. Насиров Х.Т. Электронные деньги и их правовая природа по законодательству Таджикистана// ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК - №1 (13) – 2023. С.49-54.
11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 N 4462-1// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/-(дата обращения 02.12.2025).
12. Румянцева В.Г. Институт нотариальной деятельности: понятие, сущность, содержание// История государства и права. 2012. №8. С. 25.
13. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с. – Режим доступа: // <https://m-lawbooks.ru/product/sdelki-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-postateynyiy-kommentariy-k-st-153-208-gk-rf-pod-red-a-g-karapetova/> (дата обращения 25.10.2025).

THE NOTARY INSTITUTE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: LEGAL STATUS, FUNCTIONS, AND ROLE IN ENSURING THE STABILITY OF CONTRACTUAL RELATIONS

Nasirov Khurshed Tolibovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Russian-Tajik (Slavonic) University, 30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan,
Tel.: (+992) 2276740, e-mail: netlawyer@list.ru

Khamroev Shukhrat Sadirovich

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Russian-Tajik (Slavonic) University, 30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan M. Tursunzade, 30,
Tel.: (+992) 225337, e-mail: shuxrat-hamro62@mail.ru

Kodirov Shodmon Kodirovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Russian-Tajik (Slavonic) University 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Tel.: (+992) 2276740, e-mail: shodmon9090@bk.ru

This article examines the legal nature of the notary profession and the legal status of notaries in the Republic of Tajikistan during the digital transformation of society, as well as the role of the notary profession in ensuring the stability of contractual relations in the context of digitalization. The authors analyze the possibility of establishing a private notary profession in Tajikistan. The article also examines the legal regulation of the digitalization of notarial practice in Tajikistan. The article notes that the key condition for the digitalization of notarial practice is the legal regulation of electronic documents and electronic signatures.

Key words: notary, notary office, notarial services, contract, legal system, legislation, rights and legitimate interests, financial liability, digital law, electronic signature.

**ИНСТИТУТИ НОТАРИАТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ШАРОИТИ ТРАНСФОРМАТСИЯИ РАҚАМӢ:
МАҚОМИ ҲУҚУҚӢ, ВАЗИФАҶО ВА НАҚШ ДАР ТАЪМИНИ УСТУВОРИИ
МУНОСИБАТҲОИ ШАРТНОМАВӢ**

Насиров Хуршед Толибович

Доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, мудири кафедраи ҳуқуқи граждани,
Донишгоҳи Русия-Тоҷикистон (Славянӣ),
кӯчаи М. Турсунзода, 30, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон,
тел.: (+992) 2276740, почтаи электронӣ: netlawyer@list.ru

Ҳамроев Шухрат Садирович

Доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, декани факултети ҳуқуқ,
Донишгоҳи Русия-Тоҷикистон (Славянӣ),
кӯчаи М. Турсунзода, 30, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон М. Турсунзода, 30,
тел.: (+992) 225337, почтаи электронӣ: shuxrat-hamro62@mail.ru

Қодиров Шодмон Қодирович

Номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи граждани
Донишгоҳи Русия-Тоҷикистон (Славянӣ)
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи... М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 2276740, почтаи электронӣ: shodmon9090@bk.ru

Мақола ба моҳияти ҳуқуқии падидаи нотариат ва мақоми ҳуқуқии нотариусҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи ташаккули табдили рақамии ҷомеа, инчунин нақши нотаириати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар таъмини устувории муносибатҳои шартномавӣ дар шароити рақамикунонӣ бахшида шудааст. Муаллифон имконияти таъсиси падидаи нотариуси хусусиро дар Тоҷикистон таҳлил мекунанд. Инчунин танзими ҳуқуқии рақамикунонии фаъолияти нотариалӣ дар Тоҷикистон баррасӣ шудаанд. Дар мақола қайд карда мешавад, ки шартҳои калидии рақамикунонии амалияи нотариалӣ ин танзими ҳуқуқии ҳуҷҷатҳои электронӣ ва имзоҳои электронӣ мебошад.

Калидвожаҳо: *нотариус, нотариат, хизматрасониҳои нотариалӣ, шартнома, низоми ҳуқуқӣ, қонунгузорӣ, ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунӣ, ҷавобгариҳои молиявӣ, ҳуқуқи рақамӣ, имзои электронӣ.*

УДК 347.78

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рахматзода Далер Талбак

кандидат юридических наук, доцент кафедры права

Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана

734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Борбада 48/5.

E-mail: rahmatov-daler92@mail.ru, Тел: (+992) 98-800-01-21

В статье исследуются актуальные проблемы защиты смежных прав в цифровом пространстве в условиях стремительного развития информационно-телекоммуникационных сетей и глобальной сети «Интернет». Анализируются особенности правового регулирования смежных прав в цифровой среде, а также основные сложности, возникающие при определении юрисдикции в трансграничных спорах. Исследована практика Суда Европейского союза по делам, связанным с нарушением прав интеллектуальной собственности. Рассмотрены вопросы ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных и смежных прав в сети «Интернет», а также проблемы соотношения принципа ограниченной ответственности цифровых платформ и необходимости эффективной защиты правообладателей. Сделан вывод о том, что существует необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, с учётом трансформации цифровой среды.

Ключевые слова: смежные права, цифровое пространство, интеллектуальная собственность, правонарушение, правовая защита, трансграничные споры, информационный посредник.

Стремительное развитие цифровых технологий и глобальной сети «Интернет» привело к качественной трансформации общественных отношений в сфере интеллектуальной деятельности. Современное цифровое пространство стало не только важнейшей платформой для распространения объектов авторского и смежного права, но и средой, в которой значительно возросли риски незаконного использования результатов творческой деятельности. Простота копирования, распространения и

модификации цифрового контента (информационных данных) существенно осложнила обеспечение эффективной правовой защиты смежных прав, особенно прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного вещания.

Актуальность исследования обозначенной проблематики обусловлена тем, что существующие механизмы защиты смежных прав во многом формировались в условиях традиционного информационного обмена и не всегда соответствует современным цифровым реалиям. В условиях трансграничного характера сети «Интернет» нарушения смежных прав приобретают международный масштаб, а процедуры выявления нарушителей и привлечения их к ответственности становится значительно сложнее. Дополнительные трудности создают анонимность пользователей, развитие стриминговых платформ, социальных сетей и технологий искусственного интеллекта, способных воспроизводить и перерабатывать объекты

интеллектуальной собственности практически без участия человека.

Следует подчеркнуть, что проблема защиты смежных прав в цифровом пространстве не носит исключительно теоретический характер, а наоборот опирается на устоявшуюся практику, где характерные правонарушения наносят существенный материальный вред. К примеру, как указывают исследователи вопроса: «С каждым годом значение интеллектуальных, в том числе авторских и смежных, прав увеличивается. Так, объем рынка авторского и смежного права в США настолько велик, что превосходит некоторые традиционные отрасли экономики». Несомненно, указанная тенденция свидетельствует о том, что институт смежных прав в современных условиях приобретает не только юридическое, но и значительное экономическое содержание. Развитие цифровой экономики, онлайн сервисов и социальных сетей фактически превратила объекты смежных прав в самостоятельный элемент глобального

рынка. В этой связи любые нарушения в данной сфере неизбежно затрагивают интересы не только отдельных правообладателей, но и целых отраслей экономики, связанных с индустрией музыки, кино и цифрового вещания.

Ключевая проблема заключается в несоответствии между скоростью технологического развития и динамикой совершенствования правового регулирования. Цифровое пространство развивается значительно быстрее, чем национальные и международно-правовые механизмы адаптируются к новым формам распространения контента. В результате правообладатели нередко оказываются в ситуации, когда формально соответствующие способы защиты смежных прав фактически теряют свою эффективность. Особенно ярко это проявляется в вопросах незаконного копирования и распространения фонограмм, использования произведений на цифровых платформах без соответствующего разрешения, а также в деятельности интернет-ресурсов, функционирующих вне юрисдикции государств правообладателя.

Также следует учитывать, что современная цифровая среда изменила сам характер правонарушений в сфере смежных прав. Если ранее незаконное использование объектов интеллектуальной собственности требовала значительных технических и финансовых ресурсов, то сегодня нелегальное распространения цифрового материала (цифровое пиратство) осуществляется практически мгновенно и зачастую анонимно, что существенно осложняет процесс выявления нарушителей, определения юрисдикции и реализации механизмов привлечения к ответственности.

Тем не менее, вышеуказанные правонарушения не носят исчер-

пывающий характер, так как специфика самой сети «Интернет» предоставляет довольно широкий простор действий для потенциальных правонарушителей. В качестве таковых можно назвать проблему обеспечения действенных механизмов защиты товарных знаков в цифровом пространстве.

Как справедливо отмечает Л.А. Новосёлова: «Другая проблема, связанная с интернетом и интеллектуальной собственностью, – использование в Сети товарных знаков – возникла потому, что права на товарные знаки имеют территориальный характер, то есть они охраняются только на территории той страны, где товарный знак зарегистрирован или используется. Но Интернет – это глобальная сеть. Соответственно, возникают проблемы при урегулировании споров между лицами или компаниями, правомерно владеющими тождественными или сходными до смешения товарными знаками, зарегистрированными в отношении идентичных или однородных товаров или услуг в различных странах. Законодательство в этой области пока еще разрабатывается, и разные страны применяют различные подходы к решению этого вопроса».

Подобная позиция представляется особенно актуальной в условиях современной цифровой глобализации, поскольку именно сеть «Интернет» наиболее ярко выявила противоречие между территориальным характером правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и трансграничной природой цифрового пространства. Действительно, товарный знак традиционно охраняется в пределах конкретной национальной юрисдикции, тогда как интернет-платформы, доменные имена, интернет-магазины (маркетплейсы) и социальные сети фактически функционируют вне строгих государственных границ.

В результате возникает ситуация, при которой использование идентичных либо сходных обозначений различными субъектами в разных странах способно порождать сложные коллизии прав и законных интересов. Довольно яркой иллюстрацией в данном случае могут выступать такие интернет-магазины из КНР как AliExpress, Taobao и др. где в открытой продаже размещены товары, фактически копирующие или имитирующие известные товарные знаки.

Особую сложность представляет определение применимого права и соответствующей юрисдикции при разрешении подобных споров. В цифровом пространстве правонарушение может одновременно затрагивать интересы нескольких государств, а сама деятельность интернет-ресурса может осуществляться через сервера, расположенные в различных странах, что, в свою очередь, приводит к существенным затруднениям в вопросах судебной защиты прав правообладателей и исполнения вынесенных решений. Более того, различия в национальных законодательствах и отсутствие унифицированного международного механизма регулирования в данной сфере нередко создают условия для злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции.

Дальнейшее развитие цифровой экономики объективно требует усиления международного-правовой координации в сфере охраны интеллектуальной собственности. В противном случае существующий территориальный принцип защиты товарных знаков будет всё чаще вступать в противоречие с глобальным характером интернет-отношений. Очевидно, что в подобной парадигме правоотношений закономерно назревает вопрос разработки единых международных подходов к регулированию использования товарных знаков

в сети «Интернет», совершенствования механизмов разрешения трансграничных споров, а также формирования более эффективных способов взаимодействия между государствами и цифровыми платформами в целях защиты правообладателей.

В контексте анализа указанных правоотношений будет уместным указать, что в настоящее время не менее значимой проблемой является определение соответствующей юрисдикции, в случае нарушения смежных прав в цифровой среде. Довольно показательным в данном случае является практика Суда Европейского союза по делу Nintendo, корпорации выпускающей видеоигры и игровые консоли, которая подала иск против BigBen Interactive GmbH за нарушение прав интеллектуальности собственности. Помимо прочего, учитывая специфику деятельности указанных корпораций и их товаров, перед судом встал вопрос юрисдикционного аспекта. А.И. Тиунова, анализируя особенности данного судебного решения, пишет: «...Суд ответил на вопрос, каким образом следует определять место, где было совершено нарушение, когда нарушитель предлагает к продаже товары, нарушающие права на промышленный дизайн, на веб-сайте, который также ориентирован на иные государства-члены ЕС (отличные от того, где проживает лицо, чье право нарушено). Суд подчеркнул, что под «страной, в которой было совершено нарушение» должна пониматься страна, в которой произошло событие, повлекшее за собой причинение вреда. Если ответчик обвиняется в совершении нарушений в разных государствах-членах ЕС, то правильным будет провести общую оценку поведения ответчика, чтобы определить место, где был совершен первоначальный акт нарушения (имелась угроза его совер-

шения), а не рассматривать каждое предполагаемое нарушение в отдельности. Таким образом, место совершения первоначального акта нарушения будет являться определяющим фактором в определении применимого права.».

Следует указать что проблема определения юрисдикции в случае нарушения смежных прав в цифровой среде действительно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в современном праве интеллектуальной собственности, так как она обусловлена тем фактом, что цифровое пространство радикально трансформировало классическое понимание территориальности правонарушения. Если в традиционных материальных отношениях место совершения деликта, как правило, было относительно легко определяемо, то в интернете действие нарушителя одновременно приобретают множественный, распределённый и трансграничный характер.

На наш взгляд, Суд ЕС фактически предложил функциональный подход к определению места совершения нарушения, указав, что под «страной, в которой было совершено нарушение», следует понимать не формально множество государств распространения товара, а то государство, в котором произошло ключевое событие, породившее вредоносные последствия. При этом суд отверг фрагментарную оценку каждого отдельного эпизода распространения, предложив вместо этого анализ «первоначального акта нарушения».

Подобный подход представляется теоретически обоснованным и практически оправданным, поскольку он позволяет преодолеть одну из главных проблем цифровых правонарушений - их дробление на множество формально самостоятельных актов, совершаемых одновременно в разных юрисдикциях. Если рас-

сматривать каждую онлайн-продажу или каждое предложение товара как отдельное нарушение, это неизбежно привело бы к процессуальной фрагментации спора, росту судебных издержек и риску вынесения противоречивых решений в различных государствах. В свою очередь, идея «первоначального акта нарушения» обеспечивает концентрацию спора в одной юрисдикции и способствует правовой определённости.

Тем не менее данная модель не решена и определённых проблем. В условиях цифровой экономики «первоначальный акт нарушения» может быть размытым и распределённым во времени и пространстве, особенно если нарушение осуществляется через автоматизированные платформы, сервера и посредников. Помимо этого, ориентир исключительно на место первичного действия может не в полной мере учитывать реальный центр причинённого вреда, который нередко проявляется в государстве потребления или фактического использования контрафактного продукта, что, в свою очередь, создаёт потенциальную коллизию между принципом территориальности и принципом эффективности защиты прав. По большому счёту анализируемая судебная практика демонстрирует попытку формирования гибкого подхода к определению юрисдикции в цифровой среде, основанного на сочетании территориального и функционального критериев. Вместе с тем дальнейшее развитие правового регулирования в данной области требует более чёткого баланса между предсказуемостью юрисдикции и реальной эффективностью защиты смежных прав в трансграничных цифровых правоотношениях.

Касательно особенностей правового регулирования указанного спектра правоотношений в Республике Таджикистан можно

выделить достаточно своевременный шаг по устранению нормативного пробела отечественным законодателем, путём закрепления новой категории – «информационный посредник». Статья 1251 ГК РТ содержит следующую норму: «Лицо, передающее материал в информационно-телекоммуникационную сеть, в том числе в сети интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети является информационным посредником и несет ответственность за нарушение прав на интеллектуальную собственность в информационно-телекоммуникационной сети на общих основаниях...». Однако, п.2 этой же статьи указывает, что он не несет ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность при одновременном соблюдении следующих условий: 1) он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала; 2) он не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала; 3) он не знал и не должен был знать о

том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Введение института информационного посредника обусловлено спецификой интернет-отношений, в рамках которых значительная часть распространения контента осуществляется не непосредственно нарушителем, а через цифровые платформы, провайдеров, и иные технические структуры, обеспечивающие передачу информации. В данном случае законодатель исходит из принципа ограниченной ответственности информационного посредника. Сам по себе факт технического участия в передаче либо размещении информации не рассматривается как безусловное основание для привлечения к ответственности за нарушение смежных прав. Мы считаем, что подобная правовая конструкция логична по своей сути, так как в противном случае на информационных посредников фактически возлагалась бы обязанность тотального контроля на всеми цифровыми данными, циркулирующими в сети «Интернет», что в современных

условиях представляется технически и организационно затруднительным.

Следует указать, что в научной среде на сегодняшний день также существуют и достаточно скептические мнения относительно указанной категории. Н.Б. Ельчанинова, анализируя термин «информационный посредник», пишет: «Размытая трактовка рассматриваемого термина позволяет осуществлять судебное преследование довольно широкого круга лиц, в том числе поставщиков услуг и создателей поисковых сайтов».

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства о защите прав интеллектуальной собственности должно учитывать изменившуюся природу самих цифровых платформ. Формальный подход, основанный исключительно на отсутствии прямой инициативы со стороны посредника, постепенно утрачивает свою эффективность, поскольку современные сетевые сервисы способны косвенно стимулировать распространение данных, включая материалы, нарушающие смежные права. Поэтому одной из ключевых задач правового регулирования становится выработка более гибких критериев определения степени вовлеченности информационного посредника в противоправное использование объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г., №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali.huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=471 (дата обращения 23.04.2026).
2. Бондаренко М.С. Сущность и защита интеллектуальных и смежных прав в глобальной сети «Интернет» // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – №12. С. – 146-149.
3. Ельчанинова Н.Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. – 2016. № 12. – С. 118-120.
4. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / ответственный редактор Л. А. Новоселова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 353 с.
5. Тиунова А.И. Нарушение исключительных прав в сети интернет: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права // Цифровое право. – 2022. – №2. – 8-24.

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF RELATED RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE

Rahmatzoda Daler Talbak

candidate of law, associate professor of the department of law
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad Ave. 48/5.
E-mail: rahmatov-daler92@mail.ru, Tel: (+992) 98-800-01-21

This article examines current issues related to protecting related rights in the digital space amid the rapid development of information and telecommunications networks and the global internet. It analyzes the legal regulation of related rights in the digital environment, as well as the main challenges arising in determining jurisdiction in cross-border disputes. The practice of the Court of Justice of the European Union in cases involving intellectual property infringement is examined. The article examines the liability of information intermediaries for infringement of intellectual property and related rights online, as well as the relationship between the principle of limited liability for digital platforms and the need for effective protection of copyright holders. It concludes that further improvements to legislation are needed, taking into account the transformation of the digital environment.

Keywords: *Related rights, digital space, intellectual property, infringement, legal protection, cross-border disputes, information intermediary*

МУШКИЛОТИ ҲИФЗИ ҲУҚУҚИИ ҲУҚУҚҶОИ ВОБАСТА ДАР ФАЗОИ РАҚАМӢ

Раҳматзода Далер Талбак

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқ
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Борбад, 48/5.
Почтаи электронӣ: rahmatov-daler92@mail.ru
Тел: (+992) 98-800-01-21

Дар мақола масъалаҳои мубрами марбут ба ҳифзи ҳуқуқҳои вобаста ба фазои рақамӣ дар шароити рушди босуръати шабакаҳои иттилоотӣ телекоммуникатсионӣ ва интернетӣ ҷаҳонӣ баррасӣ карда мешаванд. Танзими ҳуқуқи ҳуқуқҳои вобаста дар муҳити рақамӣ, инчунин мушкилоти асосие, ки ҳангоми муайян кардани салоҳият дар баҳсҳои байнисарҳадӣ ба миён меоянд, таҳлил мешаванд. Таҷрибаи Суди Иттиҳоди Аврупо дар парвандаҳои марбут ба вайронкунии моликияти зеҳнӣ баррасӣ карда мешавад. Дар мақола масъулияти миёнаравҳои иттилоотӣ барои вайрон кардани моликияти зеҳнӣ ва ҳуқуқҳои вобаста ба он, инчунин муносибати байни принсипи масъулияти маҳдуд барои платформаҳои рақамӣ ва зарурати ҳифзи муассири соҳибони ҳуқуқи муаллиф баррасӣ мешавад. Хулоса шудааст, ки бо назардошти табдили муҳити рақамӣ такмили минбаъдаи қонунгузорӣ зарур аст.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқҳои вобаста ба ҳуқуқи муаллиф, фазои рақамӣ, моликияти зеҳнӣ, ҳуқуқвайронкунӣ, ҳифзи ҳуқуқӣ, баҳси фаромарзӣ, миёнарави иттилоотӣ.*

УДК 347

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕПОИМЕНОВАННЫХ И СМЕШАННЫХ ДОГОВОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Рахмонзода Фарзона Юнусджон

Аспирант 1-го года обучения кафедры гражданского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде.30
Тел: +993 00 70 70 215, e-mail:rahmonzoda.farzona2002@gmail.com

Статья посвящена проблеме разграничения непоименованных и смешанных договоров в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан. Отсутствие законодательно закреплённых критериев квалификации указанных договорных конструкций порождает ошибки в правоприменительной практике и нарушает баланс интересов участников гражданского оборота. Автором анализируются доктринальные подходы к определению сущности непоименованного и смешанного договоров, а также судебная практика Верховного Суда РФ. На основе проведённого исследования предлагаются четыре критерия разграничения: наличие легального образца, структурная целостность, целевая направленность (кауза) и применимое право. Обосновывается функциональный (телеологический) подход, согласно которому квалификация договора зависит от роли непоименованных условий в структуре обязательства.

Ключевые слова: *непоименованный договор, смешанный договор, свобода договора, критерии разграничения, функциональный подход, аналогия закона, судебная практика, Гражданский кодекс РФ, Гражданский кодекс РТ.*

Современное гражданское законодательство, закрепляя в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации и в статье 483 Гражданского кодекса Республики Таджикистан принцип свободы договора, предоставляет участникам имущественного оборота широкие возможности по формированию договорных конструкций. В частности, в рамках данного принципа выделяются две близкие, но не тождественные договорные модели: смешанные договоры (п. 3 ст. 421 ГК

РФ), соединяющие в себе элементы различных поименованных в законе типов, и непоименованные договоры (п. 2 ст. 421 ГК РФ), не содержащие таких элементов и представляющие собой самостоятельные договорные конструкции, не определенные законодательными нормами. Несмотря на формальную схожесть, эти конструкции порождают принципиально различные правовые последствия, что предполагает необходимость их чёткого разграничения.

Практическая и теоретическая значимость рассматриваемой проблемы раскрывается через несколько ключевых аспектов. Прежде всего, отсутствуют законодательно закреплённые критерии, позволяющие однозначно отнести тот или иной договор к смешанному либо непоименованному. Действующий Гражданский кодекс лишь обозначает сам факт существования таких договоров, но не предлагает алгоритмов их квалификации. В связи с этим на практике возникает множество спорных ситуаций, когда стороны или

суды по-разному оценивают правовую природу одного и того же договора.

Стабильность правового регулирования и снижение судебных рисков для сторон напрямую зависят от выработки единых подходов к квалификации подобных договоров. Отсутствие единства мнений в доктрине создаёт дополнительные сложности для правоприменителя. Особого внимания заслуживает практическая значимость правильной квалификации договоров. От того, признан ли договор смешанным или непоименованным, зависит выбор применимых норм: в первом случае к соответствующим частям договора подлежат применению правила о поименованных договорах (п. 3 ст. 421 ГК РФ), во втором – регулирование строится на основе общих положений об обязательствах и аналогии закона (ст. 6 ГК РФ). Ошибка в квалификации может привести к применению норм, не соответствующих действительной воле сторон, либо к признанию договора незаключённым или недействительным. Также как показывает судебная

практика, неверное отнесение договора к той или иной категории нередко влечет отмену судебных актов и нарушает баланс интересов участников спора.

В связи с этим систематизация существующих критериев и выработки единого подхода к квалификации указанных договоров определяет несомненную актуальность этой темы, а ее разрешение имеет значение как для развития цивилистической доктрины, так и для обеспечения стабильности имущественного оборота.

Вопросы определения правовой сущности смешанных и непоименованных договоров, а также их разграничения традиционно относятся к числу дискуссионных в цивилистике. В юридической доктрине учёные нередко отождествляют смешанные договоры с непоименованными, что значительно затрудняет не только теоретическое осмысление данных договорных конструкций, но и их квалификацию в правоприменительной деятельности. Как уместно отмечает В.В. Виноградов, «важность правильной квалификации договора в качестве непоименованного, смешанного или типового заключается в том, какие нормы законодательства впоследствии будут применяться к такому соглашению»¹. Следствием такого смешения становится необоснованное применение к непоименованным договорам специальных правил, установленных в ГК РФ для поименованных договоров, либо, напротив, распространение на смешанные договоры

общих положений обязательственного права и аналогии закона. В конечном счёте это ведёт к снижению уровня судебной защиты и нарушению прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Прежде чем перейти к определению критериев разграничения и квалификации, исследуемых договоров, необходимо выяснить сущность данных явлений и основные отличительные черты. Согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ и п. 2 с. 483 ГК РТ, стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, не противоречащий общим началам и смыслу гражданского законодательства. Указанный пункт также содержит порядок применения норм гражданского законодательства к непоименованным договорам, который включает следующее: «К договору, не предусмотренному законодательством, при отсутствии признаков, указанных в части 3 настоящей статьи, не применяются правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законодательством. Это обстоятельство не исключает возможности применения правил об аналогии закона к отдельным отношениям сторон по договору»². В пункте третьем настоящей статьи раскрывается содержание смешанного договора, который содержит элементы различных договоров, предусмотренных законодательством.

Анализ вышеуказанной статьи позволяет сделать вывод о

том, что непоименованные договоры в отличие от смешанного договора не содержат элементы поименованных договорных типов (подряд, купля-продажа, аренды, дарения и т.д.) и регулируются посредством общих положений об обязательствах (гл. 21–26 ГК РФ и гл. 26–31 ГК РТ³) и аналогии закона (ст. 6 ГК РФ и ГК РТ).

Однако предусмотренные статьи гражданского кодекса Российской Федерации и Республики Таджикистан определяют лишь формальные критерии существования непоименованного договора, что недостаточно для определения его сущности и правовой природы. В науке гражданского права представлены различные подходы к определению сущности непоименованного договора. Например, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский в своих научных работах акцентируют внимание на принципе свободы договора как на основополагающей предпосылке для возникновения непоименованных конструкций и утверждают, что «...проявления свободы договора в совокупности необходимы участникам оборота для того, чтобы реализовать свою имущественную самостоятельность и экономическую независимость, конкурировать на равных с другими участниками рынка товаров, работ и услуг»⁴. Е.А. Суханов, в свою очередь, подчеркивает, что непоименованные договоры неизвестны действующему законодательству, но соответствуют общим нача-

¹ Виноградов В. В. Непоименованные и смешанные договоры: особенности квалификации и выявления применимых норм // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 2. С. 241

² Пункт 2 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Консультант-Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.04.2026).

³ Гражданский кодекс Республики Таджикистан Принят Постановлением МН МОРТ от 23 ноября 2022 года, №915 (ред. от 16.12.2022) // Sud.tj. URL: <https://sud.tj/upload/iblock/cff/4406e822qsl35o8y00312qz5hx1p4yj0.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. М.: «Статус», 1999. С.120

лам и смыслу гражданского законодательства¹. По мнению А.Г. Карапетова «договор считается непоименованным, если в отношении него не предусмотрено в законодательстве никакого позитивного регулирования, хотя бы он упоминался в каком-либо законе или ином нормативном правовом акте»².

Обобщая вышеизложенные научные подходы, можно сделать вывод о том, что непоименованные договоры являются непосредственным следствием реализации принципа свободы договора, закрепленного в ст. 421 ГК РФ и ст. 483 ГК РТ, что предоставляет участникам гражданского оборота возможность беспрепятственно осуществлять свои права, но при этом не выходить за пределы законодательно установленных ограничений. Основные признаки непоименованного договора заключаются в следующем: во-первых, непоименованные договоры, не определяются гражданским законодательством, но должны соответствовать общим началам и смыслу гражданского законодательства. Данный признак свидетельствует об отсутствии в гражданском законодательстве правовых норм, определяющих понятие, предмет, права и обязанности сторон и существенные условия непоименованного договора.

Также важно отметить, что одно лишь упоминание договора в гражданском кодексе не является достаточным основанием для признания его поименованным. Например, ст. 247 ГК РФ

закрепляет возможность заключения «соглашения о владении и пользовании имуществом»³, находящимся в долевой собственности, но не устанавливает правовые нормы, определяющие содержания данную договорную конструкцию, что в последствие не позволяет отнести ее к числу поименованных договоров. Вторым признаком непоименованного договора выступает его целевая направленность. Цель непоименованного договора всегда уникальна и не совпадают с целями (кауза) поименованных договоров, установленных ГК РФ и ГК РТ. Так, например соглашение о неразглашении (Non-disclosure agreement, NDA) или соглашение о конфиденциальности является непоименованным договором и регулирует порядок обращения с конфиденциальной информацией. Данный договор, как правило, заключается при ведении предпринимательской деятельности и имеет уникальную цель, отличную от целей, предусмотренных законом для поименованных договоров. И наконец, третьим признаком является порядок правового регулирования непоименованного договора. В силу п. 2 ст. 421 ГК РФ и п. 2 ст. 483 ГК РТ к непоименованным договорам, применяется правила об аналогии закона и исключается возможность применения норм об отдельных видах договоров, предусмотренных законом. Как уместно отмечает В.А. Микрюков, «отрицая допустимость непосредственного применения к таким договорам правил об отдельных видах

поименованных договоров, законодатель вместе с тем указал на соответствующую косвенную возможность, опосредованную аналогией закона»⁴.

В отличие от непоименованного договора согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ, смешанный договор представляет собой соглашение, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами. Также к отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. Однако статья 421 ГК РФ создаёт лишь общую основу правового регулирования смешанного договора и при этом не устанавливает возможность включения непоименованных договоров в состав смешанных. В связи с этим в юридической доктрине существуют различные подходы к определению критериев разграничения смешанного договора и его квалификации.

Например, с точки зрения А.И. Савельева, в рамках смешанного договора объединяются обязательства, имеющие ключевое значение для нескольких различных поименованных договоров⁵. А также Е.С. Злыгостев в рамках своей научной работы утверждает, что «в целях квалификации договора как смешанного необходимо наличие определенных обстоятельств, которые бы позволили выявить в

¹ Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / [В. В. Витрянский и др.]. отв. ред. Е. А. Суханов // Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. гражданского права. - Москва: Статут. - 2010. - С. 25

² Карапетов А.Г., Савальев А.И. Свобода договора и ее пределы. - М.: Статус, 2012. - С. 116

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) //

КонсультантПлюс:[сайт].- URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.04.2026).

⁴ Микрюков В. А. Свобода договора и аналогия закона // Вестник арбитражной практики. 2015. № 1. С. 3.

⁵ Савельев А. И. Отдельные вопросы правового регулирования смешанных договоров в российском и зарубежном гражданском праве / А. И. Савельев // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. - 2011. - № 8. - С. 6-39.

одном из элементов такого договора квалифицирующие признаки другого договора»¹. В то время как, по мнению А.А. Диденко, смешанный договор может включать в себя элементы как поименованных, так и непоименованных обязательств, поскольку гражданское законодательство непосредственно предоставляет субъектам гражданского оборота возможность заключения непоименованного договора².

Таким образом, в науке гражданского права сформировалась научная дискуссия: допустимо ли включать в смешанный договор непоименованные составляющие?

Одним из способов разрешения вышеуказанного спора выступает функциональный (телеологический) подход, который в современной цивилистической доктрине получает всё более широкое признание. Он ориентируется не на формальный перечень элементов, а на целевую направленность договора в целом. Сторонники этого подхода предлагают различные критерии, позволяющие отграничить смешанный договор от иных договорных конструкций. Так, Т.В. Дерюгина исходит из того, что в смешанном договоре интерес сторон и все обязательства должны быть направлены на единый объект; если же договор имеет многообъектную, многопредметную структуру, он квалифицируется как комплексный, а не смешанный³. А. Полетаева, также разделяя функциональный подход, акцентирует внимание

на выявлении «обязательств, имеющих решающее значение для разных договоров, хотя бы один из которых является поименованным»⁴. В обоих случаях определяющим становится не простой набор условий, а их роль в достижении единого экономического результата.

Также в правоприменительной практике смешанные договоры квалифицируются с использованием функционального подхода. Так, согласно Определению Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС24-24318 по делу № А40-206328/2023⁵ суд отметил, что заключённый сторонами договор «инвестиционного займа» включал не только признаки займа, но и условие о начислении процентов в размере 20% от чистой прибыли заёмщика, что свидетельствовало о распределении предпринимательского риска. Верховный Суд акцентировал внимание на том, что квалификация договора должна основываться на его экономической сути, а не на формальном названии, подчеркнув, что при наличии признаков различных видов договоров необходимо определять, какой из них оказывает решающее влияние на содержание обязательства. В рассматриваемом случае непоименованное условие, а именно привязка дохода кредитора к успешности ведения бизнеса заёмщика, имеет ключевое значение для квалификации сделки. Именно оно определяет суть соглашения и исключает возможность его квалификации в качестве про-

стого займа. По итогам рассмотрения дела Верховный Суд обратил внимание на то, что договор имеет признаки как договора займа, так и простого товарищества и должен рассматриваться на основании п. 3 ст. 421 ГК РФ, поскольку предприниматель не просто предоставил средства на условиях возвратности, но вложил их в деятельность общества и разделил с обществом предпринимательский риск.

Изложенный правовой подход, применённый Верховным Судом, подтверждает необходимость разграничения договорных конструкций не по формальным признакам, а по функциональной значимости содержащихся в них условий.

Согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ и п. 3 ст. 483 ГК РФ договор считается смешанным при условии, что все его составляющие элементы предусмотрены законом и иными правовыми актами. По буквальному истолкованию вышеуказанной нормы законодательства, смешанным считается договор, который состоит из нескольких поименованных договоров, установленных законодательством. Соответственно, законодатель исключает возможность включения непоименованного договора в состав смешанных. Однако на практике нередко встречаются случаи, когда в смешанный договор включаются непоименованные условия. В связи с этим в частности в под-

¹ Злыгостев, Е. С. Непоименованный и смешанный договоры в системе гражданского права Российской Федерации / Е. С. Злыгостев // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 170

² Диденко А. А. Конструкция непоименованного договора в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90(06). С. 2-3

³ Дерюгина Т. В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета.

Юридические науки. 2023. Вып. 3(61). С. 475. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-467-478.

⁴ Полетаева А. Смешанный договор // Практическая бухгалтерия. 2015. № 2. февраль 2025 г. <https://base.garant.ru/57485368/>

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС24-24318 по делу № А40-206328/2023. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

тверждение позиции А.А. Диденко¹ о возможности включение непоименованного договора в состав смешанных вследствие реализации принципа свободы договора и с учётом функционального (телеологического) подхода предложенного А. Полетаевой², представляется обоснованным при разграничении смешанного и непоименованного договоров ориентироваться не на формальное наличие или отсутствие непоименованных элементов, а на то, какую роль играют непоименованные элементы. Если непоименованное условие является второстепенным и не меняет сути обязательства, договор предлагается квалифицировать как смешанный, а к непоименованной части можно применять правила аналогии закона. Если же непоименованная часть определяет всё содержание соглашения, делая его уникальным и не похожим ни на один из известных закону договоров, то такую конструкцию следует квалифицировать как непоименованный договор.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в цивилистической доктрине отсутствует единый подход к определению критериев разграничения непоименованных и смешанных договоров. Нормы, закрепленные в пунктах 2 и 3 ст. 421 ГК РФ устанавливают лишь формальные пределы существования указанных договорных конструкций, не раскрывая критериев их разграничения. Исходя из вышеизложенной судебной практики и представленных доктринальных подходов, можно определить

следующие критерии отграничения непоименованных и смешанных договоров:

Во-первых, непоименованный договор не предусмотрен законом и иным нормативным правовым актом, тогда как смешанный договор формируется из установленных и закрепленных законодательством договорных конструкций. Как уместно отмечает Е.А. Суханов, смешанные и непоименованные договоры имеют принципиальные отличия. Смешанные договоры формируются из уже известных законодательству видов договоров, и к их отдельным частям применяются конкретные правила, установленные для этих поименованных договоров. Это полностью исключает их сходство с непоименованными договорами, которые, в свою очередь, не имеют прямого законодательного регулирования, но при этом должны соответствовать его смыслу и требованиям³.

Во-вторых, непоименованный договор невозможно разложить на самостоятельные составляющие части, так как он содержит единое неделимое обязательство. Примером может быть договор аутсорсинга, который представляет собой единое обязательство по передаче определенных функций (ИТ – обслуживание, бухгалтерские услуги) другой компании. В данном случае обязательство невозможно разделить и результат достигается через комплексное взаимодействие сторон. В то время как смешанный договор состоит из нескольких предусмотренных законодательством договорных моделей и его можно разделить на самостоя-

тельные части. Например, обязательство по договору поставки компьютеров и установке на них программное обеспечение сочетает в себя три самостоятельных обязательств по договору купли продажи (поставка компьютеров), подряд (установка программного обеспечение) и перевозка или возмездного оказания услуг (доставка).

В-третьих, непоименованный договор отграничивается от смешанного договора по целевой направленности. Непоименованный договор всегда имеет уникальный цель, не совпадающую с целями поименованных договоров. Смешанный договор сочетает в себе элементы различных предусмотренных законодательством договоров и в связи с этим преследует множество целей, входящих в него поименованных договоров.

В-четвёртых, к непоименованному договору применяется общие положения об обязательствах, а при отсутствии прямых норм – аналогия закона. В отличие от непоименованных договоров, к смешанному договору применяются правила о поименованных договорах, составляющих его содержание.

Вследствие изучения нормы гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, анализа юридической доктрины и выявленных критериев разграничения можно сделать вывод о том, что непоименованные и смешанные договоры являются самостоятельными договорными конструкциями, на которые распространяется различные законодательные нормы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

¹ Диденко А. А. Конструкция непоименованного договора в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90(06). С. 2-3

² Полетаева А. Смешанный договор // Практическая бухгалтерия. 2015. № 2. февраль 2025 г. <https://base.garant.ru/57485368/>

³ Суханов Е.А. указ. стр. 25

2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть первая: [принят Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 23 нояб. 2022г.]
3. Виноградов В. В. Непоименованные и смешанные договоры: квалификации и выявления применимых норм // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 2. С. 236–252.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 1999. 848 с.
5. Карапетов А.Г., Савальев А.И. Свобода договора и ее пределы. – М.: Статус, 2012. – 453 с.
6. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / [В. В. Витрянский и др.]. отв. ред. Е. А. Суханов // Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. гражданского права. – Москва: Статут. – 2010. – 897 с.
7. Злыгостев, Е.С. Непоименованный и смешанный договоры в системе гражданского права Российской Федерации / Е.С. Злыгостев // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 168–175.
8. Диденко А. А. Конструкция непоименованного договора в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90(06). С. 18
9. Дерюгина Т. В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3(61). С. 467–478. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-467-478.
10. Полетаева А. Смешанный договор // Практическая бухгалтерия. 2015. № 2. февраль 2025 г. <https://base.garant.ru/57485368/>
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС24-24318 по делу № А40-206328/2023. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
12. Микрюков В. А. Свобода договора и аналогия закона // Вестник арбитражной практики. 2015. № 1. С. 3

CRITERIA FOR DISTINGUISHING UNNAMED AND MIXED CONTRACTS IN CIVIL LAW

Rahmonzoda Farzona Yunusjon

1st year PhD student, Department of Civil Law
Russian-Tajik (Slavonic) University

30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel: +993 00 70 70 215, e-mail: rahmonzoda.farzona2002@gmail.com

The article is devoted to the problem of distinguishing between unnamed and mixed contracts in the civil law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The absence of legally established criteria for the qualification of these contractual structures leads to errors in law enforcement practice and violates the balance of interests of participants in civil transactions. The author analyzes doctrinal approaches to the essence of unnamed and mixed contracts, as well as the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the conducted research, four criteria for distinguishing are proposed: the presence of a legal model, structural integrity, target orientation (*causa*), and applicable law. The functional (teleological) approach is substantiated, according to which the qualification of a contract depends on the role of unnamed conditions in the structure of the obligation.

Keywords: *unnamed contract, mixed contract, freedom of contract, criteria of distinction, functional approach, analogy of law, judicial practice, Civil Code of the Russian Federation, Civil Code of the Republic of Tajikistan.*

МЕЪЁРҲОИ ФАРҚКУНИИ ШАРТНОМАҲОИ НОМГУЗОРИНАШУДА ВА ОМЕХТА ДАР ҲУҚУҚИ ГРАЖДАНӢ

Раҳмонзода Фарзона Юнусджон

Аспиранти соли аввали кафедраи ҳуқуқи граждании
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон 734025,
Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кучаи М. Турсунзода, 30
Тел: +993 00 70 70 215, e-mail: rahmonzoda.farzona2002@gmail.com

Мақола ба проблемаи фарқкунии шартномаҳои номгузориашуда ва омехта дар ҳуқуқи граждании Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст. Набудани меъёрҳои қонунан муқарраргардида барои квалификацияи ин сохторҳои шартномавӣ боиси хатоҳо дар фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ ва вайрон кардани тавозуни манфиатҳои иштирокчиёни гардиши гражданий мегардад. Муаллиф равияҳои доктриналии муайянкунии моҳияти шартномаҳои номгузориашуда ва омехта,

инчунин амалияи судии Суди Олии Федератсияи Россияро таҳлил менамояд. Дар асоси таҳқиқоти гузаронидашуда ҷаҳор меъёри фарқкунӣ пешниҳод карда мешавад: мавҷудияти намунаи қонунӣ, тамомияти сохторӣ, самти мақсаднок (кауза) ва ҳуқуқи татбиқшаванда. Равияи функционалӣ (телеологӣ) асоснок карда мешавад, ки мувофиқи он квалификатсияи шартнома аз нақши шартҳои номгузоринашуда дар сохтори уҳдадорӣ вобаста аст.

Калидвожаҳо: *шартномаи номгузоринашуда, шартномаи омехта, озодии шартнома, меъёрҳои фарқкунӣ, равияи функционалӣ, қиёси қонун, амалияи судӣ, Кодекси гражданин Федератсияи Россия, Кодекси гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон.*

УДК 347.44:620.9

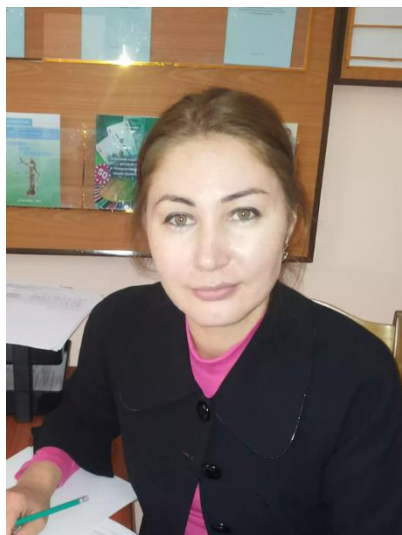
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ И ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Султонова Тахмина Истамовна

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского права
Российско-Таджикский (славянский) университет.
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992 37) 223 04 60, e-mail:t.sultonova77@gmail.com

В статье рассматриваются правовые основы договорных отношений в сфере энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Республике Таджикистан. Анализируются положения Гражданского кодекса Республики Таджикистан, закрепляющие традиционную модель договора энергоснабжения), а также специальные законы – «Об энергосбережении и энергоэффективности» и «Об использовании возобновляемых источников энергии». Делается вывод, что договорное регулирование отношений в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Республике Таджикистан основывается на классических видах и типах гражданско-правовых договоров. Особое внимание уделяется энергосервисному договору (ESCO-модели), который не имеет легального закрепления в законодательстве Таджикистана. Высказывается мнение, что отсутствие в действующем законодательстве Республики Таджикистан нормативного закрепления энергосервисного договора свидетельствует о наличии проблемы в правовом регулировании данной сферы отношений.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, энергосбережение, энергоэффективность, энергосервисный договор, ESCO-модель, Гражданский кодекс Республики Таджикистан, правовое регулирование.

Создавая единую систему нормативных правовых актов в области возобновляемой энергетики, государство подчиняет установленному правопорядку

деятельность всех лиц, охваченных процессом её производства и потребления (государственных органов, хозяйствующих субъектов, занятых производством, передачей и распределением энергии, потребителей энергии). В этом отношении грамотное правовое регулирование энергетических отношений – важное условие дальнейшего динамичного и устойчивого развития. Без проведения грамотной правовой политики по вопросам энергетической экологии и экологической эффективности невозможно достигнуть запланированных правовых эффектов – обеспечения энергосбережения, повышения энергетической эффективности в контексте устойчивого развития. От уровня развития энерге-

тического законодательства в области возобновляемых источников энергии зависит решение многих актуальных вопросов экономического, экологического и социального характера, а также развитие страны на поколения вперед¹.

Развитие правового регулирования в области энергосбережения и повышения энергоэффективности приводит к возникновению новых форм договорных связей, которые не укладываются в традиционные договорные конструкции². В условиях экономических преобразований Республики Таджикистан, характерных для современного этапа её развития, особое значение приобретает, адаптация договорных механизмов регулирования к

© Султонова Т.И., 2026

¹ См.: Клещев А.С. Правовые аспекты договора энергосбережения и его регулирование ГК РФ // Актуальные проблемы российского права. - 2013. - № 2. - С. 156.

² См.: Матияшук С.В. Новые модели договорных отношений по энергосбережению и повышению энергетической эффективности // Законодательство и экономика. - 2010. № 6. - С. 13.

задачам рационального использования природных ресурсов.

Нормативную основу данных правоотношений составляют Гражданский кодекс Республики Таджикистан и специальные законы в сфере энергоснабжения и энергоэффективности, которые закрепляют как классические, так и специализированные договорные модели, анализ которых мы имеем цель провести в настоящей статье. Прежде всего, отметим, что в Республике Таджикистан договорное регулирование энергосбережения и энергетической эффективности строится на основе гражданского законодательства и специальных законов, регламентирующих данную сферу общественных отношений.

В Гражданском кодексе РТ помимо базовых договорных конструкций, таких как договор поставки, договор подряда и договор возмездного оказания услуг, предусматривается также традиционная модель договора энергоснабжения. В частности, основу правового регулирования отношений в сфере энергоснабжения в Республике Таджикистан составляет §5 главы 30 Гражданского кодекса РТ «Энергоснабжение» (ст.ст. 595–605). Исходя из положений данных статей усматривается, что конструкция договора энергоснабжения построена на основе договора купли-продажи, адаптированная к особенностям энергии как объекта гражданских прав.

Так, в соответствии со ст. 595 Гражданского кодекса РТ, по договору энергоснабжения энерго-снабжающая организация, снабжающая энергией, обязуется подавать через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетиче-

ских сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Общим условием заключения договора энергоснабжения является наличие энергоустановки, присоединенной к сетям, и приборов учета (ч.1 ст. 596 Гражданского кодекса РТ). Для физических лиц, использующих энергию для бытового потребления, предусмотрено упрощенное правило, в соответствии с которым договор считается заключенным с момента первого фактического подключения к присоединенной сети и действует на неопределенный срок (ч.1 ст. 596 Гражданского кодекса РТ).

Важной особенностью традиционной модели, закреплённой в Гражданском кодексе РТ, является распространение правил об энергоснабжении на иные виды ресурсов. В частности, согласно ст. 605 Гражданского кодекса РТ те же правила об энергоснабжении применяются к следующим отношениям:

- к отношениям по снабжению тепловой энергией через присоединенную сеть (применяются те же правила);
- к отношениям по снабжению через присоединенную сеть водой, газом, нефтью, нефтепродукцией и другими товарами.

энергосбережению и повышению энергетической эффективности

Специальное правовое регулирование рассматриваемых отношений представлено Законом РТ «Об энергосбережении и энергоэффективности» от 19 сентября 2013 года №1018 и Законом РТ «Об использовании возобновляемых источников энергии» от 12 января 2010 года № 587. Если обратиться к нормам Закона РТ «Об энергосбережении и энергоэффективности», можно обнаружить, что он не вводит какие-либо новые модели договоров. У данного Закона

иная роль – он устанавливает требования к энергоэффективности, которые должны учитываться при заключении договоров, в том числе государственных контрактов, технических договоров. Поэтому Закон лишь косвенно упоминает договорные отношения, сами же договорные конструкции, опосредующие отношения в сфере энергосбережения, остаются в рамках традиционных институтов Гражданского кодекса РТ, к числу которых относятся договор, поставки, договор подряда, договор возмездного оказания услуг.

Похожая ситуация наблюдается в сфере использования возобновляемых источников энергии. В частности, Закон РТ «Об использовании возобновляемых источников энергии» также не предусматривает специальных видов договоров, а обеспечивает правовое регулирование отношений в сфере возобновляемой энергетики посредством классических договорных конструкций, дополняя их специальными требованиями, условиями и обязанностями. Так, например, Закон предусматривает заключение договора между производителем возобновляемых источников энергии и оператором сети (пп. 1, 2, 4 ст. 11 Закона). По данному договору производитель энергии из возобновляемых источников энергии, каковым может быть физическое или юридическое лицо, осуществляющее производство энергии посредством установок по использованию возобновляемых источников энергии, вступает в правоотношения с оператором энергетической сети, функции которого выполняет юридическое лицо, оказывающее услуги по передаче и распределению энергии, либо с оптовым потребителем (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, приобретающим такую энергию для последующей реализации). Закон устанавливает два ключевых

требования, связанных с этим видам договора. Во-первых, операторы сети и оптовые потребители несут обязанность по приобретению электрической энергии, вырабатываемой из возобновляемых источников энергии, на основе договора. Во-вторых, Закон устанавливает льготный порядок подключения производителей возобновляемых источников энергии к энергетическим сетям, хотя и не раскрывает конкретного содержания этой льготы (п. 3 ст. 11 Закона).

Другой ключевой особенностью договорных отношений в сфере использования энергии из возобновляемых источников является присутствие публично-правовых начал в гражданско-правовых отношениях. Хотя Закон прямо предписывает, что купля-продажа энергии из возобновляемых источников осуществляется на основе гражданско-правовых договоров, их содержание в значительной мере предопределяется императивными нормами законодательства. Так, Закон устанавливает обязательность сертификации производимой энергии, предусматривает государственное регулирование тарифов и предполагает участие уполномоченных органов в энергетической сфере.

Важной особенностью является особое распределение рисков между сторонами договорных отношений. Закон прямо закрепляет, что колебания в объемах производства энергии, вызванные естественной нестабильностью возобновляемых источников, не могут служить оправданием неисполнения производителем своих обязательств (п. 5 ст. 11 Закона). Иными словами, производитель энергии из возобновляемых источников энергии не освобождается от ответственности за перебои, обусловленные

природными факторами. Данное решение существенно расходится с классическими подходами гражданского права, где подобные обстоятельства могли бы квалифицироваться как обстоятельства непреодолимой силы, влекущие освобождение от ответственности.

Следует отметить, что установленный законодательством порядок реализации энергии из возобновляемых источников во многом корреспондирует с правовым режимом договора энергоснабжения, закреплённым в Гражданском кодексе РТ. Как и в классической модели энергоснабжения, отношения строятся на договорной основе, предполагают подачу энергии через присоединённую сеть, а также допускают государственное регулирование отдельных условий, включая требования к качеству энергии и режиму её потребления. Вместе с тем анализ специального законодательства позволяет выявить ряд особенностей, отличающих рассматриваемые отношения от традиционного договора энергоснабжения. Так, в отличие от положений Гражданского кодекса, где государственное регулирование носит преимущественно общий характер, специальный закон предусматривает возможность реализации энергии не только на договорной, но и на конкурсной основе, что выводит соответствующие отношения за рамки исключительно двусторонней гражданско-правовой модели.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что договорное регулирование отношений и повышения энергетической эффективности в Республике Таджикистан основывается на классических видах и типах гражданско-правовых договоров. Вместе

с тем усложнение экономического оборота обуславливает появление новых договорных форм, которые уже получили признание и нормативное закрепление в законодательствах многих зарубежных государств. К числу таких новых договорных конструкций относится энерго-сервисный договор, так называемая ESCO-модель. В отличие от традиционного договора энергоснабжения, где предметом выступает подача энергии абоненту, энергосервисный договор нацелен на сокращение потребления энергетических ресурсов и повышение энергоэффективности¹.

В частности, энергосервисный договор представляет собой долгосрочное соглашение, обычно заключаемое на период от пяти до десяти лет, сторонами которого выступают заказчик (хозяйствующий субъект) и энергосервисная компания. В основе договора лежит предварительно зафиксированный базовый уровень потребления энергоресурсов. После заключения договора на начальном этапе его исполнения энергосервисная компания проводит энергетическое обследование (энергоаудит) с целью установления исходного уровня потребления энергии в натуральном и стоимостном выражении (фактических объёмов потребления электрической, тепловой энергии, потребления воды, газа, топлива и т.д.). После этого энергосервисная компания за собственный счёт либо с привлечением заёмных средств производит модернизацию объекта посредством установки необходимого оборудования, оптимизирующего систему энергопотребления. В результате этого объём потребляемой энергии в хозяйственной деятельности заказчика снижается и приводит к образованию экономии финансовых

¹ См.: Камышанский Владимир Павлович, Диденко Ася Алексеевна, Руденко Евгения Юрьевна Энергосервисные договоры: социальная-правовая сущность и

особенности правового регулирования // Legal Concept. - 2017. - №4. - С. 97.

средств. Именно эта экономия служит источником вознаграждения исполнителя (энергосервисной компании). В течение срока действия договора заказчик по-прежнему оплачивает энергоресурсы, однако часть сэкономленных средств регулярно перечисляется энергосервисной компании до момента полной компенсации её вложений и получения оговорённой прибыли. По завершении срока договора вся последующая экономия целиком остаётся у заказчика. Взаимовыгодность этого договора для сторон заключается в том, что данный

договор позволяет заказчику осуществить модернизацию объекта без первоначальных капиталовложений, а энергосервисной компании извлекать прибыль за счёт долгосрочного участия в достигнутом эффекте снижения энергопотребления¹.

В законодательстве Республики Таджикистан на сегодняшний день конструкция энергосервисного договора не закреплена. Ни Гражданский кодекс РТ, ни Закон РТ «Об энергосбережении и энергоэффективности», ни Закон РТ «Об использовании воз-

обновляемых источников энергии» не содержат специальных норм, регулирующих ESCO-модель. На наш взгляд, отсутствие в действующем законодательстве Республики Таджикистан нормативного закрепления энергосервисного договора, при том, что одним из приоритетных направлений государственной политики является энергосбережение и повышение энергетической эффективности², свидетельствует о наличии проблемы в правовом регулировании данной сферы отношений.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан: в 3 ч.: Закон Респ. Таджикистан от 24 дек. 2022 г. № 1918 // Рузномаи Чумхурият. – 2022. – № 12.
2. Закон Республики Таджикистан «Об энергосбережении и энергоэффективности» от 19 сентября 2013 года №1018 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2013 г., №8–9, ст. 651.
3. Закон Республики Таджикистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» от 12 января 2010 года № 587 // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=15066> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // <https://ncz.tj/file/национальная-стратегия-развития-республики-таджикистан-на-период-до-2030-годаpdf-1> // (дата обращения: 21.03.2026).
5. Камышанский Владимир Павлович, Диденко Ася Алексеевна, Руденко Евгения Юрьевна Энергосервисные договоры: социально-правовая сущность и особенности правового регулирования // Legal Concept. - 2017. - №4. – С. 91-99.
6. Клещев А.С. Правовые аспекты договора энергосбережения и его регулирование ГК РФ // Актуальные проблемы российского права. - 2013. - № 2. – С. 156 - 161.
7. Контракты ESCO. Модели контрактов на повышение энергоэффективности // https://www.iea.org/reports/energy-service-companies-escos-2/esco-contracts?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 21.03.2026).
8. Матияшук С.В. Новые модели договорных отношений по энергосбережению и повышению энергетической эффективности // Законодательство и экономика. - 2010. № 6. – С. 13. С. 12 - 15.

LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ENERGY SAVING AND ENERGY EFFICIENCY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sultonova Tahmina Istamovna

Doctor of juridical sciences, professor,

Manager of Chair of business law department
of Russian-Tajik (Slavonic) University.

M. Tursunzoda 30, 734025 Dushanbe, Republic of Tajikistan

Ph.: (+992 37) 223 04 60, e-mail: t.sultonova77@gmail.com

This article examines the legal framework for contractual relations in the field of energy conservation and energy

¹ См.: Контракты ESCO. Модели контрактов на повышение энергоэффективности // https://www.iea.org/reports/energy-service-companies-escos-2/esco-contracts?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 21.03.2026).

² См.: Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // <https://ncz.tj/file/национальная-стратегия-развития-республики-таджикистан-на-период-до-2030-годаpdf-1> // (дата обращения: 21.03.2026).

efficiency in the Republic of Tajikistan. It analyzes the provisions of the Civil Code of the Republic of Tajikistan that enshrine the traditional model of energy supply contracts, as well as special laws – "On Energy Conservation and Energy Efficiency" and "On the Use of Renewable Energy Sources." It concludes that contractual regulation of relations in the field of energy conservation and energy efficiency in the Republic of Tajikistan is based on classical types and forms of civil contracts. Particular attention is paid to the energy service contract (ESCO model), which is not legally enshrined in Tajik legislation. It is argued that the absence of a normative framework for energy service contracts in the current legislation of the Republic of Tajikistan indicates a problem in the legal regulation of this area of relations.

Key words: *energy supply agreement, energy saving, energy efficiency, energy service agreement, ESCO model, Civil Code of the Republic of Tajikistan, legal regulation.*

**ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ МУНОСИБАТҲОИ ШАРТНОМАВӢ
ДАР СОҲАИ САРФАИ ЭНЕРГИЯ ВА САМАРАНОКИИ ЭНЕРГЕТИКИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Султонова Тахмина Истамовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,

мудири кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 223 04 60, e-mail: t.sultonova77@gmail.com

Дар мақола асосҳои ҳуқуқи муносибатҳои шартномавӣ дар соҳаи сарфаи энергия ва баланд бардоштани самаранокии энергетикӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ карда мешаванд. Муқаррароти кодекси Гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки модели анъанавии шартномаи таъминоти энергияро мустаҳкам мекунад), инчунин қонунҳои махсус – "дар бораи сарфаи энергия ва самаранокии энергия" ва "дар бораи истифодаи манбаъҳои барқароршавандаи энергия" таҳлил карда мешаванд. Хулоса бароварда мешавад, ки танзими шартномавии муносибатҳо дар соҳаи сарфаи энергия ва баланд бардоштани самаранокии энергетикӣ Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба намудҳои классикии шартномаҳои ҳуқуқи шаҳрвандӣ асос ёфтааст. Ба шартномаи хизматрасонии энергетикӣ (модели ESCO), ки дар қонунгузори Тоҷикистон муқаррароти қонунӣ надорад, диққати махсус дода мешавад. Гуфта мешавад, ки дар қонунгузори амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон мавҷуд набудани муқаррароти мустаҳкамкунии шартномаи хизматрасонии энергетикӣ аз мавҷудияти мушкилот дар танзими ҳуқуқи ин соҳаи муносибатҳо шаҳодат медиҳад.

Калидвожаҳо: *шартномаи таъминоти энергия, сарфаи энергия, самаранокии энергия, шартномаи хизматрасонии энергия, модели ESCO, кодекси Гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон, танзими ҳуқуқӣ.*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО
И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С
ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ**

Абдухамитов Валиджон Абдухалимович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
г. Душанбе, Республика Таджикистан
тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

В статье рассматриваются взаимодействие и сотрудничества Республики Таджикистан со странами ближнего и дальнего зарубежья по борьбе с преступностью связанной с торговлей людьми. Анализируется уголовно-правовые нормы национального и зарубежного законодательства об ответственности за преступления по торговле людьми.

Автором также рассмотрены нормы нового Закона "О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми" и отмечается о некоторых нюансах применения норм уголовного законодательства за данный вид преступления. Автор настоящей статьи предлагает рекомендации в деле совершенствования сотрудничества и развития уголовного законодательства по противодействию торговле людьми.

Ключевые слова: Уголовный кодекс; уголовное законодательство; преступление; состав преступления; торговля людьми.

Республика Таджикистан активно взаимодействует с другими странами в борьбе с преступностью, связанной с торговлей людьми.

Так, Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан ратифицировано Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми¹. Также имеется Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Турецкой Республики².

Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее по тексту – УК РТ) относит ряд составов преступлений связанным с торговлей людьми.

Так, к преступлениям, связанным с торговлей людьми, отно-

сятся преступления, предусмотренные следующими статьями УК РТ:

- похищение человека (пункты "б" и "в" части 3 статьи 130);
- торговля людьми (статья 130(1);
- незаконное лишение свободы (пункт "б" части 3 статьи 131);
- торговля детьми (статья 167);
- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (статья 241(2);
- незаконное пересечение государственной границы Республики Таджикистан (часть 3 статьи 335);

© Абдухамитов В.А., 2026

¹ Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми. Ратифицировано Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 7 марта 2012 года, №710 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2012г., №3, ст.186.

² Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Турецкой Республики // Постановление Правительства Республики Таджикистан о Соглашении о сотрудничестве в области безопасности между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Турецкой Республики от 29 ноября 2022 года №557.

- организация незаконного въезда в Республику Таджикистан иностранных граждан или лиц без гражданства или незаконного транзитного проезда через территорию Республики Таджикистан (часть 3 статьи 335(1);

- организация незаконной миграции (статья 335(2);

- похищение и повреждение документов, штампов, печатей (часть 3 статьи 339);

- подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (часть 3 статьи 340)¹.

В Республике Таджикистан был принят новый Закон “О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми”², заменившим ранее действующий Закон РТ “О борьбе против торговли людьми”³.

Следует отметить, что Закон “О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми” состоит из 9 глав и 48 статей. В ст.1 названного закона используются такие понятия как: идентификация жертв торговли людьми; долговая кабала; подневольное состояние; виктимизация; ревиктимизация; рабство; эксплуатация; экономическая эксплуатация; сексуальная эксплуатация; шантаж; ребенок; жертва торговли людьми; потенциальные жертвы торговли людьми; принуждение человека; принудительный труд; специализированное учреждение (центр, убе-

жище) по оказанию услуг жертвам торговли людьми; противодействие торговле людьми; социальная адаптация жертвы торговли людьми; оказание помощи жертвам торговли людьми; торговля детьми; торговля людьми; торговец людьми; совершение преступления с использованием своего служебного положения; социальная реабилитация жертвы торговли людьми; детский секс-туризм; купля-продажа человека; государственная защита потерпевших и свидетелей по делам о преступлениях в сфере торговли людьми; защита жертвы торговли людьми; положение (состояние), сходное с рабством; уязвимое положение жертвы торговли людьми; вербовка-поиск.

В последние годы как в Таджикистане, так и во многих зарубежных странах имеются отдельные монографические исследования, посвященные данной проблематике противодействия торговле людьми, поэтому мы не будем подробно останавливаться на них. Отметим лишь, распространение быстрыми темпами данного вида преступления. Другая проблема, это распространения работорговли в сети Интернет и соответственно возникает новая глобальная проблема. Сегодня глобальная сеть Интернет, является главным источником распространения этого преступления.

Развивая мысль о сотрудничестве Таджикистана со странами ближнего и дальнего зарубежья в

борьбе с преступностью связанной с торговлей людьми следует отметить, что Таджикистан динамично имеет сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья в противодействии с торговлей людьми через международные организации (ООН, УНП ООН, ШОС), обмен данными, совместные тренинги, а также постоянное совершенствование национального законодательства, в целях усиления оперативно-розыскной деятельности, правовую помощь жертвам и пресекать такие преступления опираясь на конвенции ООН и региональные соглашения для обмена и повышения опытом и юридической помощи.

Основные международно-правовые акты, предусматривающие нормы по противодействию торговли людьми Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности⁴ (UNTOC) и Протокола к ней о торговле людьми.

Следует отметить, что Правительством Республики Таджикистан утверждено постановление “Об утверждении Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью”⁵ от 17 апреля 2001 года № 180. В данном соглашении предусмотрены основные направления по сотрудничеству в вопросах предупреждения, пресечения, вы-

¹ О перечне преступлений, связанных с торговлей людьми // Утвержден постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 июля 2019 года, №342.

² Закон “О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми” от 26 июля 2014 года, № 1096 // Ахбори Маджлиси Оли ЧТ от №7 (часть 1) 2014г. №393.

³ Закон РТ “О борьбе против торговли людьми” от 15 июля 2004 года № 47 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004г, №7, ст.454.

⁴ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Раздел: Конвенции и соглашения. — URL: <http://www.un.org/ru/.../conventions/orgcrime.shtml> (дата обращения: 15.08.14).

⁵ “Об утверждении Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью” / Постановление Правительства Республики Таджикистан от 17 апреля 2001 года № 180.

явлении, раскрытии и расследовании преступлений, в особенности следующих деяний:

1) преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности;

2) незаконным оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ и взрывных устройств, а также ядерных и радиоактивных материалов, международный терроризм, бандитизм, захват заложников;

3) незаконный оборот наркотических средств, прекурсоров и психотропных веществ;

4) преступления в сфере экономической деятельности, в том числе в области налогообложения, легализация (отмывание) доходов от преступной деятельности, контрабанда, фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг;

5) преступления против собственности, в том числе хищения автотранспортных средств и связанные с этим незаконные операции;

6) торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами;

7) незаконный оборот культурных и исторических ценностей;

8) экологические преступления;

9) незаконная миграция.

Как видно из вышеперечисленного перечня преступлений выделено также и такой вид преступления как торговля людьми.

На наш взгляд, в деле укрепления взаимодействия Республики Таджикистан со странами ближнего и дальнего зарубежья в противодействии с преступностью связанной с торговлей людьми необходимо выполнить следующие задачи:

- принятие участия ученых и сотрудников правоохранительных органов в программах относящихся укреплению взаимодей-

ствия государств стран Центральной Азии по борьбе с преступностью, связанной с торговлей людьми;

- работа над совершенствованием законодательства по противодействию торговле людьми посредством создания и участия в постоянных рабочих группах;

- усиления осведомленности и распространение среди населения страны уголовного законодательства об ответственности за данный вид преступления;

- создание центров жертв торговли людьми и активизация волонтерства в данном направлении;

- укрепление взаимодействия с правоохранительными органами стран Центральной Азии по вопросам противодействия торговле людьми.

Не будем подаваться дискуссии относительно вопроса о приемлимости или не приемлимости вышеперечисленных мер по взаимодействию Республикой Таджикистан со странами ближнего и дальнего зарубежья в противодействии с преступностью связанной с торговлей людьми. Дело в другом, насколько названные задачи будут эффективными и реально выполненными.

Что же касается санкций за преступления, связанным с торговлей людьми в УК РТ, то можно отметить следующее:

- по ч.3 (пункты "б" и "в") ст.130 УК наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет;

- по ст. 130 (1) УК РТ ч.1 наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет, по ч.2. наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет, по ч.3 наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет;

- по ч.3. (п. б) статьи 131 УК РТ наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет;

- по ст. 167 УК РТ ч.1 наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества, по ч.2 наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет. Деяние, предусмотренные частями первой или второй статьи 167 УК, если они:

а) повлекли за собой смерть жертвы торговли несовершеннолетними или иные тяжкие последствия;

б) совершены организованной группой;

в) совершены при особо опасном рецидиве,

- наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет;

- по ч. 1. статьи 241(2) наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, по ч.2. наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет;

- по ч. 3. статьи 335 УК РТ наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет;

- по ч. 3. статьи 335(1) наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет;

- по ч. 1. ст. статья 335(2) (организация незаконной миграции)

наказывается штрафом в размере от трехсот до пятисот показателей для расчетов либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, или без такового, по ч.2. наказываемся штрафом в размере от пятисот до одной тысячи показателей для расчетов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, или без такового;

- по ч.3. статьи 339 УК РТ наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет;

- по ч.3. наказываются лишением свободы на срок от пяти до семи лет.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные виды санкций за данный вид преступления, можно сделать вывод о том, что ужесточение санкции зависит от степени и характера совершенного преступления.

Следует также отметить о том, что данный вид преступления требует более глубокого изучения с точки зрения теории уголовного права т.к. многие проблемы, такие как квалификация торговли людьми, учет характера и степени совершенного преступления при назначении наказания, а также с точки зрения криминологии предупреждения этого преступления.

Как нами было отмечено выше Парламентом Таджикистана был ратифицирован Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей

людьми. Вместе с тем, резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 1949 года одобрена Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами¹. В статье 17 данной конвенции отмечается, что стороны Конвенции обязуются принимать и проводить все меры, которые требуются согласно обязательствам, принятым ими на себя в соответствии с настоящей Конвенцией, для пресечения торговли людьми обоего пола, преследующей цели проституции.

В частности, они обязуются:

1) издавать все необходимые постановления для защиты иммигрантов и эмигрантов, и в особенности женщин и детей, в пунктах их прибытия и отправления, а также во время их следования;

2) принимать меры для соответствующего оповещения населения об опасности упомянутой торговли;

3) принимать надлежащие меры для обеспечения наблюдения за железнодорожными станциями, авиапортами, портами и другими общественными местами, а также на пути следования для предупреждения международной торговли людьми, преследующей цели проституции;

4) принимать все необходимые меры в целях уведомления соответствующих властей о прибытии лиц, которые, по имеющимся сведениям, prima facie являются главными виновниками, соучастниками или жертвами этой торговли.

В статье 19 этой же конвенции предусматривается положение о том, что Стороны Конвенции обязуются в соответствии с условиями, установленными их собственными законами, и не отменяя этим преследования или иных мероприятий, вызываемых нарушением этих законов, и по-скольку это возможно:

1) впредь до проведения окончательных мероприятий по репатриации бедствующих лиц, ставших жертвами международной торговли людьми, преследующей цели проституции, принимать надлежащие меры по оказанию им временной помощи и поддержки;

2) репатриировать указанных в статье 18 лиц, если они этого пожелают или если поступило требование об их репатриации со стороны лиц, в чьем распоряжении они состоят, или если имеется основанный на законе приказ об их высылке из страны. Репатриация производится лишь после того, как достигнуто соглашение с государством назначения о личности и гражданстве репатрируемого лица или о месте и дате его прибытия на границу. Каждая сторона в настоящей Конвенции способствует проезду такого лица через свою территорию.

В случаях, когда указанные в предыдущем абзаце лица не могут сами возместить расходов по репатриации и не имеют ни супруга, ни родных, ни опекуна, которые заплатили бы за них, расходы по репатриации до границы, порта отправления или

¹ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта

1950 года (Одобрена резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 1949 года) Вступление в силу: 25 июля 1951 года в соответствии со статьей 24.

авиапорта, ближайших к государ- остальные связанные с этим рас-
ству их происхождения, оплачи- ходы принимает на себя государ-
ваются государством, в котором ство их происхождения.
данные лица проживают, а

Библиографический список

1. Закон “О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми” от 26 июля 2014 года, № 1096 // Ахбори Маджлиси Оли ЧТ от №7 (часть 1) 2014г. №393.
2. Закон РТ “О борьбе против торговли людьми” от 15 июля 2004 года № 47 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004г, №7, ст.454.
3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Раздел: Конвенции и соглашения. – URL: <http://www.un.org/ru/.../conventions/orgcrime.shtml> (дата обращения: 15.08.14).
4. Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2012г, №3, ст.186.
5. Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Турецкой Республики // Постановление Правительства Республики Таджикистан о Соглашении о сотрудничестве в области безопасности между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Турецкой Республики от 29 ноября 2022 года №557.
6. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О перечне преступлений, связанных с торговлей людьми» от 2 июля 2019 года, №342.
7. Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью / Постановление Правительства Республики Таджикистан от 17 апреля 2001 года № 180.

INTERACTION BETWEEN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND NEIGHBORING AND DISTANT FOREIGN COUNTRIES IN COUNTERING CRIME RELATED TO HUMAN TRAFFICKING

Abdukhamitov Valijon Abdukhalimovich

Doctor of Law, professor of the department of criminal law
Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel .: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

The article discusses the interaction and cooperation between the Republic of Tajikistan and countries near and far abroad in combating crimes related to human trafficking. It analyzes the criminal law provisions of national and foreign legislation on liability for crimes related to human trafficking.

The author also examines the provisions of the new Law "On Combating Human Trafficking and Providing Assistance to Victims of Human Trafficking" and notes some nuances in the application of criminal law provisions for this type of crime. The author of this article offers recommendations for improving cooperation and developing criminal legislation to combat human trafficking.

Key words: *Criminal Code; criminal legislation; crime; elements of a crime; human trafficking.*

**ҲАМКОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН БО КИШВАРҲОИ ХОРИҶӢ
ДАР МУҚОВИМАТ БО ҶИНОЯТҲОИ АЛОҚАМАНД
БА САВДОИ ОДАМОН**

Абдуҳамитов Валиҷон Абдуҳалимович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30

тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои ҳамкории Ҷумҳурии Тоҷикистон бо кишварҳои хориҷӣ дар муқовимат бо ҷиноятҳое, ки ба савдои одамон алоқаманд аст, таҳти баррасӣ қарор гирифта шудааст. Меъёрҳои қонунгузори ҷиноятӣ миллӣ ва байналмилалӣ барои ҷавобгарии ҷиноятӣ барои савдои одамон таҳлил карда шудааст.

Муаллиф инчунин меъёрҳои нави Қонун "Дар бораи муқовимат ба савдои одамон ва расонидани кумакмубориза бо хариду фурӯши одамон ва кумак ба қурбониёни савдои одамон"-ро баррасӣ карда, баъзе масоили татбиқи муқаррароти қонунгузори ҷиноятиро нисбат ба ин намуди ҷиноят қайд менамояд. Муаллифи мақолаи мазкур тавсияҳоро оид ба беҳтар намудани ҳамкорӣ ва рушди қонунгузори ҷиноятӣ дар бораи муқовимат ба савдои одамонро пешниҳод намудааст.

Калидвожаҳо: *Кодекси ҷиноӣ; қонунгузори ҷиноӣ; ҷиноят; таркиби ҷиноят; савдои одамон.*

УДК 343.341.23

ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Хусейнзода Сино Хотами

доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии
факультета №2 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции.
г. Душанбе, ул. М. Махсумов, 3.
тел.: (+992) 93 580 36 63, e-mail: Sino-84@mail.ru

Абдуллаев Нозим Саодуллович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет 734025,
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 918-25-01-00, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

В данной статье исследованы актуальные вопросы, касающиеся понятия субъекта преступления и физического лица как одного из обязательных признаков субъекта преступления. С учетом анализа научной литературы и уголовного законодательства Республики Таджикистан, возникла необходимость в представлении авторской дефиниции субъекта преступления, которая изложена в настоящей статье. Кроме того, излагается особая авторская точка зрения относительно вопроса ответственности юридических лиц. Также предлагается официально закрепить юридическое понятие физического лица и субъекта преступления в Уголовном кодексе Республики Таджикистан (УК РТ)¹.

Ключевые слова: субъект преступления, физическое лицо, юридическое лицо, закон, преступление, уголовная ответственность, точка зрения, вывод, предложение.

Хусейнзода С.Х.

Субъект преступления относится к числу базовых категорий науки уголовного права. Эволюция научных представлений о субъекте преступления до настоящего времени не привела уче-

ных к выработке единой теоретической модели, вследствие чего в доктрине сохраняется многообразие подходов, взглядов и предложений. В связи с этим проблематика субъекта преступления неизменно остается в центре внимания специалистов и продолжает быть объектом всестороннего научного анализа.

В процессе своего исторического развития понятие «субъект преступления» прошло длительный путь – от признания в этом качестве не только человека, но и животных, а также неодушевленных предметов, до окончательного утверждения человека как единственного возможного субъекта преступления.

Начиная с 1940-х годов советские правоведы приступили к системным и углубленным исследованиям категории субъекта преступления. Основные положения соответствующей теории нашли

Абдуллаев Н.С.

нормативное закрепление в уголовном законодательстве СССР и союзных республик, в том числе в Уголовном кодексе 1961 года. В статье 22 УК РТ термин «субъект преступления» непосредственно не используется; вместо него закрепляется конструкция «общие

¹ © Хусейнзода С.Х., Абдуллаев Н.С. 2026г.

условия уголовной ответственности». Вместе с тем в различных нормах УК РТ применяются иные формулировки, по существу отражающие данное понятие. Так, законодатель использует термины «преступник» (ч. 5 ст. 35), «лицо, совершившее преступление» (ст. 8, ст. 41 и др.), «лицо, совершившее преступное деяние» (ст. 6, ст. 41 и др.), «виновное лицо» (п. «г» ч. 1, ч.ч. 2 и 6 ст. 57, ч. 1 ст. 127), «осужденный» (ч. 1 ст. 11¹, ч. 2 ст. 46 и др.). Наряду с этим, термин «субъект преступления» прямо употребляется в части 4 статьи 37 уголовного законодательства. В УПК РТ используются такие процессуальные обозначения, как «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый» и другие. О.И. Сайдализода в своей научной работе также оперирует формулировками «лицо, виновное в совершении преступления», «лицо, отбывающее наказание», «лицо, привлеченное к уголовной ответственности»¹.

Вместе с тем в правоприменительной практике данное понятие используется в широком смысле. Установление и анализ субъекта преступления при исследовании состава конкретного преступления, а также в ходе расследования уголовных дел рассматриваются как неотъемлемый элемент уголовно-правовой квалификации и подлежат всестороннему и детальному изучению.

В юридической литературе можно встретить значительное количество определений субъекта преступления. Так, Н.С. Лейкин и Н.П. Грабовская² признавали в качестве субъекта пре-

ступления физическое лицо, являющееся вменяемым и достигшее установленного законом возраста. При этом ими обоснованно подчеркивалась обязательность наличия у субъекта именно таких признаков, как вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности.

М.Д. Лисов и В.П. Малков определяли субъекта преступления как «физическое лицо, совершившее предусмотренное уголовным законодательством общественно опасное деяние и обладающее признаками, установленными законом»³. Данное определение в целом корректно отражает сущность рассматриваемой категории.

К.Х. Солиев, раскрывая понятие субъекта преступления, указывал, что «субъектом преступления является реальное (физическое) лицо, совершившее конкретное преступление и способное нести уголовную ответственность»⁴. Вместе с тем в приведенном определении прямо обозначен лишь один из законодательно закрепленных признаков субъекта преступления — наличие физического лица. В дальнейшем, развивая данную позицию, исследователь относит к признакам субъекта преступления также возраст и вменяемость. Одновременно он указывает на совершение конкретного преступления как на обстоятельство, которое должно быть отражено в уголовном законодательстве, однако непосредственно в норме закона такое указание отсутствует.

Более развернутое и содержательное определение субъекта преступления предложено Н.А.

Гаффоры, согласно которому «субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, совершившее общественно опасное деяние и способное в соответствии с законом быть привлеченным к уголовной ответственности за содеянное»⁵.

Р.И. Шарипов, рассматривая проблему субъекта преступления, отмечает, что «раскрытие содержания данного понятия, а также выявление его психофизических характеристик имеют существенное значение для привлечения лица к уголовной ответственности и назначения наказания за совершенное преступление. По его мнению, субъектом преступления является лицо, совершившее общественно опасное деяние и подлежащее уголовной ответственности в соответствии с требованиями закона»⁶.

С.В. Бородин предлагает иной подход, подчеркивая, что «субъектами преступления могут быть не любые лица, а лишь те, которые обладают признаками, прямо закрепленными в уголовном законодательстве. К таким признакам относятся достижение установленного законом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также вменяемость»⁷. Действительно, не каждое лицо может выступать в качестве субъекта преступления: таковым признается лишь тот, кто, помимо обладания законодательно определенными характеристиками субъекта преступления, совершил общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом.

¹ Сайдализода О.И. Субъекты махсуси ҷиноят: дис. ... док. фалс (PhD): 6D030301 Душанбе, 2025. С. 14.

² Курс советского уголовного права. Общая часть. Т.1. / Под ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 355.

³ Уголовное право России. Общая часть / Под ред.: В.П. Малков, Ф.Р. Сундугов. Казань, 1994. С. 159.

⁴ Солиев К.Х. Таркиби ҷиноят Душанбе, 2014. С. 15.

⁵ Гаффорӣ Н.А. Ҳукуки ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми умумӣ: Китоби дарсӣ Ҳучанд, 2023. С. 115.

⁶ Шарипов, Р.И. Понятие общего и специального субъекта мошенничества по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Академический юридический журнал. 2020. №4 (36). С. 136.

⁷ Уголовное право. Общая часть / Под ред.: В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1996. С. 107.

Н.Ф. Кузнецова и Ю.М. Ткачевский в качестве субъекта преступления признают человека, совершившего умышленное либо неосторожное общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законодательством, достигшего установленного возраста, являющегося вменяемым и, в отдельных случаях, обладающего специальными признаками, прямо закрепленными в соответствующих нормах закона¹. Недостаток данного определения заключается в том, что в него включены признаки субъективной стороны преступления, а именно умысел и неосторожность как формы вины.

Указанные выше ученые дали определение субъекта преступления, однако основные его признаки не получили в этих формулировках полного и всестороннего отражения. По нашему мнению, понятие субъекта преступления должно быть сформулировано таким образом, чтобы охватывать все его обязательные признаки. В частности, к уголовной ответственности может быть привлечено лишь реальное лицо, которое на момент совершения преступления являлось вменяемым и достигло возраста, установленного УК РФ.

Исходя из приведенного определения, можно выделить основные признаки субъекта преступления:

1. субъектом преступления может быть только физическое лицо;
2. физическое лицо должно быть вменяемым;
3. лицо должно достичь возраста, установленного уголовным законодательством;

4. лицо должно совершить общественно опасное деяние, признаваемое преступлением.

Указанные признаки, за исключением признака совершения общественно опасного деяния, признанного преступлением, получили свое нормативное закрепление в ст. 22 УК РФ, принятого 21 мая 1998 года, в которой установлено, что к уголовной ответственности может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, предусмотренного данным Кодексом.

При формулировании понятия «субъект преступления» отдельные авторы стремятся придать личности преступника большее значение по сравнению с ранее сложившимися подходами, необоснованно расширяя круг признаков, характеризующих субъекта и включаемых в состав преступления. По справедливому замечанию Б.С. Никифорова, «правоприменительная практика уже давно ставит вопрос о необходимости учета таких обстоятельств, при которых общественная опасность субъекта рассматривается как один из элементов состава преступления, и при ее отсутствии невозможно утверждать, что преступление имело место»².

Б.С. Утевский, в свою очередь, предлагал отказаться от традиционных представлений о субъекте преступления и сформулировать новое понятие, которое охватывало бы не только юридически значимые признаки, но и мировоззрение, чувства, прошлое, служебную и общественную деятельность лица, его заслуги перед обществом и государством, а также его нравственные и политические качества³.

В.М. Кутс и В.А. Меркулова исходят из того, что традиционные признаки субъекта преступления – физическое лицо, вменяемость и достижение возраста, установленного уголовным законодательством, — являются недостаточными для его всесторонней характеристики. При этом В.М. Кутс усматривает решение данной проблемы в дополнении признаков субъекта преступления характеристиками, присущими отдельным составам преступлений, предусмотренным Особенной частью уголовного законодательства⁴. По нашему мнению, позиции В.М. Кутса и В.А. Меркуловой фактически сводятся к обозначению частных признаков специального субъекта преступления и в целом не только сужают содержание понятия субъекта преступления, но и ограничивают формирование полноценного и завершенного представления о специальном субъекте преступления.

Как элемент состава преступления субъект преступления обладает обязательными и дополнительными признаками. Обязательные признаки субъекта преступления закреплены в ст. 22 УК РФ и включают: наличие физического лица, вменяемость, а также достижение возраста, установленного уголовным законодательством (16 и 14 лет). Дополнительные (факультативные) признаки субъекта преступления выражаются в наличии специальных характеристик, присущих специальному субъекту преступления.

Предложения о включении в число признаков, определяющих субъекта преступления, характеристик, отражающих социальную значимость личности в об-

¹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1993. С. 135.

² Никифоров Б.С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность. 1960. №1. С.12.

³ Утевский Б.С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права // Совет. Государство и право. 1963. № 6. С. 45.

⁴ Куц В.М. Теоретико-прикладні аспекти проблеми суб'єкта злочину // Вестник университета. 1996. Вип. 1. С. 17-23.

ществе, нельзя признать обоснованными. Состав преступления представляет собой нормативно-правовую характеристику конкретного деяния лица, поскольку он является совокупностью объективных и субъективных признаков, прямо установленных уголовным законом, которые определяют преступный характер деяния. Общественная опасность субъекта преступления, его социально-политические характеристики и иные сведения, раскрывающие личность преступника как индивида, не могут быть отнесены к конкретному преступному деянию и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве основания уголовной ответственности. Включение указанных характеристик личности преступника в состав преступления в качестве основания уголовной ответственности привело бы к замене четких и объективных критериев уголовной ответственности неопределенными и чрезмерно широкими основаниями, что противоречит фундаментальным принципам уголовного законодательства. В целом состав преступления характеризует общественную опасность личности, однако не охватывает ее в полном объеме. Вся совокупность данных о личности преступника имеет значение для индивидуализации наказания. Учение о личности преступника в науке уголовного права представляет собой самостоятельную проблему, рассмотрение которой в рамках анализа субъекта преступления не является целесообразным.

Современное понимание субъекта преступления включает как признаки, прямо закреплен-

ные в уголовном законодательстве, так и признаки, выработанные теорией уголовного права. В этой связи для обеспечения всесторонней, полной и объективной оценки данной категории необходимо опираться как на положения уголовно-правовой доктрины, так и на нормы действующего законодательства.

В теории уголовного права субъект преступления определяется как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Данное понятие также именуется общим субъектом преступления, поскольку указанные признаки – вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности – являются универсальными и присущи всем субъектам преступлений; их отсутствие свидетельствует об отсутствии в деянии лица состава преступления. Действующий УК РТ закрепляет положение о том, что субъектом преступления может быть исключительно физическое лицо. Вместе с тем анализ научных позиций¹ показывает, что ряд исследователей высказывается в пользу признания и законодательного закрепления юридического лица в качестве субъекта преступления. К.Х. Солиев придерживается позиции, согласно которой юридическое лицо (предприятие, организация и т.п.) не может признаваться субъектом преступления, поскольку оно не обладает обязательными признаками субъекта преступления, такими как вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности². Аналогичную точку зрения в своем диссертационном исследовании³ поддерживает и В.А. Абдухамитов.

Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного Уголовным кодексом Республики Таджикистан (ст. 22 УК РТ). При этом сама статья носит наименование «Общие условия уголовной ответственности». В юридической доктрине высказывается мнение⁴ о том, что из данного наименования можно сделать вывод, согласно которому понятие «субъект преступления» следует рассматривать не как элемент состава преступления, а как условие уголовной ответственности. В подтверждение указанной позиции в ст. 27 УПК РТ закреплено, что уголовное дело не подлежит возбуждению, а возбужденное дело подлежит прекращению в случае отсутствия в совершенном деянии признаков состава преступления. Очевидно, что при отсутствии хотя бы одного из элементов состава преступления – объекта преступления, объективной стороны, субъективной стороны либо субъекта преступления – само преступление как юридический факт не может существовать.

Таким образом, по нашему мнению, субъект преступления следует признавать одним из обязательных элементов состава преступления, без которого в принципе невозможно говорить о наличии преступления. Вместе с тем наличие лишь субъекта преступления само по себе не означает завершенности состава преступления в целом. Наименование статьи 22 УК РТ – «Общие условия уголовной ответственности» – в определенной степени сужает и искажает содержание понятия состава преступления.

¹ Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2002. С. 48.

² Солиев К.Х. Таркиби ҷиноят. Душанбе, 2014. С. 15.

³ Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические

проблемы (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08 Бишкек, 2016. С. 60.

⁴ Ялин А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности // Российская юстиция. 2001. №2. С.59.

Условия уголовной ответственности представляют собой более широкую категорию, и, по нашему убеждению, неправомерно сводить их исключительно к признакам субъекта преступления, поскольку последние лишь обеспечивают реализацию одного из условий уголовной ответственности. Помимо этого, к иным условиям уголовной ответственности, на наш взгляд, относятся: причинение вреда либо создание угрозы причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством (объект преступления); совершение общественно опасного деяния в форме действия или бездействия, направленного на объект преступления (объективная сторона преступления); наличие субъективной виновности лица (субъективная сторона преступления). Дополнительно следует отметить, что в статье 11 УК РТ закреплено основание уголовной ответственности, согласно которому таковым признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, а именно: объект преступления, объективную сторону, субъективную сторону и субъект преступления. Если бы статья 22 УК РТ имела наименование «Субъект преступления», то признаки, закрепленные в ее тексте, в полной мере соответствовали бы данному названию. В этой связи представляется обоснованным предложение о переименовании ст. 22 УК РТ в «Субъект преступления». Следует отметить, что

термин «субъект преступления» прямо используется в уголовном законодательстве Кыргызской Республики (статья 24)¹ и Украины (статья 18)².

Одним из ключевых признаков субъекта преступления в уголовном законодательстве является наличие физического лица, без которого, по нашему мнению, само понятие субъекта преступления утрачивает смысл. В гражданском законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях физическими лицами признаются граждане Республики Таджикистан, иностранные граждане и лица без гражданства. В Уголовном кодексе Республики Таджикистан понятие физического лица специально не раскрывается.

Следует отметить, что А.А. Пионтковский³, В.В. Сташис, В.Я. Тацкий, В.А. Широков⁴ при характеристике субъекта преступления используют термин «частное лицо». Вместе с тем представляется, что данный термин не в полной мере и не вполне точно отражает реальное содержание категории субъекта преступления.

В. Пакутин высказывает мнение о целесообразности использования в определении субъекта преступления термина «граждане»⁵. В связи с этим В.К. Матвейчук обоснованно отмечает, что применение понятия «граждане» в качестве признака, характеризующего субъекта преступления, является некорректным⁶. Действительно, использование данного термина неоправданно

сужает круг субъектов преступления, поскольку гражданство при характеристике специального субъекта преступления представляет собой лишь один из возможных его видов. Наряду с этим к уголовной ответственности за совершение преступлений привлекаются и лица без гражданства.

А. Писарев⁷ также указывает на возможность применения при определении субъекта преступления формулы «любое лицо». Однако, по нашему мнению, такая характеристика чрезмерно расширяет круг субъектов преступления, поскольку охватывает как физических, так и юридических лиц. При этом следует учитывать, что в современной науке уголовного права наряду с признанием физического лица все чаще обсуждается вопрос о признании юридического лица субъектом преступления, который получает различное теоретическое обоснование.

В статье 48 Гражданского кодекса РТ содержится легальное определение юридического лица, согласно которому юридическое лицо признается организацией. Несмотря на то что в большинстве европейских государств и странах англосаксонской правовой системы институт уголовной ответственности организаций получил законодательное закрепление, уголовное законодательство РТ до настоящего времени не признает данный институт. Б.В. Абдуллозода в своем научном исследовании, ссылаясь на уголовное законодательство

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года, № 127 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru> (дата обращения: 23.09.2024).

² Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года, № 2341-III [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109#pos=6;-144 (дата обращения: 24.09.2024).

³ Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР: Общая часть. М., 1925. С. 47.

⁴ Широков, В.А. Преступления в области охраны окружающей среды: учеб. пособ. Хабаровск, Высшая школа МВД СССР, 1985. С. 6.

⁵ Пакутин В. Ответственность за незаконную порубку леса // Социалистическая законность. 1978. № 11. С. 40-42.

⁶ Матвейчук В.К. Уточнение понятия субъекта экологических преступлений на современном этапе развития общества и государства. 1992. С. 63.

⁷ Писарев, А. Правовая охрана и защита лесов // Советская юстиция. 1982. № 7. С. 7-10.

штата Нью-Йорк (США), Франции¹ и Японии², а также на исторический опыт развития отдельных государств в части признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности³, указывает, что отсутствие данного института в Уголовном кодексе Республики Таджикистан обусловлено рядом причин. К их числу относятся: отсутствие положения об уголовной ответственности юридических лиц в Модельном уголовном кодексе для государств – участников СНГ; непризнание данного института уголовными законами постсоветских государств, принятыми до введения в действие УК РТ; а также недостаточный уровень теоретической и практической разработанности проблемы уголовной ответственности юридических лиц в государствах СНГ на современном этапе⁴.

Анализ научных исследований отечественных ученых, подготовивших в последние годы диссертационные и иные научные работы, показывает, что большинство из них отрицают возможность признания юридического лица субъектом преступления. Так, О.И. Сайдализова отмечает, что юридические лица не способны самостоятельно действовать либо совершать деяния; преступные действия от имени юридического лица всегда совершаются конкретными физическими лицами, которые и подлежат персональной уголовной ответственности⁵. По мнению М.М. Акилова, в уголовном законодательстве РТ действует принцип индивидуальной уголовной

ответственности, согласно которому никто не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как за собственные действия или бездействие⁶. В связи с этим в настоящее время отсутствуют правовые основания для признания юридического лица субъектом преступления. Б.В. Абдуллозода также последовательно отстаивает позицию о том, что введение уголовной ответственности юридических лиц противоречит принципам личной виновной ответственности и не соответствует целям уголовной ответственности, таким как предупреждение преступлений, воспитательное воздействие на правонарушителя и исправление осужденного⁷.

Исходя из изложенного, представляется обоснованным вывод о невозможности признания юридического лица субъектом преступления по следующим основаниям:

1. Принцип индивидуальной уголовной ответственности (ч. 1 ст. 7 УК РТ) закрепляет положение о том, что никто не может нести уголовную ответственность иначе как за свои собственные деяния (действие или бездействие). В этой связи нельзя признать справедливым такое положение, при котором преступление совершает физическое лицо, а уголовную ответственность несет организация. В подобной ситуации у виновного лица возникает возможность уклонения от уголовной ответственности, что фактически стимулирует совершение преступного деяния. Признание же таких лиц соучастниками неизбежно вступало бы в

противоречие с самим понятием соучастия в преступлении.

2. К уголовной ответственности может быть привлечено исключительно вменяемое лицо, и именно в целях обеспечения справедливости законодатель исключает возможность привлечения к уголовной ответственности лица, признанного невменяемым на момент совершения общественно опасного деяния. Следует отметить, что установление вменяемости либо невменяемости лица представляет собой сложный процесс, требующий участия специализированных органов и проведения медицинских и юридических экспертиз, при этом в научной среде по данному вопросу сохраняются дискуссии. Вменяемость определяется на основе медицинских и юридических критериев, применение которых на практике предполагает сложные процессуальные процедуры. В случае признания юридического лица субъектом преступления вся указанная конструкция утратила бы свое значение. Это означало бы необходимость привлечения к уголовной ответственности наряду с юридическим лицом и невменяемых лиц, а также фактическую утрату логического смысла института возраста уголовной ответственности.

Несмотря на то, что физическое лицо признается обязательным признаком субъекта преступления, в УК РТ данное понятие не имеет нормативного определения. Анализ положений УК РТ свидетельствует о том, что физическое лицо раскрывается через использование различных

¹ Крылова Н.Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 54.

² Цунэо Инако Современное право Японии. – Перевод с японского В. В. Батуренко. М., 1981. С. 69.

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление, состав преступления уголовно-правовой нормы // Вестник МГУ. Право. 1967. №4. С. 40.

⁴ Абдуллозода Б.В. Ҳифзи ҳуқуқи ҷиноятӣ об дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқук: 12.00.08. – Душанбе, 2024. С. 136.

⁵ Сайдализова О.И. Субъекти махсуси ҷиноят: дис. ... док. фалс (PhD): 6D030301. Душанбе, 2025. С. 27.

⁶ Акилова М.М. Таҳлили ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ таҷовуз ба ҳаёти арбоби давлатӣ ё ҷамъиятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқук: 12.00.08. Душанбе, 2022. С. 146.

⁷ Абдуллозода Б.В. Ҳифзи ҳуқуқи ҷиноятӣ об дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқук: 12.00.08. – Душанбе, 2024. С. 141.

терминов, в частности: гражданин Республики Таджикистан (ч.ч. 1 и 4 ст. 15, ч. 1 ст. 16, ст. 305, ч.ч. 1 и 2 ст. 323(1), ст. 401(1) УК РТ), иностранный гражданин (ч.ч. 2 и 3 ст. 15, ч. 2 ст. 16, ст. 308 УК РТ), лицо без гражданства (ч. 2 ст. 16, ст. 308 УК РТ), лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории Республики Таджикистан (ч.ч. 1 и 4 ст. 15, ст. 401(1) УК РТ), лицо без гражданства, не проживающее постоянно на территории Республики Таджикистан (ч.ч. 2 и 3 ст. 15 УК РТ), а также лицо, не являющееся гражданином другого государства (примечание к статье 401 УК РТ).

При этом, при многообразии формулировок, используемых для обозначения физического лица, в уголовном законодательстве не урегулирован вопрос правового положения лиц, имеющих гражданство двух государств. По нашему мнению, необходимость нормативного признания лица с двойным гражданством является очевидной. Так, если лицо обладает гражданством государств «А» и «Б» и принимает участие в вооруженных конфликтах или боевых действиях на стороне государства «Г», квалификация его как наемника представляется затруднительной. Даже в случае, если лицо не имело гражданства одного из указанных государств, но впоследствии его приобрело, в силу положений примечания к статье 401 УК РТ оно не подлежит признанию наемником, поскольку приобрело статус гражданина соответствующего государства.

В связи с изложенным представляется целесообразным нормативно закрепить понятие физического лица в Уголовном кодексе Республики Таджикистан. С учетом этого предлагается дополнить данный Кодекс статьей 22(1) в следующей редакции:

«Статья 22(1). Физическое лицо

Под физическим лицом в настоящем Кодексе понимается гражданин Республики Таджикистан, иностранный гражданин, лицо без гражданства, лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории Республики Таджикистан, лицо без гражданства, не постоянно проживающее на территории Республики Таджикистан, а также лицо, имеющее гражданство двух государств».

Необходимость введения данной статьи в Уголовный кодекс Республики Таджикистан обусловлена тем, что в главе 4 Кодекса содержатся положения о лице, которое подлежит уголовной ответственности, то есть устанавливаются исключительно признаки субъекта преступления. При этом, за исключением возраста уголовной ответственности, другие признаки этого лица не закреплены: ни физическое лицо, ни вменяемость не отражены в нормах. Кроме того, следует отметить, что положения частей 2 статей 24 и 26 УК РТ не имеют принципиального значения для признания субъекта преступления и подлежат регулированию в главе 15 УК РТ.

Таким образом, исходя из анализа уголовного законодательства, мнений ученых и приведенных выводов, по вопросу понятия субъекта преступления предлагается следующее:

1. В качестве элемента состава преступления субъект преступления обладает обязательными и дополнительными признаками. Обязательные признаки закреплены в статье 22 УК РТ. Дополнительные (факультативные) признаки субъекта преступления включают признаки, присущие специальному субъекту преступления.

2. Статья 22 УК РТ предлагается принять в следующей редакции:

«Статья 22. Субъект преступления»

Субъектом преступления является физическое лицо, которое во время совершения преступления является вменяемым и достигло возраста, установленного настоящим Кодексом».

3. Предложения о включении в перечень признаков субъекта преступления характеристик, определяющих его личность в обществе, не могут считаться обоснованными. Дело в том, что состав преступления представляет собой нормативно-правовую характеристику конкретного деяния лица. Состав преступления – это совокупность обязательных объективных и субъективных признаков, закрепленных уголовным законодательством, которые определяют преступный характер деяния. Общественная опасность субъекта преступления, его социальные и политические характеристики охватывают все сведения о личности преступника как индивида и не могут быть отнесены к конкретному преступному деянию и использованы в качестве основания уголовной ответственности.

4. На основании следующих аргументов признается, что юридическое лицо не может быть субъектом преступления:

1) Принцип индивидуальной уголовной ответственности (часть 1 статьи 7 УК РТ) устанавливает, что никто не может нести уголовную ответственность иначе как за свои собственные деяния (действия или бездействие). В этой связи несправедливо признание ситуации, при которой физическое лицо совершает преступление, а организация несет уголовную ответственность. В такой ситуации лицо, фактически освобожденное от уголовной ответственности, может совершать соответствующие деяния. Если же таких лиц признавать соучастниками, это неизбежно противоречит понятию соучастия в преступлении.

2) К уголовной ответственности может быть привлечено исключительно вменяемое лицо. Именно в целях реализации этого принципа исключается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, признанных невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния. Процедура определения вменяемости и невменяемости является сложной и требует участия специализированных органов, а также проведения медицинских и юридических экспертиз, что вызывает споры

среди ученых. В случае признания юридического лица субъектом преступления весь смысл этого института утратился бы. Признание юридического лица влечет необходимость одновременно привлекать к ответственности и невменяемых лиц, что лишает логического смысла установление возраста уголовной ответственности.

5. Предлагается закрепить понятие физического лица в Уголовном кодексе РТ и в связи с этим дополнить УК РТ статьей 22(1) в следующей редакции:

«Статья 22(1). Физическое лицо»

Под физическим лицом в настоящем Кодексе понимается гражданин Республики Таджикистан, иностранный гражданин, лицо без гражданства, лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории Республики Таджикистан, лицо без гражданства, не постоянно проживающее на территории Республики Таджикистан, а также лицо, имеющее гражданство двух государств».

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года, № 127 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года, № 2341-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109#pos=6;-144 (дата обращения: 24.09.2024).
3. Абдуллозода, Б.В. Ҳифзи ҳуқуқи ҷиноятӣ об дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқуқ: 12.00.08. – Душанбе, 2024. – 191 с.
4. Абдухамитов, В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – Бишкек, 2016. – 312 с.
5. Акилова, М.М. Таҳлили ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ таҷовуз ба ҳаёти арбоби давлатӣ ё ҷамъиятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқуқ: 12.00.08. – Душанбе, 2022. – 209 с.
6. Гаффорӣ Н.А. Ҳуқуқи ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми умумӣ: Китоби дарсӣ. – Хучанд: Ношир, 2023. – 436 с.
7. Жуковский, В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ставрополь, 2002. – 165 с.
8. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / За ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – Харків: Право, 2010. – 456 с.
9. Крылова Н.Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. – М.: Изд-во СПАРК, 1996. – 123 с.
10. Кузнецова, Н.Ф. Преступление, состав преступления уголовно-правовой нормы // Вестник МГУ. Право. – 1967. – №4. – С. 40.
11. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т.1. / Под ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л., 1968. – 648 с.
12. Куц В.М. Теоретико-прикладні аспекти проблеми суб'єкта злочину // Вісник Університету внутрішніх справ. 1996. Вип. 1. – С. 17-23.
13. Матвейчук В.К. Уточнение понятия субъекта экологических преступлений на современном этапе развития общества и государства // Проблемы борьбы зі злочинністю в Україні: тези доп. і повідомл. респ. наук. конф. Київ, 1992. – С. 62-63.
14. Меркулова В.О. Зміст та функціональне значення поняття суб'єкта кримінальної відповідальності // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – 2004. – № 4. – С. 111-115.
15. Никифоров, Б.С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность. – 1960. – №1. – С. 8-11.
16. Пакутин, В. Ответственность за незаконную порубку леса [Текст] / В. Пакутин // Социалистическая законность. 1978. № 11. – С. 40-42.
17. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР: Общая часть [Текст] / А.А. Пионтковский. – М.: Госиздат, 1925. – 470 с.
18. Писарев, А. Правовая охрана и защита лесов [Текст] А. Писарев // Советская юстиция. 1982. № 7. – С. 7-10.

19. Сайдализода, О.И. Субъекти махсуси ҷиноят [Матн]: дис. ... док. фалс (PhD): 6D030301 / Сайдализода Орзу Илҳом. – Душанбе, 2025. – 188 с.
20. Солиев, К.Ҳ. Таркиби ҷиноят [Матн] / К.Ҳ. Солиев. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 40 с.
21. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / Под ред.: В.П. Малков, Ф.Р. Сундуров. – Казань: Изд. Казанского университета, 1994. – 468 с.
22. Уголовное право. Общая часть [Текст] / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: МГУ, 1993. – 366 с.
23. Уголовное право. Общая часть [Текст] / Под ред.: В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1996. – 412 с.
24. Утевский, Б.С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права [Текст] / Б.С. Утевский // Совет. государство и право. 1963. № 6. – С. 42-45.
25. Цунэо, Инако. Современное право Японии. – Перевод с японского В. В. Батуренко [Текст] / Инако Цунэо / Под ред. В. Н. Еремина. – Москва: Прогресс, 1981. – 269 с.
26. Шарипов, Р.И. Понятие общего и специального субъекта мошенничества по уголовному законодательству Республики Таджикистан [Текст] / Р.И. Шарипов // Академический юридический журнал. – 2020. – №4 (36). – С. 135-140.
27. Широков, В.А. Преступления в области охраны окружающей среды: учеб. пособ [Текст] В.А. Широков. – Хабаровск: Хабар. Высшая школа МВД СССР, 1985. – 64 с.
28. Ялин, А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности [Текст] / А. Ялин // Российская юстиция. 2001. №2. – С. 59.

ISSUES OF THE CONCEPT OF THE CRIMINAL OFFENDER IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Huseynzoda Sino Hotami

Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology, and Psychology,
Faculty No. 2, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan; Police Colonel.
Dushanbe, M. Mastongulov St., 3.
Tel.: (+992) 93 580 36 63, E-mail: Sino-84@mail.ru

Abdullaev Nozim Saoduloevich

PhD in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992 37) 227-85-83, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

This article explores the current issues related to the concept of a subject of a crime and a physical person as one of the mandatory features of a subject of a crime. Based on the analysis of scientific literature and the criminal legislation of the Republic of Tajikistan, it is necessary to present the author's definition of a subject of a crime, which is presented in this article. Additionally, the author presents a unique perspective on the issue of legal liability for legal entities. Furthermore, it is proposed to officially establish the legal concept of a physical person and a subject of a crime in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan (CC RT).

Keywords: *subject of a crime, individual, legal entity, law, crime, criminal liability, point of view, conclusion, proposal*

МАСОИЛИ МАФҲУМИ СУБЪЕКТИ ҶИНОЯТ ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Ҳусейнзода Сино Ҳотамӣ

дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи
факултети №2 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия
ш. Душанбе, кўчаи М. Мастонгулов, 3,
Тел: (+992) 93 580 36 63, E-mail: Sino-84@mail.ru

Абдуллаев Нозим Саодуллович
номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсенти
кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
тел.: (+992 37) 227-85-83, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Дар мақола масоили мубрам оид ба мафҳуми субъекти ҷиноят ва шахси воқеӣ ҳамчун аломати субъекти ҷиноят мавриди таҳқиқ қарор дода шудааст. Бо дарназардошти таҳлили адабиёти илмӣ ва қонунгузории ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон зарурияти пешниҳоди мафҳуми субъекти ҷиноят ба миён омадааст, ки дар ин мақола ифода гардидааст. Ҳамчунин, доир ба шахси ҳуқуқӣ нуқтаи назари муаллиф зикр карда шуда, инчунин пешниҳод гардидааст, ки мафҳуми шахси воқеӣ ва субъекти ҷиноят дар КҶ ҚТ муқррар карда шавад.

Калидвожаҳо: *субъекти ҷиноят, шахси воқеӣ, шахси ҳуқуқӣ, қонун, ҷиноят, ҷавобгарии ҷиноятӣ, нуқтаи назар, ҳулоса, пешниҳод.*

УДК 343.14:343.72:004.738.5

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА**Желтова Виктория Алексеевна**

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г.Душанбе, ул.М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию особенностей производства по уголовным делам о хищениях, совершенных с использованием электронных средств платежа. Актуальность темы обусловлена широким распространением безналичных расчетов, цифровизацией финансовой сферы и устойчивым ростом числа преступлений, связанных с неправомерным использованием банковских карт, электронных кошельков и иных платежных инструментов. В настоящей статье рассматриваются понятие и структура криминалистической характеристики хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, а также их значение для расследования преступлений данной категории. Проведен анализ Российской Федерации и Республики Таджикистан (в частности Закона «О национальной платежной системе», Закона «О платёжных услугах и платёжной системе»), для определения понятия электронного платежного средства.

Ключевые слова: *расследование преступлений, электронные средства платежа, хищение, криминалистическая характеристика, мошенничество, кража, фишинг, объекты и субъекты преступлений.*

Современное развитие цифровых технологий и активное внедрение безналичных способов расчетов способствуют не только повышению удобства финансовых операций, но и возникновению новых способов совершения имущественных преступлений. В последние годы наблюдается устойчивый рост числа хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, к которым относятся банковские карты, электронные кошельки, мобильные платежные приложения и иные инструменты дистанционного

распоряжения денежными средствами.

Особую сложность при расследовании данной категории преступлений представляет необходимость получения и анализа значительных объемов цифровой информации, а также установления лиц, использующих современные информационно-телекоммуникационные технологии для сокрытия следов преступной деятельности. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость исследования как уголовно-процессуальных особенностей производства по уголовным делам данной категории, так и их криминалистической характеристики.

Хищения, совершаемые с использованием электронных средств платежа, представляют повышенную общественную опасность, поскольку характеризуются высокой латентностью, значительным количеством потерпевших, возможностью совершения преступных действий на расстоянии и сложностью установления виновных лиц. Современные преступники активно

используют информационно-телекоммуникационные технологии, средства анонимизации сетевой активности, поддельные электронные ресурсы и методы социальной инженерии.

В этих условиях особое значение приобретает совершенствование уголовно-процессуальной деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории. Эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от правильного понимания криминалистической характеристики данных преступлений, особенностей собирания цифровых доказательств и организации взаимодействия следственных органов с субъектами финансовой системы.

Возрастающее количество преступлений, связанных с незаконным завладением денежными средствами посредством электронных платежных инструментов, обуславливает необходимость совершенствования мер правового противодействия дан-

ным деяниям. В связи с этим особую актуальность приобретает активизация деятельности законодательных органов и правоприменительной практики как на национальном, так и на международном уровнях. Проблематика обеспечения безопасности электронных финансовых операций находится в центре внимания многих международных организаций. Так, аналитические материалы Международного валютного фонда содержат статистические данные о распространении финансового мошенничества и рекомендации по минимизации соответствующих рисков.

В Российской Федерации важным этапом развития уголовно-правовых механизмов защиты имущественных отношений в цифровой среде стало принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный нормативный акт заложил основу для формирования системы уголовно-правового противодействия новым способам мошенничества, связанным с использованием информационных технологий и электронных средств платежа.

Одним из результатов проведенной законодательной реформы стало дополнение статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации новым квалифицирующим признаком. В частности, пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ была установлена ответственность за кражу денежных средств с банковского счета, а также электронных денежных средств. В дальнейшем законодатель продолжил совершенствование

правового регулирования в данной сфере, введя специальные составы преступлений, предусматривающие ответственность за различные незаконные действия с банковскими картами и иными платежными инструментами.

Параллельно с изменением уголовного законодательства в России были приняты стратегические документы, направленные на развитие цифровой экономики и укрепление информационной безопасности. К их числу относятся Концепция долгосрочного социально-экономического развития и Стратегия развития информационного общества на период до 2030 года, разработанная во исполнение поручений Президента Российской Федерации. Содержание данных документов свидетельствует о признании государством необходимости создания эффективной системы защиты информационного пространства и финансовой инфраструктуры от современных угроз.

В Республике Таджикистан уголовное законодательство не содержит специальной нормы, аналогичной пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, предусматривающей самостоятельную ответственность за хищение денежных средств с банковского счета. Подобные деяния квалифицируются на основании общих положений о краже, мошенничестве либо иных преступлениях против собственности. Отсутствие детализированного состава преступления, учитывающего специфику незаконного завладения денежными средствами посредством банковских и электронных технологий, свидетельствует о существующих различиях в подходах к уголовно-правовому регулированию в различных государствах. Такие различия могут

создавать дополнительные трудности в сфере противодействия трансграничной финансовой преступности и преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Криминалистическая характеристика – система научно обоснованной, обобщенной, криминалистически значимая информация о наиболее типичных, взаимосвязанных признаках, свойствах общественно опасных деяний определенного вида (группы), способствующая обоснованному выдвижению версий по уголовным делам, выбору наиболее эффективных методов, приемов и средств раскрытия и расследования преступлений.

В структуру криминалистической характеристики преступлений принято включать данные о материальных следах преступления, о способе совершения и сокрытия преступления, о месте, времени и механизме его совершения, об обстановке совершения преступления, предмете преступного посягательства, о целях и мотивах криминального деяния, о личностных свойствах участников уголовного процесса и обстоятельствах, способствовавших совершению преступления¹.

Как справедливо отмечает А.Ю. Головин, важная роль криминалистической характеристики обусловлена возможностью познания «...криминалистически значимых черт (свойств) различных видов преступлений, позволяющих наиболее эффективно собирать доказательства и иную криминалистически значимую информацию, успешно решать задачи раскрытия и расследования любых преступлений»².

¹ Порубов, Н. И. Криминалистика : учебник / Н. И. Порубов, Г. И. Грамович, А. Н. Порубов, Г. В. Фёдоров; под. общ. ред. Н. И. Порубова, Г. В. Фёдорова. – Минск : Выш. шк., 2011. – 639 с. С.338

² Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступле-

Структура криминалистической характеристики преступлений включает такие элементы, как лица, совершающие преступления (субъекты преступления); объект (предмет) преступного посягательства; обстановка совершения преступления; мотивы и цели содеянного; средства достижения преступного результата; способ совершения преступления; механизм содеянного, его последствия; закономерности преступлений (связи).

Криминалистическая структура преступлений - это совокупность материальных элементов системы преступлений и связей между ними.

В наиболее обобщенном виде можно выделить следующие элементы криминалистической структуры преступлений: субъект (лицо, совершившее преступление); объект (предмет, лицо, на которые направлено преступное воздействие); орудие преступления; предмет преступного посягательства и предмет преступления.

Существует несколько подходов к раскрытию и расследованию преступлений: изучение материальной (криминалистической) структуры преступлений и исследование структурных элементов криминалистической характеристики преступлений.

На сегодняшний день в литературе актуален вопрос о соотношении криминалистической структуры преступлений и криминалистической характеристики преступлений.

Криминалистическая характеристика хищения, совершенных с помощью электронных средств платежа, охватывает ряд факторов, которые помогают

выявить, расследовать и предотвратить подобные преступления.

В Российской Федерации преступные действия, направленные на незаконное завладение безналичными и электронными денежными средствами предусмотрены в виде двух форм хищения (кражи и мошенничества), но регламентируются они при этом тремя статьями уголовного закона – пунктом «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (мошенничество с использованием электронных средств платежа), а также пункта «в» части 3 статьи 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета).

Статья 272 УК РФ¹ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

Статья 298 УК РФ² также предусматривает ответственность за неправомерный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты.

Под хищением УК РФ³ понимает совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу

виновного или других лиц² (статья 158 прим.1 УК РФ), УК РФ хищение раскрывает как совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (статья 244 прим.1 УК РФ).

Функционирование электронных платежных систем и практически всех действий, совершаемых с их использованием, тщательно документируется в электронной форме. При этом значительная часть криминалистически значимой информации документируется программными средствами компьютеров клиентов электронных платежных систем. Относящаяся к данным действиям техническая информация хранится в компьютерных файлах. Эта информация в криминалистике получила название «электронно-цифровой» или «виртуальный след»³.

В криминалистике под виртуальными следами понимаются следы совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, модификации, удаления) в информационном пространстве различных цифровых устройств, их систем и сетей⁴.

Согласно Федеральному закону «О Национальной платежной системе», статья 3 определяет понятие «электронные деньги» как электронные денежные средства - денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учти-

ний // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3-10.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2024 г.)

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.)

³ Агибалов В. Ю., Мещеряков В. А. Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // Воронежские криминалистические чтения. — 2012. — № 14. — С. 15—24.

⁴ Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. — 2012. — № 8. — С. 44.

тывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа¹.

В соответствии с Законом Республики Таджикистан от 24 февраля 2017 года, №1397 «О платёжных услугах и платёжной системе», (в редакции Закона РТ от 07.08.2020г. №1723), статья 1 определяет понятие «электронные деньги» как электронные денежные средства - денежные средства в национальной или иностранной валюте, предварительно предоставленные физическим лицом поставщику платёжных услуг, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств физического лица перед третьими лицами².

Таким образом, расследование хищений с использованием электронных средств платежа в качестве одной из базовых своих задач предполагает уточнение формы совершенного хищения, что не всегда представляется однозначным.

Кроме того, не являются редкостью ситуации, когда подготовительный этап данного деяния сам по себе предусматривает действия, которые, с точки зрения их юридической оценки, представляют собой иные формы хищения – предметов

или документов, содержащих информацию, необходимую для хищения электронных денежных средств.

Криминалистическим средством определения точной формы хищения денежных средств с помощью электронных средств платежа выступает формулирование соответствующих общих следственных версий (касательно факта и формы хищений) либо действий, не носящих преступный характер, а также детализирующих общие версии частных версий – касательно каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ и ст.85 УПК РТ. А именно места и времени (временного периода) совершения хищения, реализованных способов преступления и использованных технических и иных средств, лиц, в той или иной степени участвовавших в совершении хищения, характера их вины и мотивов, причиненного преступлением вреда, и т. д.

Фактическим отграничением кражи от мошенничества, осуществленного с помощью электронных средств платежа, выступает наличие психологического контакта между субъектом преступления и сотрудником финансовой, торговой или иной организации, осуществляющим обязанности по обеспечению оплаты сделок или иных платежей с помощью специального электронного оборудования. Действительно, присущие мошенничеству обман или введение в заблуждение³ (будь они в активной или пассивной форме, которой является умол-

чание о принадлежности банковской карты иному лицу) – есть действия психологического характера. Они призваны воздействовать на сознание и эмоции, чувства, ощущения, которых не может быть у технических средств, даже оснащенных искусственным интеллектом, обрабатывающих информацию в автоматическом режиме. Соответственно, для определения факта контакта между оператором платёжных систем и лицом, совершившим преступление, а также установления особенностей финансовых расчетов необходим подробный допрос в указанном ключе подозреваемого (если он согласен давать показания), а также сотрудника организации, обслуживавшего данную гражданско-правовую сделку или иной платеж, в качестве свидетеля⁴.

Криминалистическая характеристика хищений, совершаемых с использованием электронных платёжных систем, включает в себя несколько важных элементов. Эти элементы помогают органам следствия лучше понимать и анализировать совершенные преступления, а также разрабатывать методы их предотвращения и раскрытия. Вот ключевые элементы:

1. Объекты преступления:

- Денежные средства на электронных счетах и кошельках;
- Данные, необходимые для доступа к счетам (логины, пароли, данные карты);
- Оборудование и программное обеспечение, используемое для мошенничества

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

² Закон "О платёжных услугах и платёжной системе", от 24 февраля 2017 года, №1397 (в редакции Закона РТ от 07.08.2020г. №1723).

³ Варданыан А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: монография. Иркутск, 2016.- С.152.

⁴ Варданыан А. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130–134.

(например, устройства для перехвата данных).

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются общественные отношения, связанные с охраной имущества собственников, против которого совершается конкретное запрещенное уголовным законом посягательство.

Верно, отмечает в одной из своих работ Анисимов В. Ф.: «непосредственным объектом хищения является та форма собственности, в которой находится похищаемое имущество»¹. Именно поэтому четкое понимание природы непосредственного объекта исследуемого преступного посягательства необходимо начинать с анализа понятийного аппарата и термина, содержащихся в диспозиции нормы, а именно – «Электронное средство платежа».

Подробнее о значении этого термина говорилось ранее, поэтому сейчас можно делать вывод о том, что под формой собственности в данном случае понимаются именно денежные средства. Собственнику денежных средств причиняется реальный ущерб в случае, когда деньги выходят из его правообладания в результате преступных посягательств. Человек не может ни пользоваться, ни распоряжаться принадлежащим ему на праве закона имуществом. Это значит, что непосредственным объектом преступления, совершенного с использованием электронных средств платежа, являются отношения собственности граждан и организаций по отношению к денежным средствам. Преступные действия могут выражаться в фальсификации данных, использовании похищенных или поддельных карт, в виде взлома

систем безопасности и так далее. Все это по отдельности и в совокупности может привести к серьезным финансовым потерям для граждан и организаций, а также к нарушению баланса национальной платежной системы. Поэтому борьба с такими видами преступлений является одной из главных задач правоохранительных органов каждого государства.

Не следует забывать и о том, что в современном мире, где все больше операций проводится безналичным путем через электронные средства платежа, возникает необходимость особого внимания информационной безопасности.

Электронные платежные средства и системы могут выступать как предмет преступного посягательства или как средство совершения преступления. Предметом преступного посягательства в этом случае будут средства, находящиеся на счетах в этих системах, информация о клиентах. Признак предмета преступления в составе преступления является факультативным. Предметом преступного посягательства в преступлениях рассматриваемой категории выступают электронные платежные средства, находящиеся на счетах в этих системах, и охраняемая законом информация о клиентах (их персональные данные, реквизиты доступа и т.д.).

Преступления, связанные с использованием платежных карт, зачастую направлены на взлом систем безопасности, а также связаны с электронными коммуникациями. Все это объясняет и оправдывает необходимость добавления дополнительного объекта преступного посягательства – информационной безопасности, которой

наряду с общественными отношениями причиняется немалый ущерб. Такие преступления порой приводят к масштабным финансовым потерям для граждан и организаций, а также к нарушению стабильности национальной платежной системы в целом. В связи с этим особое внимание стоит уделить защите персональных данных и конфиденциальности информации.

С использованием электронных платежных систем могут быть совершены следующие виды преступлений: легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем; кража; мошенничество; получение или дача взятки; незаконное получение кредита и т.п. Количество таких преступлений растет, изменяется их качественный состав, что свидетельствует о значимости и об общественной опасности.

Электронные платежные средства и системы используются в качестве средства совершения корыстного преступления (хищения) и умысел виновного лица направлен на завладение чужим имуществом путем изменения информации либо путем введения в компьютерную систему ложной информации. Электронные платежные системы могут выступать средством совершения в следующих преступлениях: легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем; кража; мошенничество; получение или дача взятки; незаконное получение кредита и т.п.

Результаты анализа электронных платежных систем показали, что информация об электронной системе как предмете преступного посягательства имеет большое значение и представляет значительный

¹ Анисимов В. Ф. Ответственность за преступления против собственности с признаками хищения: состояние, сущность и проблемы квалификации // докт. юрид. наук. — СПб. — 2007. — С.381.

интерес в сопоставлении с информацией о работе аналогичных систем. Для получения такой информации следовательно необходимо анализировать работу различных электронных систем с точки зрения ввода и вывода наличных средств, обмена различных видов титульных знаков, обмена между системами и т.д.

Криминалистически значимой информацией для расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, будет являться информация относительно способов зачисления денежных средств в систему, способов вывода денег из нее, а также порядок осуществления операций внутри системы.

2. Субъекты преступления:

- Преступники, использующие свои навыки в области информационных технологий.

- Мошеннические группы, работающие в организованном формате.

- Потребители услуг, чьи данные могут быть использованы для хищения.

Так, субъектом преступления может признаваться только физическое лицо. К уголовной ответственности, в отличие от иных видов ответственности (административной, налоговой, гражданско-правовой), не может быть привлечено юридическое лицо, и, даже если транзакции и финансовые операции с электронными денежными средствами незаконно осуществлялись от лица организации. В данном случае подлежит установлению конкретное физическое лицо, действовавшее на тот момент от лица фирмы. Именно данное физическое лицо будет привлечено к уголовной ответ-

ственности в случае установления в его действиях признаков состава преступления.

Рассматриваемые преступления отличаются высоким уровнем латентности в связи с повышенной степенью скрытности незаконных банковских операций, что свидетельствует о необходимости проведения профилактических и предупредительных методов на индивидуальном уровне.

Преступления могут происходить в интернете, через специализированные программы или приложения. Временной аспект также имеет значение, так как многие преступления совершаются в определенные часы, когда меньше всего присутствуют службы безопасности.

3. Способы и методы совершения преступлений

Фишинг (англ. phishing, от fishing — рыбная ловля, выуживание и password — пароль) — вид интернет-мошенничества, цель которого — получить идентификационные данные пользователей. Сюда относятся кражи паролей, номеров кредитных карт, банковских счетов и другой конфиденциальной информации.

Фишинг представляет собой пришедшие на почту поддельные уведомления от банков, провайдеров, платежных систем и других организаций о том, что по какой-либо причине получателю срочно нужно передать / обновить личные данные. Причины могут называться различные. Это может быть утеря данных, поломка в системе и прочее.

Атаки фишеров становятся все более продуманными, применяются методы социальной инженерии. Но в любом случае клиента пытаются напугать, придумать критичную причину для того, чтобы он выдал свою личную информацию. Как правило,

сообщения содержат угрозы, например, заблокировать счет в случае невыполнения получателем требований, изложенных в сообщении («если вы не сообщите ваши данные в течение недели, ваш счет будет заблокирован»). Забавно, но часто в качестве причины, по которой пользователь якобы должен выдать конфиденциальную информацию, фишеры называют необходимость улучшить антифишинговые системы («если хотите обезопасить себя от фишинга, пройдите по этой ссылке и введите свой логин и пароль»)¹.

Фишинг это создание поддельных сайтов или рассылка писем с целью получения конфиденциальной информации.

В 2019 году хакеры начали использовать новые вирусы для Android, которые могут сами заходить в мобильное приложение жертвы и выводить деньги. С ними столкнулись клиенты минимум двух российских банков, но пока случаи единичны

Российские банки начали сталкиваться с новым видом мошенничества — трояном, который способен автоматически переводить средства через банковские мобильные приложения для операционной системы Android (так называемый автозалив). Механизм работы вируса в своем ежегодном докладе Hi-Tech Crime Trends 2019 (есть у РБК) описала компания Group-IB, которая специализируется на вопросах кибербезопасности².

Мошенничество, совершенное в отношении пользователей информационных систем, признается оконченным с момента перевода потерпевшим денежных средств и (или) личных данных виновному или по его указанию другим лицам.

Местом совершения мошенничества с использованием

¹ <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing/>

² <https://www.rbc.ru/finances/29/11/2019/5ddfdac19a7947d4dbd74bd6>

информационных систем следует считать место нахождения потерпевшего, который переводит денежные средства.

4. Мотив

Элемент, побуждающий на совершение рассматриваемых преступлений – мотив, при рассмотрении данного вида преступления является факультативным и не влияет на размер наказания. Здесь стоит четко разграничивать корыстные мотивы и корыстные цели. Для правоприменителя в данном случае важна именно цель, которая подтверждает или опровергает умышленный характер преступления.

Если же мы говорим, про мошенничество с использованием электронных средств платежа, то здесь лицо должно осознавать, что использует поддельное или принадлежащее другому лицу электронное средство платежа, а также должно предвидеть возможность наступления последствий в виде причинения ущерба и желать их наступления.

Свидетельством наличия злонамеренных намерений лица при получении выплат является явное отсутствие юридических прав на получение соответствующих выплат, а также использование фальшивых документов для их получения и сокрытие информации о причинах прекращения выплат.

5. Особенности личности лица, совершившего преступление.

Данные преступления отличаются высоким уровнем латентности в связи с повышенной степенью скрытности незаконных банковских операций, что свидетельствует о необходимости проведения профилактических и предупредительных

методов на индивидуальном уровне. Это подразумевает под собой детальное, подробное изучение личности преступника.

Обычно изучение личности преступника начинается с анализа его социально-демографических характеристик, которые включают в себя такие факторы, как пол, возраст, семейное положение, образование и другие факторы. Анализ названных факторов позволяет выявить уровень преступной активности у различных групп населения. Преступное поведение взрослых является более общественно опасным, чем у молодых преступников, так как они имеют больший жизненный опыт, сформировавший их характер и потребности. Отсутствие постоянного законного дохода является экономической причиной, объясняющей представленные данные. Неоспоримо, что отсутствие стабильного источника доходов способствует увеличению преступности.

Для того чтобы осознать причины преступлений в полной мере, стоит проанализировать и нравственную подструктуру личности, ее отношение к социальным ценностям, гражданским обязанностям, моральным установкам, интересам, ориентирам и взглядам, а также к нормам морали и права, и выбранным стратегиям удовлетворения своих потребностей.

Выводы

Развитие цифровых технологий и внедрение современных платежных инструментов существенно изменили характер финансовых отношений в обществе. Электронные средства платежа, включая банковские карты,

мобильные приложения, электронные кошельки и иные средства дистанционного управления денежными средствами, стали неотъемлемой частью повседневной жизни граждан и организаций. Вместе с тем цифровизация финансовой сферы привела к появлению новых способов совершения имущественных преступлений, связанных с неправомерным доступом к денежным средствам пользователей платежных систем.

Хищения, совершаемые с использованием электронных средств платежа, представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся форм имущественной преступности в условиях цифровизации общества. Особенности производства по уголовным делам данной категории обусловлены использованием преступниками современных информационных технологий, наличием значительного объема электронных доказательств и необходимостью применения специальных знаний.

Криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений позволяет определить типичные способы их совершения, механизм образования следов и особенности личности преступника, что способствует выдвижению обоснованных следственных версий и повышению эффективности расследования. Совершенствование процессуальных механизмов получения и исследования цифровых доказательств, а также развитие межведомственного взаимодействия являются важнейшими условиями успешного противодействия хищениям, совершаемым с использованием электронных средств платежа.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2024 г.)
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)
5. Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».
6. Закон "О платёжных услугах и платёжной системе", от 24 февраля 2017 года, №1397 (в редакции Закона РТ от 07.08.2020г. №1723).
7. Агibalов В. Ю., Мещеряков В. А. Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // Воронежские криминалистические чтения. - 2012. - № 14. - С. 15 - 24.
8. Анисимов В. Ф. Ответственность за преступления против собственности с признаками хищения: состояние, сущность и проблемы квалификации // докт. юрид. наук. - СПб. - 2007. - С.381.
9. Варданиян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: монография. Иркутск, 2016.- С.152.
10. Варданиян А. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130 - 134.
11. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3-10.
12. Желтова В.А. Правовая сущность электронных денег по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Академический юридический журнал 1(49)/2024 ISSN 2305-0535/. Издательство ООО «Мехрона - 2017», г. Душанбе.- С.129-134.
13. Носиров Х.Т., Желтова В.А. О подходах к правовому определению электронных денег. Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития, посвященная Году правового просвещения и 30- летию Конституции РТ. Материалы XII Международной научно-практической конференции (Душанбе, 25 октября 2024 г.). – Душанбе: РТСУ, 2024. - С.297 - 302.
14. Порубов, Н. И. Криминалистика : учебник / Н. И. Порубов, Г. И. Грамович, А. Н. Порубов, Г. В. Фёдоров; под. общ. ред. Н. И. Порубова, Г. В. Фёдорова. - Минск: Выш. шк., 2011. - 639 с. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. - 2012. - № 8. - С. 44.
15. <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing/>
16. <https://www.rbc.ru/finances/29/11/2019/5ddfdac19a7947d4dbd74bd6>

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES INVOLVING THEFT COMMITTED THROUGH THE USE OF ELECTRONIC PAYMENT INSTRUMENTS

Zhelтова Victoria Alekseevna

Lecturer Department of Criminal Process and Criminalistics

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30

tel.: (+992)501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

This article is devoted to the study of the peculiarities of criminal proceedings in cases involving theft committed through the use of electronic payment instruments. The relevance of the topic is determined by the widespread use of cashless payments, the digitalization of the financial sector, and the steady increase in the number of crimes related to the unlawful use of bank cards, electronic wallets, and other payment instruments.

The article examines the concept and structure of the forensic characteristics of thefts committed through the use of electronic payment instruments, as well as their significance for the investigation of crimes within this category. An analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan (in particular, the Law "On the National Payment System" and the Law "On Payment Services and the Payment System") is conducted in order to define the concept of an electronic payment instrument.

Key words: *crime investigation, electronic payment instruments, theft, forensic characteristics, fraud, larceny, phishing, objects and subjects of crime.*

**ХУСУСИЯТҲОИ БАРРАСӢ ВА ТАФТИШИ ПАРВАНДАҲОИ ҶИНОЯТӢ ВОБАСТА БА ТАСАРРУФИ МОЛУ
МУЛК, КИ БО ИСТИФОДА АЗ ВОСИТАҲОИ ЭЛЕКТРОНИИ ПАРДОХТ СОДИР ГАРДИДААНД**

Желтова Виктория Алексеевна

Муаллимаи кафедраи муҳофизати ҷинояти ва криминалистикаи
Донишгои (Славянии) Россияву-Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзада, 30.
тел.: (+992) 501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Мақолаи мазкур ба таҳқиқи хусусиятҳои пешбурди муҳофизати парвандаҳои ҷиноятӣ оид ба тасарруфҳои бахшида шудааст, ки бо истифода аз воситаҳои электронии пардохт содир мегарданд. Мубрамияти мавзӯ бо паҳншавии васеи ҳисоббаробаркуниҳои ғайринақдӣ, рақамикунонии соҳаи молия ва афзоиши устувори шумораи ҷиноятҳое, ки ба истифодаи ғайриқонунии қортҳои бонкӣ, ҳамёнҳои электронӣ ва дигар воситаҳои пардохтӣ вобастаанд, асоснок мегардад.

Дар мақолаи мазкур мафҳум ва сохтори тавсифи криминалистии тасарруфҳое, ки бо истифода аз воситаҳои электронии пардохт содир мешаванд, инчунин аҳамияти онҳо барои тафтиши ҷиноятҳои ин категория мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Барои муайян намудани мафҳуми воситаи электронии пардохт таҳлили қонунгузории Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон (аз ҷумла Қонуни Федератсияи Россия «Дар бораи низоми миллии пардохт» ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хизматрасониҳои пардохтӣ ва низоми пардохт») гузаронида шудааст.

Калидвожаҳо: тафтиши ҷиноятҳо, воситаҳои электронии пардохт, тасарруф, тавсифи криминалистӣ, қаллобӣ, дуздӣ, фишинг, объектҳо ва субъектҳои ҷиноят.

УДК 341:681.3+343 (575.3)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

Джурасев Мухаммаджон Толибович

Докторант (PhD) по специальности 6D030201 – международное право: Европейское право, ассистент кафедры международного права Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан.
734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Саид Носир, 33
Тел.: +992 (300) 22 07 99, E-mail: dzuraevm289@gmail.com

В статье анализируются ключевые вызовы, возникающие перед системами государственного управления и международного сотрудничества в условиях стремительной цифровизации, приводящей к трансформации мировой системы безопасности и росту цифровых форм транснациональной преступности. На основе примеров из практики Таджикистана и других стран Центральной Азии рассматриваются особенности региональной уязвимости, обусловленные сочетанием традиционных криминальных потоков и новых цифровых механизмов противоправной деятельности. Особое внимание уделено опыту Интерпола в противодействии киберугрозам, использованию цифровых платформ, криптовалют, анонимных коммуникационных сервисов и технологий шифрования преступными сетями, что существенно усложняет работу национальных правоохранительных органов. В работе предлагаются направления совершенствования институциональных механизмов обеспечения безопасности, ориентированные на адаптацию государственных и международных структур к новым условиям цифровой среды.

Ключевые слова: *цифровая экономика, транснациональная преступность, киберугрозы, Интерпол, национальные институты, нормативно-правовые акты, Центральная Азия, Республика Таджикистан, экономическая безопасность.*

Традиционные формы транснациональной преступности — торговля людьми, наркотрафик, оборот оружия — постепенно уступают место правонарушениям в цифровой среде, трансформируясь в новую цифровую оболочку. Кибератаки, использование криптовалют для

сокрытия финансовых потоков, вмешательство в работу цифровых платформ и воздействие на критическую инфраструктуру формируют качественно новый спектр угроз, подрывающих устойчивость государств. Масштабы явления стремительно растут: по оценкам «Cybersecurity Ventures», ущерб мировой экономике от киберпреступности в 2025 году достиг 10,5 трлн долларов США¹, а в 2026 году, по прогнозам, не опустится ниже 12 трлн долларов, что подтверждает превращение цифровой преступности в один из наиболее значимых сегментов транснациональной криминальной деятельности².

Международные организации — ООН, Интерпол, ФАТФ — фиксируют формирование гибридных криминальных сетей,

объединяющих киберпреступников, финансовых посредников и криптовалютные сервисы. Использование распределённых моделей управления, анонимных каналов связи и современных методов шифрования обеспечивает преступным структурам высокую мобильность и эффективное сокрытие следов противоправной деятельности. Это особенно актуально для государств Центральной Азии, включая Таджикистан, который активно интегрируется в глобальное цифровое пространство и сталкивается с ростом связанных с этих рисков. Современные технологии защиты данных, от сквозного шифрования до распределённых систем хранения ключей, значительно усложняют работу следственных органов, поскольку даже при наличии за-

¹ Cybersecurity Ventures. Cybercrime to cost the world \$9 trillion annually in 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-to-cost-the-world-9-trillion-annually-in-2024/> (дата обращения: 17.03.2026).

² Грегф оценил ожидаемый ущерб мировой экономике от кибератак к 2026 году [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. 13.11.2024. Режим доступа: <https://1prime.ru/20241113/gref-852788594.html> (дата обращения: 17.03.2026).

конных оснований доступ к необходимой информации часто оказывается технически невозможным. Наиболее остро проблема проявляется при расследовании преступлений, связанных с криптовалютами и деятельностью в Даркнете, где злоумышленники используют многоуровневое шифрование, анонимизирующие сервисы и VPN-цепочки для сокрытия цифровых следов. По данным Европола и Евроюста, свыше 75% расследований киберпреступлений в ЕС сталкиваются с подобными формами защиты, что требует от правоохранительных органов применения сложных технических решений, международного сотрудничества и специализированных аналитических инструментов¹.

Теоретический анализ показывает, что цифровая экономика представляет собой двуликий феномен: с одной стороны, она повышает эффективность национальных институтов, с другой, создаёт новые угрозы. Как подчёркивает М. Кастельс, переход от индустриальной модели к сетевому обществу приводит к разрыву между территориально организованными государственными структурами и глобальными потоками информации, капитала и деятельности, формируя «пространство потоков», в котором традиционные механизмы контроля теряют эффективность. В этой логике преступность, ранее рассматривавшаяся как локализованная деятельность, привязанная к конкретной территории, трансформируется в распределённую сетевую структуру. Преступные группы действуют в виртуальных пространствах, выходящих за пределы национальных границ, что затрудняет работу институтов,

построенных по территориальному принципу, и требует принципиально новых подходов к организации правоохранительной деятельности². Также необходимо разграничить два понятия: киберпреступность и цифровое преступление. Последнее имеет более широкое значение, — оно охватывает все преступления, связанные с цифровыми технологиями, даже без использования интернета.

Киберпреступность как транснациональное явление трактуется исследователями по-разному: так, Д.Н. Карпова рассматривает её как форму социальной девиации, направленной на причинение различного рода ущерба с использованием интернет-технологий, тогда как Д.М. Берова подчёркивает её как совокупность преступлений, совершаемых в цифровой среде с применением компьютерных систем либо против них, включая и традиционные общеуголовные деяния, получившие новое содержание в условиях цифровизации. В научной литературе также активно анализируется международный аспект противодействия киберпреступности: В.И. Самарин выделяет ключевую координирующую роль национальных центральных бюро Интерпола; С. Шольберг связывает начало международно-правового регулирования преступлений в сфере ИТ с Парижской конференцией 1979 года; А.К. Бекряшев, Н.С. Бекряшева и И.П. Белозеров отмечают значимость первой Международной конференции Интерпола по компьютерной преступности 1995 года, ставшей важным этапом формирования глобального механизма сотрудничества; В.В. Меркушин акцентирует международно-пра-

вовую природу обмена информацией в рамках Интерпола; а А.П. Спиридонов подчёркивает информационно-аналитическую функцию организации, обеспечивающую доступ правоохранительных органов к данным о провайдерах, сетевых адресах, доменных именах и других элементах цифровой инфраструктуры, необходимых для расследования³.

На фоне этих явлений формируется «цифровой криминальный рынок», экосистема, характеризующаяся высокой анонимностью участников, рассредоточенностью преступных структур в различных правовых режимах и активным использованием современных финансовых технологий. Ключевым элементом этой среды выступает даркнет — закрытый сегмент сети, предоставляющий доступ к теневым площадкам для продажи вредоносных программ, похищенных данных, поддельных документов и иных нелегальных товаров, и услуг. Одновременно внутри этой среды развивается масштабный скам-сектор, включающий мошеннические схемы, фишинговые платформы, криптовалютные пирамиды и инструменты социальной инженерии, которые трансформируют традиционные формы преступной деятельности, переводя их в цифровую среду. В результате эксплуатация человека, включая трудовую и сексуальную эксплуатацию, организуемую через цифровые платформы, современные формы цифрового рабства, основанные на технологическом контроле, долговых механизмах и онлайн-траффикинге, а также пантаж, проявляющийся в виде вымогательства данных и «sextortion», то есть пантажа с

¹ Шестак В.А., Савенкова П.Г. Роль международной организации уголовной полиции (Интерпол) в расследовании цифровых преступлений // Образование и право. 2020. № 10. С. 321–327. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11057.

² Castells, M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

³ Матчанов А.А., Закиров Б.Э. Роль Интерпола в координации международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью // Journal of Marketing, Business and Management (JMBM). 2020. Т. 1, № 4. С. 3-4.

использованием интимных материалов или иной компрометирующей информации, полученной посредством цифровых технологий, получает новые механизмы реализации и становится частью многообразных мошеннических практик цифровой экосистемы.

Развитие криптовалютных механизмов стало фундаментальным фактором эволюции криминальных практик. Преступные сообщества адаптировали традиционные модели деятельности под цифровую среду, используя криптовалютные транзакции, теневые онлайн-биржи, даркнет-маркетплейсы и специализированные сервисы для монетизации похищенной информации. Децентрализованная архитектура цифровых активов создаёт благоприятные условия для сокрытия происхождения преступных доходов. Согласно аналитике «Chainalysis», в 2023 году совокупный объём криптовалютных транзакций, связанных с незаконной деятельностью, превысил 23 млрд долларов¹.

Для Интерпола и национальных правоохранительных органов даркнет стал новым «серым полем», где традиционные механизмы расследования — обыски, допросы, конфискации — оказываются малоэффективными. Возникает необходимость в развитии инструментов цифровой криминалистики, включая анализ блокчейн-следов криптовалютных транзакций, что требует принципиально иного уровня подготовки специалистов и технического оснащения.

Для стран Центральной Азии цифровизация криминальной деятельности становится вызовом исключительной значимости. Регион исторически выполняет роль крупного транзитного коридора для наркотрафика, нелегальной миграции и других трансграничных потоков, что создаёт основу для сочетания традиционных криминальных практик с новыми цифровыми инструментами. Преступные группы активно осваивают цифровые каналы: фиксируются случаи использования мессенджеров, анонимных криптокошельков и децентрализованных платформ для координации международных операций и сокрытия финансовых следов. Исследования подчёркивают, что сочетание коррупционных рисков, слабости финансового надзора и значительной доли теневой экономики делает Центральную Азию особенно уязвимой перед цифровыми формами преступности².

В этих условиях Таджикистан последовательно усиливает курс на цифровизацию экономики. В Послании Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли (2024) цифровая трансформация обозначена как ключевой приоритет государственной политики. Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул необходимость полного перехода государственных услуг на безналичные расчёты до конца 2025 года, предложил объявить период

2025–2030 годов «Годами развития цифровой экономики и инноваций», а также инициировал создание Университета инноваций и цифровых технологий³. До 1 января 2027 года введён мортаторий на проверки предпринимательства (кроме налоговых), расширяется система налоговых и таможенных льгот, административные процедуры переводятся в электронный формат. Приняты государственные концепции электронного правительства, цифровой экономики, цифрового образования, Законы «Об электронном документе» (2002 г.) и «Об электронной цифровой подписи» (2007 г.), «Государственная стратегия ИКТ» (2003 г.) и другие нормативно-правовые акты⁴.

Однако ускоренная цифровизация обостряет вопросы кибербезопасности. Страна сталкивается с возрастающими рисками для финансовой системы, критической инфраструктуры и международных коммуникационных коридоров. Существенным фактором роста цифровой преступности стала массовая цифровизация финансовых услуг: доля безналичных расчётов в Таджикистане за 2023 год выросла более чем на 35%, но отсутствие единого механизма киберзащиты банковского сектора делает его уязвимым. Случаи хищения средств через поддельные онлайн-платформы в Душанбе и Худжанде показывают, что преступные схемы внедряются быстрее, чем национальные институты успевают реагировать⁵. В этих условиях пе-

¹ Chainalysis. 2023 Crypto Crime Report: Introduction [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/blog/2023-crypto-crime-report-introduction/> (дата обращения: 17.03.2026).

² Illicit Financial Flows and Corruption in Asia [Электронный ресурс]. Academia.edu. Режим доступа: <https://www.academia.edu/35285674/IllicitFinancialFlowsandCorruptioninAsia> (дата обращения: 17.03.2026).

³ Буризода Э. Б., Эмомализода Н. Э. Рақамикунони бахшҳои иқтисодиёт ва рушди сармоягузорию соҳиб-

корӣ ҷамчун ҳадафи олии давлат // Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олӣ, 28.12.2024. Душанбе, 2025.

⁴ Зиёӣ Х. Рушди рақамикунонӣ ва зеҳни сунъӣ дар даврони истиқлоли давлатӣ дар Тоҷикистон: вазъ ва дурнамо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ifpanrt.tj/rushdi-rakamikononi-va-zekhni-suni-dar-davroni-istikloli-davlati-dar-tochikiston-vaz-va-durnamo> (дата обращения: 17.03.2026).

⁵ Национальный банк Таджикистана. Годовой отчет 2023. Душанбе: НБТ, 2024.

ред государством стоит стратегическая задача, укреплять национальные механизмы противодействия цифровым преступлениям, а также изучать и адаптировать международные практики, включая механизмы Интерпола и других международных организаций, с целью формирования собственной эффективной модели обеспечения цифровой безопасности.

Социальный контекст также играет существенную роль. Высокий уровень молодежной безработицы в регионе способствует вовлечению молодых людей в теневые цифровые практики. Для части из них киберпреступность становится формой «виртуальной миграции»: работа на зарубежные криминальные группировки, а также экстремистские и террористические организации в удалённом формате размывает традиционную территориальную модель распределения правовой компетенции⁴. По данным Совета Безопасности ООН, террористические структуры всё активнее используют цифровые платформы для пропаганды, вербовки и координации действий. Близость к Афганистану усиливает риски распространения экстремистских идей через интернет-каналы. В брифингах 2023 года подчёркивалось, что ИГИЛ активно использует социальные сети и игровые платформы, переходя к децентрализованным моделям коммуникации. Отмечается также угроза применения новых технологий, беспилотных систем и виртуальных активов, что требует развития цифровой

криминалистики и интеграции в международные механизмы обмена данными¹. Практическим подтверждением этого является активность Telegram-каналов с экстремистским контентом на русском, таджикском и узбекском языках.

В ответ на указанные вызовы государство сформировало базовый нормативный фундамент, включающий Национальную концепцию информационной безопасности (принята 7 ноября 2003 года), законодательство об информации, защите персональных данных, информатизации, а также программы по развитию и регулированию цифровой экономики. В последние годы создаются специализированные центры по противодействию терроризму, экстремизму и преступлениям в информационной сфере, в частности, Центр при МВД Республики Таджикистан, учреждённый 9 ноября 2018 года. Совершенствуются механизмы идентификации пользователей, включая перерегистрацию SIM-карт на ID-паспорта нового образца (изменения от 9 февраля 2019 года; срок перерегистрации, до 15 февраля 2022 года), и внедряются инструменты фильтрации контента. Одновременно укрепляется взаимодействие с международными структурами, включая ООН, ОБСЕ, Интерпол и ШОС, что расширяет участие страны в трансграничных механизмах мониторинга и обмена данными².

В 2016 году Таджикистан ратифицировал Протокол ОДКБ

о взаимодействии государств-членов в противодействии преступной деятельности в информационной сфере, что стало важным шагом в формировании национальной системы кибербезопасности. В ходе парламентского обсуждения представители силовых структур подчёркивали, что документ направлен на профилактику деструктивных действий в сети и создание механизмов предотвращения информационных угроз. По данным компетентных органов, мониторинг интернет-ресурсов позволил предотвратить ряд террористических актов, планировавшихся на территории страны. В условиях проведения антитеррористических операций государственные органы прибегали к временным ограничениям мобильной связи и доступа к интернету-платформам, что объяснялось необходимостью пресечения распространения экстремистских материалов и вербовочной активности³.

Национальные институты, даже при активной нормотворческой деятельности, сталкиваются с комплексом ограничений, существенно снижающих их способность эффективно реагировать на трансграничные цифровые угрозы и новые формы киберпреступности. Среди наиболее значимых проблем можно выделить:

1. Кадрово-институциональные ограничения

- Дефицит специалистов и ограниченные возможности их подготовки.
- Утечка квалифицированных кадров в частный сектор.

¹ Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Часть I: Угрозы международному миру и безопасности, вызванные террористическими актами [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: ООН, 2025. Режим доступа:

<https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/2025/30.%2026th%20SupplPartITPSTA.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).

² Хошимов Ф. Д. Обеспечение информационной безопасности Республики Таджикистан в условиях глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://iet.tj/tj/obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-v-usloviyah-globalizatsii/> (дата обращения: 17.03.2026).

³ Таджикистан ратифицировал Протокол ОДКБ о борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс] // Dialog.tj. Режим доступа: <https://dialog.tj/tadzhikistan-ratifikiroval-protokol-odkb-o-borbe-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 23.01.2026).

- Слабая межведомственная координация и дублирование функций.

- Коррупционные риски, снижающие доверие и результативность расследований.

2. Законодательное и международное отставание

- Отставание нормативной базы и отсутствие правовых механизмов квалификации цифровых преступлений.

- Трудности с имплементацией международных стандартов и рекомендаций.

- Ограниченное участие в глобальных системах мониторинга и совместных расследованиях, зависимость от медленных процедур правовой помощи.

- Недостаток доверия со стороны зарубежных партнёров.

3. Технические и социальные уязвимости

- Недостаток современных инструментов и аналитических платформ для анализа транзакций и мониторинга darknet-площадок.

- Слабая инфраструктура для обработки, хранения и защиты больших массивов данных.

- Низкая цифровая грамотность населения, уязвимость перед мошенничеством, фишингом, инвестиционными пирамидами и распространением нарко- и финансовых схем через мессенджеры и соцсети⁷.

В Республике Таджикистан на данный момент отсутствует единый специализированный закон, комплексно регулирующий борьбу с киберпреступностью и противодействие киберугрозам, вследствие чего соответствующие нормы распределены фрагментарно между различными нормативными актами; вместе с тем правовая система страны

опирается на совокупность документов, формирующих единую государственную политику в сфере обеспечения национальной безопасности и противодействия преступным угрозам, включая Конституцию РТ (1994 г, с последующими изменениями и дополнениями), Закон РТ «О противодействии терроризму» (1999 г №845), Закон РТ «О безопасности» (2011 г, №735), Закон РТ «О защите информации» (2002 г, №71), Закон РТ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» (2011 г, №684), Закон РТ «О государственной дактилоскопической регистрации» (2002 г, №27), Закон РТ «О противодействии экстремизму» (2003 г, №69) и Уголовный кодекс РТ (1998 г, №574)¹, а также иные национальные нормативно-правовые акты и стандарты в области информационной безопасности, особенно (СТ РТ ИСО/МЭК 27001-2013) который представляет собой адаптированную версию международного стандарта ISO/IEC 27001:2013 по системе менеджмента информационной безопасности (СМИБ)². В совокупности эти документы формируют нормативный фундамент, обеспечивающий реагирование на современные угрозы, в том числе киберугрозы, однако такая нормативная мозаичность приводит к отсутствию единого системного подхода к предупреждению, выявлению и расследованию киберпреступлений.

В этих условиях особую значимость приобретает разработка

комплексного нормативного акта, гармонизированного с международными стандартами противодействия киберпреступности и транснациональной организованной преступности. Такой акт должен учитывать положения Конвенции о киберпреступности 2001 года (Будапештской конвенции), определяющей универсальные подходы к криминализации компьютерных преступлений и работе с электронными доказательствами; Конвенции Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермской конвенции), закрепляющей механизмы международного сотрудничества и противодействия организованным преступным группам³; Конвенции государств, участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 года, обеспечивающей региональную координацию расследований; а также нормативные документы Организации Договора о коллективной безопасности и рекомендации Интерпола, формирующие стандарты информационной безопасности и цифровой криминалистики. Интеграция этих положений в национальное законодательство является ключевым условием формирования эффективной модели кибербезопасности, обеспечивающей совместимость национальных процедур с международными механизмами и полноценное участие государства в глобальных и региональных системах противодействия цифровым угрозам.

¹ ОДКБ. Республика Таджикистан: обзор законодательства в области информационной безопасности [Электронный ресурс] // BIS Journal. Режим доступа: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/2283> (дата обращения: 23.01.2026).

² СТ РТ ISO/IEC 27001:2013. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://www.fehrist-standart.tj/st/?kat=standart_open&id=23300 (дата обращения: 23.01.2026).

³ Конвенции Организации Объединённых Наций: официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv2010.shtml (дата обращения: 18.03.2026).

На фоне роста цифровых угроз усиливается роль Интерпола как ведущего международного механизма координации в сфере кибербезопасности. Ключевым звеном его инфраструктуры выступает Глобальный комплекс инноваций (IGCI) в Сингапуре, который с 2015 года обеспечивает круглосуточную поддержку государств-участников и развитие международных механизмов противодействия киберугрозам, включая функционирование киберфьюжн-центра (Cyber Fusion Center)¹. Такая модель формирует единый оперативный контур и позволяет осуществлять обмен разведанными в реальном времени. На базе IGCI реализуются программы повышения квалификации специалистов, проводятся международные операции по нейтрализации вредоносного ПО (например, Operation Simda), а также внедряются инструменты использования искусственного интеллекта в расследованиях и анализе цифровых следов².

Особое значение имеет проект «Cybercrime Capabilities and Capacity Development Project» (C3DP), — программа Интерпола, финансируемая Госдепартаментом США, направленная на укрепление потенциала правоохранительных органов и развитие регионального сотрудничества. В рамках проекта прово-

дятся тренинги по изъятию виртуальных активов, работе с электронными доказательствами, командно-штабные учения³.

Важным направлением является участие Интерпола в работе Комитета ООН по разработке конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях и Группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере ИКТ.

В условиях стремительного роста цифровых угроз особую значимость приобретают региональные инициативы. В апреле 2024 года UNODC, CARICC и CASC провели программу обучения по расследованию киберпреступлений для прокуроров Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Участники укрепили компетенции в анализе электронных доказательств, отслеживании криптовалют, использовании OSINT-инструментов и методах расследования преступлений через даркнет⁴.

Однако эффективность международного сотрудничества зависит от готовности государств делиться данными и участвовать в совместных операциях. Визуально процесс взаимодействия можно представить, как многоступенчатый: от возникновения угрозы, к национальным институтам, затем к международному уровню (Интерпол, UNODC,

CARICC) с последующей координацией и возвратом результатов.

Мировая практика показывает, что наибольших результатов достигают государства, интегрирующие свои системы мониторинга в международные платформы (Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (EC3) Европола¹⁹, Cyber Fusion Centre Интерпола¹⁸). Однако страны Центральной Азии пока лишь частично включены в эту архитектуру.

В Казахстане в 2022 году при Агентстве по финансовому мониторингу создан Центр анализа криптовалютных операций, который осуществляет мониторинг цифровых активов и выявление подозрительных транзакций. По данным АФМ, в первые годы работы Центру удалось выявить и заблокировать десятки криптокошельков, связанных с транснациональными преступными сетями⁵. В Таджикистане и Кыргызстане подобная инфраструктура находится на этапе формирования. Роль Интерпола и международных донорских структур в обеспечении доступа к современным аналитическим инструментам и базам данных приобретает стратегическое значение.

Показательным примером является расследование фишинговых атак на банки Центральной Азии в 2021–2022 гг., а также скоординированная DDoS-атака

¹ Киберфьюжн-центр (Cyber Fusion Center) представляет собой интегрированную платформу, объединяющую подразделения киберразведки, мониторинга безопасности (SOC), реагирования на инциденты (CSIRT), анализа вредоносных программ, цифровой криминалистики и риск-менеджмента, что обеспечивает сквозной цикл управления угрозами, от их выявления до предотвращения.

² INTERPOL celebrates 10 years of innovation and collaboration in Singapore [Электронный ресурс] // INTERPOL — Official Website. Режим доступа: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/INTERPOL-celebrates-10-years-of-innovation-and-collaboration-in-Singapore> (дата обращения: 23.01.2026).

³ Europol. European Cybercrime Centre (EC3) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/about->

[europol/european-cybercrime-centre-ec3](https://www.europol.europa.eu/about-europol/europol/european-cybercrime-centre-ec3) (дата обращения: 17.03.2026).

⁴ UNODC, CASC Network and CARICC co-organize a regional training on investigation of cybercrime cases in Central Asia for prosecutors from the region [Электронный ресурс] // News Central Asia. Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2024/04/22/unodc-casc-network-and-caricc-co-organize-a-regional-training-on-investigation-of-cybercrime-cases-in-central-asia-for-prosecutors-from-the-region/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁵ Агентство по финансовому мониторингу Республики Казахстан. Отчёт о состоянии и рисках криптовалютных операций. Астана: АФМ РК, 2023.

на банк «Dushanbecity» в марте 2026 года, когда серверы злоумышленников располагались в зарубежных странах, а транзакции проходили через криптобиржи. Такая конфигурация сделала международное сотрудничество ключевым условием установления виновных.

Перспективным направлением является развитие публично-частного партнёрства. В Узбекистане функции национального мониторинга и анализа киберинцидентов выполняет Центр кибербезопасности (Cybersecurity Center), преобразованный в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от

17 октября 2017 г. № 838. Центр осуществляет сбор и анализ данных о киберугрозах, экспертизу информационных систем и подготовку ежегодных отчётов о состоянии кибербезопасности. Сравнительный анализ показывает: чем выше уровень интеграции между государством, частным сектором и международными институтами, тем ниже уязвимость экономики.

Противодействие транснациональной преступности в условиях цифровизации требует комплексного подхода. Эффективная стратегия должна сочетать модернизацию национальных институтов, развитие нормативно-правовой базы (включая

принятие отдельного закона о киберпреступности, гармонизированного с международными стандартами), укрепление кадрового потенциала и расширение международного сотрудничества с Интерполом, UNODC и ООН. Не менее важно вовлечение частного сектора и повышение цифровой грамотности населения. Только при объединении усилий государства, бизнеса, международных организаций и общества возможно минимизировать риски цифровой преступности и использовать потенциал цифровой экономики для устойчивого развития региона.

Библиографический список

1. Cybersecurity Ventures. Cybercrime to cost the world \$9 trillion annually in 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-to-cost-the-world-9-trillion-annually-in-2024/> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Греф оценил ожидаемый ущерб мировой экономике от кибератак к 2026 году [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. – 13.11.2024. – URL: <https://1prime.ru/20241113/gref-852788594.html> (дата обращения: 04.02.2026).
3. Шестак В.А., Савенкова П.Г. Роль международной организации уголовной полиции (Интерпол) в расследовании цифровых преступлений // Образование и право. 2020. № 10. С. 321–327. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11057.
4. Castells, M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.
5. Матчанов А.А., Закиров Б.Э. Роль Интерпола в координации международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью // Journal of Marketing, Business and Management (JMBM). 2020. Т. 1, № 4. С. 3-4.
6. Chainalysis. 2023 Crypto Crime Report: Introduction [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/blog/2023-crypto-crime-report-introduction/> (дата обращения: 04.02.2026).
7. Illicit Financial Flows and Corruption in Asia [Электронный ресурс]. Academia.edu. Режим доступа: <https://www.academia.edu/35285674/IllicitFinancialFlowsandCorruptioninAsia> (дата обращения: 17.03.2026).
8. Буризода Э. Б., Эмомализода Н. Э. Рақамикунонии бахшҳои иқтисодиёт ва рушди сармоягузориву соҳибкорӣ ҳамчун ҳадафи олии давлат // Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олӣ, 28.12.2024. Душанбе, 2025.
9. Зиёӣ Х. Рушди рақамикунонӣ ва зехни сунъӣ дар даврони истиқлоли давлатӣ дар Тоҷикистон: вазъ ва дурнамо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ifppanrt.tj/rushdi-rakamikunoni-va-zekhni-suni-dar-davroni-istikloli-davlati-dar-tochikiston-vaz-va-durnamo> (дата обращения: 17.02.2026).
10. Национальный банк Таджикистана. Годовой отчет 2023. Душанбе: НБТ, 2024.
11. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Часть I: Угрозы международному миру и безопасности, вызванные террористическими актами [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: ООН, 2025. Режим доступа: <https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/2025/30.%2026th%20SupplPartITIPSTA.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).
12. Хошимов Ф. Д. Обеспечение информационной безопасности Республики Таджикистан в условиях глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iet.tj/tj/obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-v-usloviyah-globalizatsii/> (дата обращения: 19.02.2026).
13. Таджикистан ратифицировал Протокол ОДКБ о борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс] // Dialog.tj. Режим доступа: <https://dialog.tj/tadzhikistan-ratifikiroval-protokol-odkb-o-borbe-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 23.02.2026).

14. ОДКБ. Республика Таджикистан: обзор законодательства в области информационной безопасности [Электронный ресурс] // BIS Journal. Режим доступа: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/2283> (дата обращения: 23.02.2026).
15. Каталог национальных стандартов. СТ РТ ISO/IEC 27001:2013. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fehrist-standart.tj/st/?kat=standart_open&id=23300 (дата обращения: 23.02.2026).
16. Конвенции Организации Объединённых Наций: официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv2010.shtml (дата обращения: 24.02.2026).
17. Определение Киберфьюжн-центр (Cyber Fusion Center), как интегрированная межведомственная платформа, объединяющая в едином пространстве аналитиков, специалистов по кибербезопасности, оперативные подразделения, разведывательные структуры и правоохранительные органы для совместного выявления, анализа, предотвращения и нейтрализации киберугроз в режиме реального времени.
18. INTERPOL celebrates 10 years of innovation and collaboration in Singapore [Электронный ресурс] // INTERPOL – Official Website. Режим доступа: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/INTERPOL-celebrates-10-years-of-innovation-and-collaboration-in-Singapore> (дата обращения: 24.02.2026).
19. Europol. European Cybercrime Centre (EC3) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3> (дата обращения: 17.03.2026).
20. UNODC, CASC Network and CARICC co-organize a regional training on investigation of cybercrime cases in Central Asia for prosecutors from the region [Электронный ресурс] // News Central Asia. Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2024/04/22/unodc-casc-network-and-caricc-co-organize-a-regional-training-on-investigation-of-cybercrime-cases-in-central-asia-for-prosecutors-from-the-region/> (дата обращения: 17.03.2026).
21. Агентство по финансовому мониторингу Республики Казахстан. Отчёт о состоянии и рисках криптовалютных операций. Астана: АФМ РК, 2023.

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON TRANSNATIONAL CRIME: CHALLENGES FOR NATIONAL AND INTERNATIONAL INSTITUTIONS

Juraev Muhammadjon Tolibovich

PhD Candidate (6D030201 – International Law: European Law), Assistant Lecturer, Department of International Law, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan 734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Said Nosir Street 33 Tel.: +992 (300) 22 07 99, E-mail: dzuraevm289@gmail.com
The article analyzes the key challenges faced by systems of public administration and international cooperation amid rapid digitalization, which is transforming the global security architecture and contributing to the growth of digital forms of transnational crime. Drawing on examples from the practice of Tajikistan and other Central Asian states, the study examines the specific regional vulnerabilities shaped by the combination of traditional criminal flows and new digital mechanisms of illicit activity. Particular attention is given to Interpol's experience in countering cyber threats, as well as to the use of digital platforms, cryptocurrencies, anonymous communication services, and encryption technologies by criminal networks, which significantly complicates the work of national law enforcement agencies. The article proposes directions for improving institutional security mechanisms aimed at adapting national and international structures to the conditions of the digital environment.

Keywords: *digital economy, transnational crime, cyber threats, Interpol, national institutions, legal frameworks, Central Asia, Republic of Tajikistan, economic security.*

ТАЪСИРИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ БА ҶИНОЯТКОРИИ ФАРОМИЛӢ: МУАММО БАРОИ НИҶОДҲОИ МИЛӢ ВА БАЙНАЛМИЛАӢ

Ҷураев Муҳаммадҷон Толибович

Докторанти PhD аз рӯи ихтисоси 6D030201 – ҳуқуқи байналмилалӣ: ҳуқуқи аврупоӣ, ассистенти кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ Академияи идоракунии давлатӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон 734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи Саид Носир, 33
Тел.: +992 (300) 22 07 99, E-mail: dzuraevm289@gmail.com

Дар ин мақола муаммоҳои асосие, ки дар шароити рақамикунони босуръат пеши низомҳои идоракунии давлатӣ ва ҳамкориҳои байналмилалӣ ба вуҷуд меояд, таҳлил карда мешаванд. Рақамикунонӣ ба тағйирёбии сохтори амнияти ҷаҳонӣ ва афзоиши шаклҳои рақамии ҷинояткориҳои фаромиллӣ мусоидат менамояд. Бо истифода аз таҷрибаи Тоҷикистон ва кишварҳои дигари Осиёи Марказӣ, хусусиятҳои осебпазирии минтақавиро, ки аз омезиши ҷараёнҳои анъанавии ҷиной ва механизмҳои нави рақамии фаъолияти ғайриқонунӣ ба вуҷуд меоянд, дар мақолаи мазкур баррасӣ мегардад. Ба таҷрибаи Интерпол дар мубориза бо таҳдидҳои киберӣ, истифодаи платформаҳои рақамӣ, криптовалютаҳо, хидматҳои анонимии иртиботӣ ва технологияҳои рамзгузорӣ аз ҷониби шабакаҳои ҷиной таваҷҷуҳи махсус дода шудааст, зеро ин омилҳо фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқиро ба таври ҷиддӣ душвор мегардонанд. Дар мақола самтҳои тақмили механизмҳои институционалии таъмини амният пешниҳод мешаванд, ки ба мутобиқсозии сохторҳои давлатӣ ва байналмилалӣ ба шароити муҳити рақамӣ равона шудаанд.

Калидвожаҳо: иқтисоди рақамӣ, ҷинояткориҳои фаромиллӣ, таҳдидҳои киберӣ, Интерпол, институтҳои миллӣ, санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ, Осиёи Марказӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, амнияти иқтисодӣ.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУДА СНГ В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОДРУЖЕСТВА

Золотухин Алексей Валерьевич

д.ю.н., профессор,

Первый проректор, проректор по науке и инновациям

Российско-Таджикский (славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 44 6204225, E-mail: mczolotoy@rambler.ru

В статье анализируются роль и место Экономического Суда СНГ в системе институциональных механизмов Содружества Независимых Государств. Проводится исследование вклада данного института в формирование единого правового пространства через реализацию его ключевых функций. Особое внимание уделено современным вызовам, с которыми сталкивается Суд на текущем этапе развития. В рамках работы обосновывается необходимость трансформации его деятельности с учетом изменяющихся условий функционирования, а также выдвигаются предложения по совершенствованию данного института правосудия в СНГ в целях укрепления интеграционных процессов.

Ключевые слова: *Экономический Суд, Содружество Независимых Государств (СНГ), правовое пространство, интеграционные платформы, международная интеграция, институциональные механизмы, преюдициальные запросы.*

Современные тенденции развития международных экономических отношений диктуют необходимость постоянного углубления существующих связей и поиска новых форм взаимодействия с целью укрепления институциональных основ сотрудничества и стабилизации торгово-экономических связей. Данная проблема на современном этапе является крайне актуальной и для Содружества Независимых Государств (СНГ), в рамках которого процессы интеграции государств-участников в торгово-экономической сфере имеют первоочередной характер,

особенно учитывая условия глобальной экономической нестабильности и санкционное давление, с которым сталкиваются страны СНГ.

Особую роль в развитии и углублении интеграционных процессов между странами СНГ выполняют специальные институциональные механизмы, созданные для выработки и реализации согласованной экономической политики, а также защиты общих экономических интересов, в том числе путем гармонизации национальных законодательств и координации совместных инвестиционных программ.

В число институциональных механизмов СНГ на данный момент входят высшие политические органы (Советы глав государств и глав правительств), исполнительно-административный аппарат (Исполнительный комитет и Экономический совет СНГ), специализированные правовые институты (Экономический Суд и Межпарламентская Ассамблея), а также различные отраслевые советы.

Экономическому Суду СНГ в рамках данной системы отводится одна из ведущих ролей, по-

скольку его деятельность не ограничивается разрешением правовых коллизий, а напрямую способствует формированию и обеспечению устойчивости единого правового пространства Содружества [4, 9].

Эффективный судебный механизм в лице Экономического Суда СНГ, наделенный полномочиями по обеспечению единообразного толкования норм, составляющих правовую основу Содружества, является ключевым гарантом его стабильности, поскольку вне рамок подобного контроля интеграционное поле неизбежно подвергнется деградации и трансформации в совокупность фрагментированных, коллизионных юрисдикций.

Компетенция Экономического Суда СНГ, носит комплексный характер и охватывает ключевые аспекты правового обеспечения интеграции, включая: разрешение межгосударственных экономических споров, толкования актов Содружества по запросам государств-участников и высших органов СНГ, консультативное содействие в форме подготовки заключений по широкому спектру правовых вопросов и пр.

Одной из наиболее значимых функций Экономического суда заключается в разрешении конкретных конфликтов, возникающих при исполнении экономических обязательств государств-участников СНГ. В данном аспекте Суд выступает в роли арбитра, обеспечивающего соблюдение баланса интересов суверенных государств. Его решения формируют правовые стандарты поведения субъектов международного права в рамках интеграционного взаимодействия [6, 117].

Анализ официальной статистики за более чем тридцатилетний период деятельности Суда свидетельствует, что к его рассмотрению было принято более 130 различных дел, инициированных как странами СНГ, так и органами Содружества. Это прямо подтверждает статус Суда в качестве ключевого интерпретационного центра интеграционного объединения.

Не менее важная сфера деятельности Экономического Суда СНГ в формировании единого пространства является толкование положений международных договоров и иных актов СНГ. Принимая во внимание, что национальные правовые системы стран СНГ развиваются неравномерно, именно Экономический Суд должен обеспечивать «общее прочтение» норм и предотвращать их произвольную интерпретацию [2, 38].

Деятельность Суда в данной сфере позволяет выявлять и устранять правовые пробелы, а также закладывать ориентиры для нормотворческого процесса, способствуя органичному развитию правового поля. Это создает необходимые условия для обеспечения массива юридических норм, действующих в пределах Содружества, в целостную и внутренне согласованную систему.

Реализация данной функции осуществляется Экономическим

Судом СНГ практически повсеместно (более 80% дел, вынесенных на его рассмотрение, связаны с реализацией интерпретационных полномочий). На данный момент Судом выработано большое количество разъяснений международно-правовых актов, включая основополагающие договоры и решения органов Содружества. Это подчеркивает значимость Экономического Суда СНГ как центра правовой экспертизы, обеспечивающего стабильность и предсказуемость применения права Содружества.

Не менее важно значимое место в деятельности Экономического Суда СНГ занимает экспертно-аналитическое сопровождение правовых процессов в рамках Содружества. Данный вектор работы включает в себя активное участие Суда в нормотворческой деятельности (разработка проектов международных договоров, подготовки предложений по совершенствованию модельного законодательства и пр.).

Особую ценность для обеспечения устойчивости правового поля представляет системно-аналитическая работа Суда по мониторингу договорно-правовой базы, позволяющая выявлять и нивелировать коллизии в правоприменительной практике. Практическая значимость экспертного потенциала Суда подтверждается подготовкой аналитических материалов, имеющих важное значение для субъектов хозяйствования (например, сравнительный анализ процедур ВТО и СНГ, унификация критериев определения форс-мажорных обстоятельств и пр.).

Вместе с тем, детальный анализ текущей ситуации позволяет выделить комплекс системных проблем, препятствующих полной реализации потенциала Экономического Суда СНГ.

Прежде всего, процесс формирования единого правового пространства в СНГ на данный

момент сталкивается с определенными трудностями, вызванными расхождением векторов развития национальных законодательств, различиями в интеграционных потенциалах государств-участников, а также низким уровнем имплементации международных соглашений [1, 142].

Помимо этого, с развитием обособленных интеграционных проектов (например, Евразийского экономического союза) возникла проблема институциональной конкуренции в части разграничения компетенций международных судебных органов регионального уровня (Экономического Суда СНГ и Суда ЕАЭС). Юрисдикции соответствующих институтов, как правило, пересекаются, что порождает риски правовой неопределенности и ставит под угрозу стабильность правового поля [3, 7].

Наконец, реализация решений Экономического Суда СНГ также остается проблемным вопросом, поскольку механизм их исполнения носит преимущественно добровольный характер. Отсутствие эффективного инструмента понуждения к исполнению судебных актов приводит к тому, что правовое поле интеграционного пространства рискует приобрести декларативный характер, а уровень доверия к Суду как к гаранту правового единства существенно снижается [5, 87].

Принимая во внимание наличие указанных проблем, деятельность Экономического Суда СНГ на данном этапе развития претерпевает значительную трансформацию, адаптируясь к новым интеграционным реалиям. Последние выражаются в переходе к более гибким форматам работы, с учетом изменяющегося состава участников и финансовых ограничений (в частности, переход к сессионному формату деятельности – *ad hoc*), смещении акцента на консультативную функцию по сравнению с классическим

правосудием (превалирование полномочий по официальному толкованию актов Содружества), а также в усилении взаимодействия с национальными судебными органами (прежде всего в рамках Пленума Экономического Суда СНГ) для создания бесповного правового пространства.

Кроме того, для усиления роли Экономического Суда СНГ в формировании единого правового пространства представляется необходимым развитие ряда ключевых направлений.

Прежде всего, это расширение доступа к правосудию путем включения в круг субъектов обращения (помимо государств и

органов СНГ) юридических лиц, что обеспечит возможность непосредственного взаимодействия и защиты прав субъектов хозяйственной деятельности. Другим важным вектором является углубление интеграции с национальными судебными системами через внедрение механизма запросов о даче разъяснений относительно применения норм международных договоров СНГ.

Наконец, стратегическое значение имеет сопряжение различных интеграционных платформ на пространстве Содружества (ЕАЭС, ШОС), где Экономический Суд СНГ мог бы выполнять

роль связующего звена между различными правовыми режимами.

Подводя итог, следует отметить, что Экономический Суд СНГ является не просто техническим органом по разрешению споров, а фундаментальным институтом, формирующим саму ткань единого правового пространства Содружества. Через толкование норм, разрешение конфликтов и экспертную деятельность Суд обеспечивает согласованность и стабильность правовой системы в регионе.

Библиографический список:

1. Айдарбаев С.Ж. Проблемы правового статуса Экономического Суда СНГ (Реформирование суда) // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 2 (47). С. 140-146.4
2. Ануфриева Л.П. Выполнение обязательств, ответственность государств и толкование международных договоров в деятельности экономического суда СНГ // Российское правосудие. 2011. № 12 (68). С. 36-48.3
3. Бабкина Е.В., Каменкова Л.Э. Экономический Суд СНГ и Суд ЕВРАЗЭС: сходства и различия // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права. Сборник научных трудов. Минск, 2012. С. 5-13.5
4. Каменкова Л.Э. Роль Экономического Суда СНГ в укреплении экономического сотрудничества между государствами-участниками Содружества Независимых Государств // Юстиция Беларуси. 2013. № 9 (138). С. 9-11. 1
5. Лепешков Ю.А. К вопросу о юридической силе решений экономического суда СНГ // Беларусь в современном мире. материалы VII Международной конференции, посвященной 87-летию образования Белорусского государственного университета. 2008. С. 85-87.6
6. Плотников А.В. Правовые аспекты деятельности экономического суда СНГ на современном этапе // Диалог: политика, право, экономика. 2024. № 4 (18). С. 115-121.2

THE ROLE OF THE ECONOMIC COURT OF THE CIS IN THE FORMATION OF A UNIFIED LEGAL SPACE OF THE COMMONWEALTH

Aleksei V. Zolotukhin

Doctor of Law, Professor,

First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Innovation,

Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan)

30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

Tel.: (+992) 44 6204225, E-mail: mczolotoy@rambler.ru

The article analyzes the role and place of the Economic Court of the CIS within the system of institutional mechanisms of the Commonwealth of Independent States. It explores the contribution of this institution to the formation of a unified legal space through the implementation of its key functions. Particular attention is paid to the modern challenges facing the Court at its current stage of development. The study substantiates the necessity of transforming the Court's activities in light of changing functional conditions and proposes measures to improve this judicial institution in the CIS to strengthen integration processes.

Key words: *Economic Court, Commonwealth of Independent States (CIS), legal space, integration platforms, international integration, institutional mechanisms, preliminary rulings.*

НАҚШИ СУДИ ИҚТИСОДИИ ИДМ ДАР ТАШАККУЛИ ФАЗОИ ЯГОНАИ ҲУҚУҚИИ ИТТИҲОД

Золотухин Алексей Валериевич

Доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,

Проректори якум, проректори илм ва инноватсия

Донишгоҳи (славянӣ) Русия-Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Душанбе, Кӯчаи М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 44 6204225, почтаи Электронӣ: mczolotoy@rambler.ru

Дар мақола нақш ва ҷойгоҳи Суди Иқтисодии ИДМ дар системаи пӯстҳои институтсионалии низоми Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил таҳлил карда мешавад. Тадқиқоти саҳми ин институт дар ташаккули фазои ягонаи ҳуқуқӣ тавассути татбиқи вазифаҳои асосии он гузаронида мешавад. Ба мушкилоти муосир, Ки Суд дар марҳилаи кунунии рушд дучор меояд, диққати махсус дода мешавад. Дар доираи кор зарурати дигаргунсозии фаъолияти он бо назардошти тағйир додани шароити амалкунанда асоснок карда мешавад ва инчунин пешниҳодҳо оид ба тақмили ин институти адлия дар ИДМ бо мақсади таҳкими равандҳои интегратсионӣ пешниҳод карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *Суди Иқтисодӣ, Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил (ИДМ), фазои ҳуқуқӣ, платформаҳои инте-грационӣ ҳамгироии байналмилалӣ, механизмҳои институтсионалӣ, дархостҳои пешакӣ.*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ВЫЗОВЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рахмонзода Дилшоди Азизпур

к.ю.н., старший преподаватель кафедры «Гуманитарных
и естественно-математических дисциплин»
Института мировой экономики и международных отношений
Международного университета туризма и
предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Борбад 48/5
тел.: +992000902552, E-mail: rahmonzoda90@bk.ru

Статья посвящена анализу правовых и этических проблем, связанных с использованием автономных систем вооружения в условиях современных вооружённых конфликтов. Автор подчёркивает недопустимость делегирования решений о применении силы исключительно техническим средствам, лишённым способности к моральному суждению и юридической ответственности. Обосновывается необходимость сохранения существенного уровня человеческого контроля над критически важными функциями автономных систем с целью обеспечения соблюдения гуманитарных стандартов. Делается вывод о том, что правовая система объективно не успевает адаптироваться к темпам технологического прогресса, в результате чего возникает временной разрыв между появлением высокотехнологичных вооружений и их нормативным регулированием. Эффективность международного гуманитарного права в условиях технологической трансформации напрямую зависит от способности международного сообщества своевременно адаптировать существующий правовой режим к новым реалиям.

Ключевые слова: автономные системы вооружения, искусственный интеллект, беспилотные летательные аппараты, международное гуманитарное право.

В настоящее время стремительное развитие новых военных технологий значительно меняет характер ведения войны и ставит под вопрос устойчивость действующих норм международного гуманитарного права (далее — МГП). Всё более широкое распространение получают ав-

тономные боевые системы — роботизированные комплексы, беспилотные летательные аппараты и дроны, создаваемые для выполнения различных боевых задач без прямого участия человека. В арсеналах армий ведущих государств уже представлены различные образцы такой техники, работа которой основывается на механизмах искусственного интеллекта (далее-ИИ).

Подобные системы отличаются высокой степенью многофункциональности и способны решать широкий спектр задач от обеспечения тыловой поддержки, включая транспортировку, инженерное сопровождение и обслуживание инфраструктуры, до непосредственного участия в боевых операциях. Их ключевая особенность заключается в способности действовать автономно, без посто-

янного вмешательства оператора. Наиболее современные модели оснащены средствами автоматического анализа оперативной обстановки, что позволяет им самостоятельно выявлять цели и принимать решения о применении оружия¹.

Одним из основных показателей стремительного развития новых военных технологий является рост объёмов финансирования соответствующих программ. Например, в Соединённых Штатах Америки (далее-США) расходы на разработку автономных систем и технологий искусственного интеллекта в оборонной сфере за последнее десятилетие увеличились более чем в шесть раз. Темпы роста таких систем отражает приоритетное внимание, которое уделяется интеграции передовых технологических решений в структуру вооружённых сил².

¹ Глебов И.Н. Гуманитарное право военных роботов // Гуманитарное право – Сетевой научный юридический журнал. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://humanlaw.ru/9-article/28-drones.html> (дата обращения 10.09.2025г)

² См.: Там же.

По данным на 2025 год Министерство обороны США запланировало выделение 25,2 миллиарда долларов на программы, связанные с развитием технологий искусственного интеллекта и автономных систем. При этом основная часть финансирования около 21,8 миллиарда долларов направлена на научно-исследовательские, испытательные и оценочные работы (RD&E). Важно подчеркнуть, что указанная сумма в 25,2 миллиарда долларов является приблизительной, поскольку получена на основе анализа бюджетных статей, в которых технологии ИИ или элементы автономности упоминаются как составные части более крупных программ. Из указанного объема финансирования лишь 1,8 миллиарда долларов было направлено непосредственно на развитие технологий искусственного интеллекта, что отражает целенаправленные инвестиции в совершенствование алгоритмов, программных решений и архитектур ИИ для их последующей интеграции в военные системы¹.

В странах Европы также наблюдается активное внедрение технологий искусственного интеллекта в оборонный сектор, что подтверждается переходом от разрозненных исследовательских инициатив к систематическим инвестициям, осуществляемым при институциональной

поддержке. В частности, в рамках Европейского оборонного фонда (EDF) на период с 2021 по 2027 год предусмотрено финансирование в объеме 7,3 миллиарда евро, направленное на ускоренное развитие оборонных возможностей с использованием ИИ-технологий².

Министерство обороны Японии в рамках оборонного бюджета на 2025 финансовый год запросило около 710 миллионов долларов для приобретения беспилотных летательных аппаратов³. Развитие беспилотных систем рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений усиления национального военного потенциала Японии. В соответствии с наметенной программой, в течение первых трех лет Япония планирует инвестировать около 2,7 миллиарда долларов в данный сегмент, а общий объем финансирования беспилотных технологий, по оценкам, достигнет примерно 6,8 миллиарда долларов к 2027 году⁴.

Министерство обороны Великобритании в Стратегическом обзоре обороны 2025 года сообщило о выделении более 4 миллиардов фунтов стерлингов на развитие автономных военных систем, предназначенных для модернизации вооруженных сил в период с 2025 по 2030 год с особым вниманием к внедрению

искусственного интеллекта и автономных технологий в военные операции на суше, в воздухе и на море⁵.

Как мы видим, наращивание потенциала автономных систем свидетельствует о стремлении государств обеспечить технологическое превосходство и повысить оперативную эффективность вооруженных сил в условиях быстро меняющегося характера вооруженных конфликтов.

Указанные технологии радикально трансформируют ландшафт современных вооруженных конфликтов, и ставят под сомнение применимость МГП. В новых условиях возникает необходимость переосмысления устоявшихся правовых представлений о допустимости применения силы, статусе участников конфликта и механизмах привлечения к ответственности лиц нарушающие нормы МГП.

Несмотря на актуальность проблемы, вероятность принятия новых международных соглашений, специально направленных на правовое регулирование подобных технологий остаётся крайне низкой. Такое явление, объясняется в частности серьёзным технологическим дисбалансом между государствами и как следствие, расхождением в их стратегических интересах.

На сегодняшний день не существует единого международно

¹ Заместитель министра обороны. Бюджетный запрос Министерства обороны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/FY2025_Weapons.pdf (дата обращения 10.10.2025г)

² Позиционирование государства в европейских военных сетях ИИ: анализ социальных сетей европейских партнерств в сфере военного ИИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/FY2025_Weapons.pdf (дата обращения 13.10.2025г)

³ Минобороны Японии запросило рекордный бюджет из-за угрозы Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.rbc.ua/ukr/news/minoboroni-poniyi-](https://www.rbc.ua/ukr/news/minoboroni-poniyi-zaprosilo-rekordniy-byudzheth-1725055908.html)

[zaprosilo-rekordniy-byudzheth-1725055908.html](https://www.rbc.ua/ukr/news/minoboroni-poniyi-zaprosilo-rekordniy-byudzheth-1725055908.html) (дата обращения 14.10.2025г)

⁴ Япония планирует рекордный оборонный бюджет в 60 миллиардов долларов на 2026 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://defensehere.com/en/japan-eyes-record-60-billion-defense-budget-for-2026/> (дата обращения 20.10.2025г)

⁵ Крупные инвестиции в технологии в размере 5 миллиардов фунтов стерлингов ускоряют инновации в оборонной отрасли Великобритании впервые в Европе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/major-5-billion-technology-investment-accelerates-uk-defence-innovation-in-a-european-first> (дата обращения 25.10.2025г)

признанного определения автономных систем вооружения. Тем не менее, большинство предлагаемых формулировок сходятся в одном, такие системы способны самостоятельно выбирать и поражать цели без вмешательства человека. В связи с этим Международный комитет Красного Креста (далее-МККК) предложил использовать обобщающее понятие «автономные системы вооружения». Данный термин охватывает любые виды оружия, функционирующие автономно в воздушной, наземной или морской среде и выполняющие так называемые «критически важные функции». Под этим понимается способность системы самостоятельно осуществлять выбор целей, то есть вести их поиск, обнаружение, идентификацию, сопровождение и окончательный выбор, а также наносить по ним удары, применять силу, выводить из строя или уничтожать. После активации такие системы, опираясь на встроенные сенсоры, программное обеспечение и вооружение, полностью берут на себя процессы, которые ранее требовали непосредственного участия человека¹.

Думается, что основным отличием автономных систем вооружения от других видов оружия, включая ударные беспилотные летательные аппараты, является их способность самостоятельно выполнять критически важные функции. В то время как в беспилотниках решения о выборе и поражении цели принимает удалённый оператор, автономные системы выполняют эти действия без участия человека, что и определяет их принципиальную особенность.

Озабоченность по поводу использования автономных систем вооружения связана, прежде

всего, с этическим вопросом: допустимо ли, чтобы во время вооружённого конфликта решения о жизни и смерти принимались без участия человека, только посредством автономных систем. Независимо от того, соответствуют ли такие системы нормам МГП, именно отсутствие человеческого контроля вызывает сомнения.

Обсуждения последних лет, в которых участвуют государства, эксперты, правозащитные организации и представители общества, показывают, что идея передачи решений о применении силы машине вызывает серьёзную тревогу².

В данном контексте представим несколько аргументов, свидетельствующие о том, почему передача решений о применении силы автономным системам вооружения является недопустимой:

Во первых, передача права принимать решение о применении силы автономной системе противоречит основным нормам МГП. МГП требует, чтобы стороны вооружённого конфликта умели различать комбатантов и некомбатантов, а также применяли силу соразмерно поставленной военной цели. Требования предполагают способность к моральной оценке, пониманию ситуации и принятию ответственного решения. Современные машины, даже с использованием ИИ, не способны в полной мере понимать человеческое поведение, социальную обстановку и этическую сторону происходящего. Поэтому они не могут гарантировать соблюдение правовых и моральных норм при выборе цели и принятии решения о применении оружия;

Во вторых, технологическая надёжность автономных систем остаётся ограниченной. Потому,

что ошибки в программном обеспечении, некорректная интерпретация сенсорных данных или воздействие внешней кибератаки могут привести к катастрофическим последствиям. Например, к поражению гражданских объектов или эскалации конфликта. То есть, отсутствие человека в цепочке принятия решений увеличивает риск непредсказуемых и необратимых последствий;

В третьих, кто несёт юридическую и моральную ответственность, если автономная система применяет силу неправомерно – разработчик, производитель, командование? Такая неопределённость вызывает споры и порождает вопросы о том, кто будет нести ответственность за применение силы;

В четвёртых, исключение человека из цикла принятия решений стирает важные этические границы, превращая применение силы в техническую операцию, а не в сознательный, морально обоснованный акт, которая создаёт риск снижения политического и общественного контроля над началом и ведением военных действий;

В пятых, с точки зрения научного и технического прогресса важно понимать, что даже самые продвинутые ИИ-системы являются инструментами, а не субъектами морали или права. Предоставление им полномочий по принятию решений о применении силы означает не просто использование новых технологий, а изменение самой природы вооружённого конфликта и международной безопасности.

Следует признать, что, автономные системы значительно превосходят человека в скорости обработки информации, анализе больших массивов данных, быстром выполнении срочных

¹ Международное гуманитарное право и вызовы современных вооружённых конфликтов. Доклад. XXXII Международная конференция красного креста и красного полумесяца. Женева, Швейцария, 8–10 декабря 2015 г. С. 79.

² Международное гуманитарное право и вызовы современных вооружённых конфликтов. Доклад. XXXII Международная конференция красного креста и красного полумесяца. Женева, Швейцария, 8–10 декабря 2015 г. С. 83.

задач и в способности к многозадачности, включая решение сложных технических проблем. Тем не менее, только человек обладает способностью к нравственным размышлениям, сочувствию, проявлению гуманности и способен использовать накопленный жизненный опыт в новых, нестандартных ситуациях. Только человек может принимать осознанные решения и нести за них правовую ответственность.

Государства должны определить, в каких ситуациях использование автономных видов вооружения недопустимо, исходя из норм МГП. При этом необходимо учитывать и вероятность того, что такие технологии могут оказаться в распоряжении террористических группировок. Вместе с тем обсуждение мер по регулированию автономных вооружённых систем не должно препятствовать развитию и применению интеллектуальных автономных технологий в мирных целях¹.

Некоторые ученые считают, что развитие новых технологий может приобретать прогрессивное и гуманистическое измерение, особенно в контексте минимизации ущерба, наносимого гражданскому населению в условиях вооружённых конфликтов. Ряд достижений в сфере цифровых и информационных технологий, включая спутниковую разведку, системы высокоточной навигации, аэрофотосъёмку, дистанционное зондирование поверхности и иные методы получения оперативной информации открывают принципиально новые возможности для проведе-

ния военных операций с высокой степенью точности. Использование таких технологий способствует более эффективному выявлению и идентификации объектов военной инфраструктуры противника, что, в свою очередь, позволяет наносить точечные удары, минимизируя сопутствующий ущерб. Благодаря высокой точности получаемых данных военные действия могут быть организованы с учётом принципов МГП в частности, соблюдения принципов различия между комбатантами и некомбатантами, пропорциональности нанесённого ущерба и необходимой соразмерности применяемых средств².

Действительно, достижения в сфере спутниковой разведки, цифровой навигации и других информационных систем открывают новые возможности для точного выявления военных целей. При корректном использовании такие технологии теоретически позволяют организовывать операции с большей степенью соответствия принципам МГП. В то же время полагаться исключительно на технические средства при решении задач гуманитарного характера представляется недостаточным. Так, как высокая точность вооружения не исключает ошибок, вызванных как техническими сбоями, так и неправильной интерпретацией данных. Потому, что технология всё равно остаётся инструментом, эффективность и этическая приемлемость которого зависят от политических решений и качества командного контроля. Даже при высокой точности современные виды

оружия могут причинять серьёзный ущерб, особенно если их использование не сопровождается строгим соблюдением правовых и этических норм.

Исходя из этого, развитие технологий действительно открывает новые пути к ведению боевых действий, но без устойчивых правовых механизмов, прозрачности принятия решений и подлинной ответственности за их последствия такие достижения не гарантируют соблюдения принципов МГП.

МККК, играющий важную роль в продвижении норм МГП, уделяет серьёзное внимание вопросам, возникающим в связи с применением автономных систем вооружения.

Так, МККК предлагает три возможных подхода для решения правовых и этических проблем, связанных с автономным оружием.

➤ первый подход предполагает укрепление национальных механизмов правовой экспертизы с целью обеспечения соответствия новых видов вооружений нормам МГП.

➤ второй подход ориентирован на выработку чёткого определения понятия «смертоносные автономные системы оружия» с последующим установлением допустимых пределов автономности в зависимости от юридических и этических рисков.

➤ третий подход основывается на определении необходимого уровня участия человека в управлении автономными системами с учётом положений МГП, принципов гуманности и требований общественного сознания³.

¹ Чернявский А. Г., Сибилева О. П. Автономное высокоточное оружие как вызов международному гуманитарному праву // Военное право. – 2020. – № 4 (62). – С. 236.

² Бишманов, К. М. Новейшие технологии в современных вооружённых конфликтах и международное гуманитарное право / К. М. Бишманов, А. И. Рзабай // Вестник Академии правоохранительных органов

при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2025. – № 1(35). – С. 213.

³ Совещание экспертов по смертоносным автономным системам оружия. Мнение Международного комитета Красного Креста об автономных системах оружия 11–15 апреля 2016 г., Женева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_li

Предложенные МККК подходы в целом представляют собой взвешенную и комплексную стратегию, направленную на минимизацию правовых и этических рисков, связанных с развитием и применением таких технологий. Комбинация правовой экспертизы, чёткого понятийного аппарата и установления параметров человеческого контроля позволяет охватить как превентивные, так и практические аспекты использования автономных систем. Такой подход отражает стремление сохранить фундаментальные принципы МГП в условиях технологической трансформации военного дела и подчёркивает важность того, чтобы человек оставался центральной фигурой в принятии решений, затрагивающих вопросы жизни и смерти, обеспечивая, тем самым, соблюдение гуманности и юридической ответственности в ходе вооружённых конфликтов.

С учётом необходимости сохранения гуманитарных ориентиров и внедрения новых технологий в современные вооружённые конфликты особую значимость приобретает правовая база, регулирующая применение оружия.

Регламентация применения оружия в рамках МГП осуществляется посредством сочетания норм общего обычного права и специальных договорных запретов, касающихся отдельных видов вооружений. В соответствии

с общепринятыми нормами, недопустимо использование оружия, которое причиняет чрезмерные повреждения либо ведёт к ненужным страданиям, а также вооружений, не обладающих способностью избирательного поражения, то есть не способных различать между военными и гражданскими целями¹.

В то же время нормы, направленные на ограничение или запрещение конкретных видов оружия, закреплены в ряде международных договоров, охватывающих такое оружие, как химическое, биологическое, кассетное, зажигательное оружие и противопехотные мины.

Все вышеуказанные виды оружий являются средствами, способными причинять неизбирательный и чрезмерный ущерб, особенно среди гражданского населения, что противоречит основным принципам МГП. Их применение часто невозможно ограничить только военными целями, а последствия нередко продолжаются и после окончания боевых действий. Именно поэтому международное сообщество пришло к выводу о необходимости введения жёстких ограничений или полного запрета на использование таких видов оружия через принятие соответствующих международных договоров.

В последние десятилетия наблюдается тенденция к снижению значения договорного регулирования сферы вооружённых

конфликтов. Принятие Дополнительных протоколов 1977 года к Женевским конвенциям стало, по сути, последней масштабной попыткой на многостороннем уровне кодифицировать универсальные нормы, касающиеся ведения боевых действий².

Такая динамика позволяет сделать обоснованный вывод о том, что МГП сталкивается с серьёзными трудностями в части своевременного и детализированного правового регулирования вооружённых конфликтов. Правовая система объективно не успевает адаптироваться к темпам технологического прогресса, в результате чего возникает временной разрыв между появлением высокотехнологичных вооружений и их нормативным регулированием. Существующее положение дел в корне осложняет процесс формирования эффективных и актуальных правовых рамок регулирования современных вооружённых конфликтов³.

В этих условиях особую значимость приобретает совершенствование теоретико-правовых основ защиты жертв вооружённых конфликтов. Данная позиция находит отражение и в научной литературе. Так, отечественный учёный С.А. Раджабов в своей диссертации справедливо отмечает: «Необходимость обеспечения безопасности жертв войны требует выработки целостной и объективной, отвечающей потребностям современного развития общества научно-

st/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf (дата обращения 01.11.2025г)

¹ Дополнительный протокол (I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, 1125 UNTS 3, 8 июня 1977 года (вступил в силу 7 декабря 1978 года), статья 35.

² См.: Дёрманн, «Роль негосударственных образований в развитии и продвижении международного гуманитарного права», *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, т. 51, № 3, 2018 г., стр. 714; Йорам Динштейн, «Последняя эволюция международного права вооружённых конфликтов: путаница, ограничения и вызовы» *Vanderbilt Journal of Transnational*

Law, т. 51, № 3, 2018 г., стр. 708; Джон Б. Беллинджер III и Виджай М. Падманабхан, «Операции по задержанию в современных конфликтах: четыре вызова Женевским конвенциям и другим действующим нормам права», *American Journal of International Law*, т. 105, № 2, стр. 20, стр. 205;

³ Бишманов, К. М. Новейшие технологии в современных вооружённых конфликтах и международное гуманитарное право / К. М. Бишманов, А. И. Рзабай // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2025. – № 1(35). – С. 213.

правовой концепции защиты прав человека в ходе вооружённых конфликтов»¹.

Изложенные положения позволяют сделать вывод о том, что дальнейшее развитие международного гуманитарного права должно быть ориентировано не только на сохранение уже существующих механизмов защиты, но и на их адаптацию к новым методам и средствам ведения войны. В этой связи МГП сохраняет значительный потенциал в

сфере регулирования новых военных технологий. Вместе с тем, эффективность применения МГП в условиях стремительной технологической трансформации напрямую зависит от способности международного сообщества своевременно адаптировать существующие правовые нормы к возникающим вызовам.

При отсутствии должного обновления и развития международно-правовых норм возрастает

риск утраты МГП способности эффективно регулировать вооружённые конфликты, которая может привести к увеличению масштабов гуманитарных последствий, то есть рост числа жертв среди гражданского населения, разрушение жизненно важной инфраструктуры и иные тяжёлые последствия гуманитарного характера.

Библиографический список

1. Дополнительный протокол (I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, 1125 UNTS 3, 8 июня 1977 года (вступил в силу 7 декабря 1978 года).
2. Бишманов, К. М. Новейшие технологии в современных вооружённых конфликтах и международное гуманитарное право / К. М. Бишманов, А. И. Рзабай // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2025. – № 1(35). – С. 210-220.
3. Глебов И.Н. Гуманитарное право военных роботов // Гуманитарное право – Сетевой научный юридический журнал. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://humanlaw.ru/9-article/28-drones.html> (дата обращения 10.09.2025г)
4. Дёрманн, «Роль негосударственных образований в развитии и продвижении международного гуманитарного права», *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, т. 51, № 3, 2018 г., стр. 714.
5. Джон Б. Беллинджер III и Виджай М. Падманабхан, «Операции по задержанию в современных конфликтах: четыре вызова Женевским конвенциям и другим действующим нормам права», *American Journal of International Law*, т. 105, № 2, стр. 20, стр. 205.
6. Заместитель министра обороны. Бюджетный запрос Министерства обороны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/FY2025_Weapons.pdf (дата обращения 10.10.2025г)
7. Йорам Динштейн, «Последняя эволюция международного права вооружённых конфликтов: путаница, ограничения и вызовы» *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, т. 51, № 3, 2018 г., стр. 708.
8. Крупные инвестиции в технологии в размере 5 миллиардов фунтов стерлингов ускоряют инновации в оборонной отрасли Великобритании впервые в Европе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/major-5-billion-technology-investment-accelerates-uk-defence-innovation-in-a-european-first> (дата обращения 25.10.2025г)
9. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооружённых конфликтов. Доклад. XXXII Международная конференция красного креста и красного полумесяца. Женева, Швейцария, 8–10 декабря 2015 г. 108 с.
10. Минобороны Японии запросило рекордный бюджет из-за угрозы Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ua/ukr/news/minoboroni-poniyi-zaprosilo-rekordniy-byudzheta-1725055908.html> (дата обращения 14.10.2025г)
11. Позиционирование государства в европейских военных сетях ИИ: анализ социальных сетей европейских партнерств в сфере военного ИИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2025/FY2025_Weapons.pdf (дата обращения 13.10.2025г)
12. Раджабов С.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10 / Раджабов Саитумбар Адинаевич. – Москва., 2008. – 50 с.

¹ Раджабов С.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджики-

стан: проблемы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10 / Раджабов Саитумбар Адинаевич. – Москва., 2008. – С.3.

13. Совещание экспертов по смертоносным автономным системам оружия. Мнение Международного комитета Красного Креста об автономных системах оружия 11–15 апреля 2016 г., Женева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf (дата обращения 01.11.2025г)
14. Чернявский А. Г., Сибилева О. П. Автономное высокоточное оружие как вызов международному гуманитарному праву // Военное право. – 2020. – № 4 (62). – С. 229-238.
15. Япония планирует рекордный оборонный бюджет в 60 миллиардов долларов на 2026 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://defensenet.com/en/japan-eyes-record-60-billion-defense-budget-for-2026/> (дата обращения 20.10.2025г).

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AND THE CHALLENGES OF NEW TECHNOLOGIES

Rahmonzoda Dilshodi Azizpour

candidate of legal sciences, senior Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences Mathematics Institute of World Economy and International Relations
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad 48/5
Tel.: +992000902552, Email: rahmonzoda90@bk.ru

This article analyzes the legal and ethical issues associated with the use of autonomous weapons systems in contemporary armed conflicts. The author emphasizes the inadmissibility of delegating decisions on the use of force solely to technical means devoid of moral judgment and legal responsibility. The author substantiates the need to maintain a significant level of human control over the critical functions of autonomous systems to ensure compliance with humanitarian standards. It concludes that the legal system is objectively failing to adapt to the pace of technological progress, resulting in a time lag between the emergence of high-tech weapons and their regulatory framework. The effectiveness of international humanitarian law in the context of technological transformation directly depends on the ability of the international community to promptly adapt the existing legal regime to new realities.

Keywords: *autonomous weapons systems, artificial intelligence, unmanned aerial vehicles, international humanitarian law.*

ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ БАШАРДУСТӢ ВА МУШКИЛОТИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ НАВ

Раҳмонзода Дилшоди Азизпур

муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ ва табиӣ-риёзӣ
Институти иқтисодӣ ҷаҳон ва муносибатҳои байналмилалӣ
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Борбад 48/5
Тел.: +992000902552, почтаи электронӣ: rahmonzoda90@bk.ru

Дар ин мақола масъалаҳои ҳуқуқӣ ва ахлоқии марбут ба истифодаи системаҳои силоҳи худкор дар низоъҳои мусаллаҳонаи муосир таҳлил карда мешаванд. Муаллиф норавшани воғузорӣ қарорҳо дар бораи истифодаи зӯровари танҳо ба воситаҳои техникӣ, ки аз довари ахлоқӣ ва масъулияти ҳуқуқӣ холианд, таъкид мекунад. Муаллиф зарурати нигоҳ доштани сатҳи назарраси назорати инсонӣ бар вазифаҳои муҳими системаҳои худкорро барои таъмини риояи стандартҳои башардӯстона асоснок мекунад. Дар он ҳуҷум бароварда мешавад, ки низоми ҳуқуқӣ ба таври объективӣ ба суръати пешрафти технологӣ мутобиқ намешавад, ки дар натиҷа байни пайдоиши силоҳҳои баландтехнологӣ ва ҷаҳорҷӯбаи танзимкунандаи онҳо фосилаи вақт ба вуҷуд меояд. Самаранокии ҳуқуқи байналмилалӣ башардӯстӣ дар заминаи табдили технологӣ мустақиман аз қобилияти ҷомеаи ҷаҳонӣ барои мутобиқ кардани низоми ҳуқуқии мавҷуда ба воқеиятҳои нав вобаста аст.

Калидвожаҳо: *системаҳои силоҳи худкор, зеҳни сунъӣ, ҳавопаймоҳои бесарнишин, ҳуқуқи байналмилалӣ башардӯстӣ.*

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебную-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.А. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - N 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 30.06.2026. Подписано в печать 30.06.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная Гарнитура
литературная. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Услов. печ. л. 15,125.
Тираж 100 экз. Заказ №95.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан,
г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30